

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

Национальный
исследовательский

**Томский
государственный
университет**

УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ

Russian Journal of Criminal Law

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2021

№ 17

УГОЛОВНОЕ ПРАВО
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО
ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР
КРИМИНОЛОГИЯ
УГОЛОВНОЕ ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС-77 54545 от 21 июня 2013 г.
выдано Федеральной надзорной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Андреева О.И. – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Воронин О.В.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, ответственный секретарь (г. Томск); **Мариничева А.Ю.** – менеджер Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, технический секретарь (г. Томск); **Свиридов М.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, член-корреспондент СО Академии наук высшей школы, действительный член Международной академии наук высшей школы, действительный член Академии социальных наук (г. Томск); **Уткин В.А.** – доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии, главный редактор (г. Томск); **Филимонов В.Д.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Шеслер А.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Азаров В.А. – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовного процесса и криминологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (г. Омск); **Андреева О.И.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Ахмедшин Р.Л.** – доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Барабаш А.С.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Сибирского федерального университета (г. Красноярск); **Ведерников Н.Т.** – доктор юридических наук, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (г. Москва); **Голик Ю.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации (г. Москва); **Головкин Л.В.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва); **Гришко А.А.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя (г. Москва); **Дерябин Ю.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры организации раскрытия и расследования преступлений Омской академии МВД России (г. Омск); **Зинкин В.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии и уголовного процесса Кемеровского государственного университета (г. Кемерово); **Николок В.В.** – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва); **Прозументов Л.М.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Самович Ю.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России (г. Кемерово); **Свиридов М.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, член-корреспондент СО Академии наук высшей школы, действительный член Международной академии наук высшей школы, действительный член Академии социальных наук (г. Томск); **Селиверстов В.И.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва); **Смолькова И.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса института государства и права Байкальского государственного университета (г. Иркутск); **Стойко Н.Г.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминологии Юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург); **Уткин В.А.** – доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии (г. Томск); **Филимонов В.Д.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Халиулин А.Г.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Москва); **Черненко Т.Г.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного права и криминологии Юридического института Кемеровского государственного университета (г. Кемерово); **Шеслер А.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

МИССИЯ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Научно-практический журнал высшей школы России «Уголовная юстиция» призван служить объединению интеллектуального потенциала научных и практических работников в обсуждении и решении актуальных проблем уголовной политики, формирования и применения законодательства о борьбе с преступностью в современных социально-политических и экономических реалиях. Особое значение приобретают региональные особенности реализации уголовной политики. Специализированные журналы такого профиля существуют, но они издаются, как правило, ведомственными вузами и научными учреждениями. Своеобразие журнала – в его направленности на обсуждение актуальных проблем уголовной политики не только специалистами – ученых и практиков, но и компетентных представителей гражданского общества, правозащитников, представителей законодательных органов власти.

В международно-правовом аспекте термин «уголовная юстиция» охватывает все стадии противодействия преступности – от ее предупреждения до исполнения наказания, поэтому журнал охотно предоставляет возможность публикаций для представителей всех наук криминального цикла. Его издатели будут рады участию в нем специалистов иных отраслей юридического знания для комплексного обсуждения рассматриваемых проблем.

Журнал включен в Перечень научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции и издателя:

634050, РФ, г. Томск, проспект Ленина, 36, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Юридический институт, редакция журнала «Уголовная юстиция». E-mail: crim.just@mail.ru

Сведения о журнале можно найти на сайте в сети Интернет: <http://journals.tsu.ru/crimjust/>

Электронную версию журнала «Уголовная юстиция» смотрите: <http://www.elibrary.ru>

Издательство: Издательство Томского государственного университета

Редакторы: Н.А. Афанасьева, ю.П. Готфрид; редактор-переводчик В.В. Кашпур; оригинал-макет А.И. Лелююр; дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано в печать 24.06.2021 г. Формат 60х80^{1/8}. Печ. л. 17. Усл.-печ. л. 15,8. Тираж 500 экз. Заказ № 4697. Цена свободная.

Дата выхода в свет 29.06.2021 г.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании Издательства Томского государственного университета. 634050, пр. Ленина, 36, Томск, Россия. Тел.: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–52-96-75. Сайт: <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Агабекян А.Л. Эволюция механизма исполнения альтернативных наказаний в международных стандартах XXI века	5
Джинджолия Р.С., Авдеева Е.В. Мошенничество в сфере предпринимательства и другие виды хищения путем обмана и злоупотребления доверием. Критерии разграничения	10
Прозументов Л.М. Восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания	13
Ткачев И.О. Постановление пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления»: анализ основных новелл	18

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Анешева А.Т., Аксенова Л.Ю. Освидетельствование: сущность и задачи	25
Гулиева Н.Б., Драпезо Р.Г. Завуалированный способ распространения сведений клеветнического и оскорбительного характера: проблемы процессуального доказывания	30
Гусев А.Ю. Судебный штраф как альтернатива уголовной ответственности: вопросы уголовно-правовой защиты социальных прав граждан	35
Дударев В.А. Пандемия COVID-19 как катализатор цифровизации российского уголовного судопроизводства	39
Желева О.В. К вопросу о понятии электронных доказательств и критериях допустимости их использования	44
Каминский Э.С. Условия применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов для защиты публичных интересов	50
Кукса П.А. О функциях прокурора в уголовном судопроизводстве	54
Ханинова О.В. Актуальные вопросы взаимодействия служб и подразделений органов внутренних дел при расследовании уголовных дел о мошенничествах, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	58
Цыреторов А.И., Анисимов А.Г. Залог как мера пресечения: некоторые проблемы и пути повышения эффективности	62
Шаина М.А. Возмещение вреда потерпевшему в случае смерти лица, виновного в совершении преступления, и прекращения производства по уголовному делу	66
Ясельская В.В., Грищенко А.В. Реализация права граждан на участие в отправлении правосудия: возможные пути реформирования в уголовном процессе	69

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Витовская Е.С. Место и роль следственного изолятора в механизме противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ	76
Зеленская Т.В., Казарина М.И. Некоторые проблемы исполнения судебного решения о назначении принудительных мер медицинского характера	81
Каретников К.В. Реализация основных направлений профилактики групповых правонарушений несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях	87

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Воронин О.В. Правовые средства прокурорского надзора в местах принудительной изоляции от общества	93
Мариничева А.Ю. Некоторые правовые средства прокурорского надзора за законностью закупочной деятельности	101

КРИМИНОЛОГИЯ

Олимпиев А.Ю., Стрельникова И.А. Кибербезопасность и ее обеспечение в Российской Федерации	104
Филиппова О.В. О состоянии рецидивной преступности в Дальневосточном федеральном округе	110

УГОЛОВНОЕ ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Давыдова И.А. Судебные средства правовой защиты заключенных во Франции	115
Скаков А.Б. О перспективах развития процесса исполнения уголовных наказаний и пробации в Республике Казахстан	120
Смирнова И.Г., Алексеева Е.В. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в ходе проверки сообщения о преступлении: сравнительно-правовой анализ УПК РФ и УПК КНР	128
Сведения об авторах	134

CONTENTS

CRIMINAL LAW

Agabekyan A.L. Implementation of Alternative Sentences in the International Standards of the 21st Century	5
Dzhinolia R.S., Avdeeva E.V. Business Fraud and Other Kinds of Theft by Deception and Abuse of Confidence: Distinction Criteria.....	10
Prozumentov L.M. Restoration of Social Justice as a Goal of Criminal Punishment	13
Tkachev I.O. Resolution No. 48 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 26, 2019, “On the Practice of the Courts’ Application of Legislation on Liability for Tax Crimes”: An Analysis of the Main Novels	18

CRIMINAL PROCEDURE

Anesheva A.T., Aksenova L.Yu. Examination: Essence and Objectives	25
Gulieva N.B. kzy, Drapezo R.G. A Veiled Way of Disseminating Defamatory and Offensive Information: Problems of Procedural Proof	30
Gusev A.Yu. Court Fine as an Alternative to Criminal Liability: Issues of Criminal Law Protection of Social Rights of Citizens	35
Dudarev V.A. COVID-19 Pandemic as a Catalyst for Digitalization of Russian Criminal Justice	39
Zheleva O.V. On the Concept of Electronic Evidence and the Criteria for Their Admissibility	44
Kaminsky E.S. Conditions for the Application of Alternative Methods of Resolving Criminal Conflicts to Protect Public Interests	50
Kuksa P.A. On the Prosecutor’s Functions in Criminal Proceedings	54
Khanineva O.V. Topical Issues of Interaction Between Services and Departments of Internal Affairs Bodies in the Investigation of Fraud Committed Using Information and Telecommunication Technologies	58
Tsyretorov A.I., Anisimov A.G. Bail as a Preventive Measure: Some Problems and Ways to Improve Effectiveness	62
Shaina M.A. Indemnity to a Victim for Harm in Case of Death of the Person Guilty of Crime and Termination of Criminal Proceedings	66
Yaselskaya V.V., Grishchenko A.V. Exercise of the Right of Citizens to Participate in the Administration of Justice: Possible Ways of Reforming in the Criminal Process	69

PENAL LAW

Vitovskaya E.S. The Place and Role of a Pre-Trial Detention Center in the Counteraction to Illicit Trafficking in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances	76
Zelenskaya T.V., Kazarina M.I. Some Problems of the Execution of a Court decision on the Appointment of Compulsory Medical Measures	81
Karetnikov K.V. Main Directions of Prevention of Group Offenses among Juvenile Convicts in Young Offender Institutions	87

PROSECUTOR SUPERVISION

Voronin O.V. Legal Remedies of Prosecutor’s Supervision in Places of Forced Isolation from Society	93
Marinicheva A.Yu. Some Legal Remedies of Prosecutor’s Supervision over the Legality of Procurement Activities	101

CRIMINOLOGY

Olimpiev A.Yu., Strelnikova I.A. Cybersecurity and Its Maintenance in the Russian Federation	104
Filippova O.V. On the State of Recidivist Crime in the Far Eastern Federal District	110

CRIMINAL LAW OF FOREIGN COUNTRIES

Davydova I.A. Judicial Remedies for Prisoners in France	115
Skakov A.B. On the Prospects for the Development of the Execution of Criminal Sentences and Probation in the Republic of Kazakhstan	120
Smirnova I.G., Alekseeva E.V. Ensuring the Rights and Legal Interests of the Victim when Checking the Crime Report: A Comparative Legal Analysis of the Criminal Procedure Codes of the Russian Federation and the People’s Republic of China	128
Information About the Authors in Russian	134

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.847

DOI: 10.17223/23088451/17/1

А.Л. Агабекян

ЭВОЛЮЦИЯ МЕХАНИЗМА ИСПОЛНЕНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ
В МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТАХ XXI ВЕКА

Рассматриваются изменения порядка исполнения наказаний без изоляции от общества, закрепленные в международных стандартах. Обращается внимание на особенности реализации альтернатив лишения свободы в современных Европейских правилах в отношении общинных санкций и мер. Анализируются существующие проблемы, отмечаются позитивные преобразования в указанной сфере.

Ключевые слова: международные стандарты альтернативных наказаний, исполнение наказаний без изоляции от общества, механизм реализации наказаний, «общинные» санкции и меры

Целостный механизм реализации альтернативных наказаний на международном уровне был отражен в Минимальных стандартных правилах Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) 1990 г. (далее – Токийские правила). В этом отношении Токийские правила стали ориентиром для всех стран в сфере применения наказаний без изоляции от общества. Однако наиболее общие правовые основы этого были заложены еще в таких универсальных актах, как Всеобщая декларация прав человека (ст. 2, ст. 29), Международный пакт о гражданских и политических правах (ст. 7).

Обращаясь к терминологии, отметим, что под механизмом реализации (в узком смысле слова)¹ альтернативных санкций обычно понимают деятельность государственных органов по исполнению предписаний приговора суда о наказании, а также деятельность осужденных по отбыванию наказания [1]. Причем, по мнению В.Е. Южанина, последнее является главным. Эти два процесса, безусловно, взаимосвязаны, однако ниже под механизмом реализации мы понимаем действия исполняющих органов, для обозначения которых используется термин *implementation*, т.е. «исполнение», а именно «выполнение практических аспектов работы исполняющих органов». Хотя термин *implementation* может быть переведен и как «отбывание». Это зависит от субъекта осуществления указанной деятельности: если речь идет о преступнике, то следует использовать существительное «отбывание», глагол «отбывать», причастие «отбывающий», а если о государстве, то «исполнение», «исполнять», «исполняющий» и т.д. Следовательно, исполнение – это деятельность учреждений и органов государства, а отбывание – деятельность осужденного.

По мере развития международно-правовых основ альтернативных санкций и мер проблемам их исполнения в международных стандартах постепенно уделяется все больше внимания. Это проявляется, в частности, в

возрастании количества положений, посвященных реализации наказаний. Так, если в Токийских правилах они закреплены в 23 нормах, в Европейских правилах 1992 г. в отношении общинных санкций и мер (далее – Европейские правила 1992 г.) – в 31. Рекомендация Комитета Министров о Правилах Совета Европы о пробации 2010 г. (далее – Правила о пробации) и Европейские правила в отношении общинных санкций и мер 2017 г. (далее – Европейские правила 2017 г.) буквально пронизаны этими положениями, количество которых сводится к 38 и 43 соответственно. Помимо этого, за последние десятилетия механизм исполнения по содержанию был существенно модифицирован исходя из целей Правил.

Содержащиеся в них положения определяют суть непенитенциарного режима, который, как справедливо отмечает Н.В. Ольховик, определяется дифференцированно «для нейтрализации воздействия факторов, способных создать условия для совершения осужденным нового преступления, и обеспечить благоприятные условия его исправления» [2. С. 56]. Данная дифференциация проявляется в установлении для разных категорий осужденных различных условий отбывания наказания, отличающихся объемом и характером карательно-воспитательного воздействия, которое влияет на их правовой статус [3. С. 104]. И.Н. Павлов определяет ее как «установленное законом разделение осужденных на относительно однородные категории с целью создания для них различных условий отбывания наказания, предполагающих систематизацию категорий осужденных по уголовно-правовым, криминологическим, педагогическим, психологическим признакам» [4. С. 26].

Дифференциация исполнения наказания является предпосылкой индивидуализации, первая без второго бессмысленна, а вторая без первого – невозможна [3. С. 104]. Так, в Токийских правилах закреплена обязанность сотрудников служб пробации индивидуализировать методы исполнения, подчеркивая при этом необходимость обеспечения законности деятельности. Европейские правила 1992 г. призывают использовать индивидуальные программы, любые способы реализации должны быть адаптированы к каждому осужден-

¹ «Реализация» в широком смысле слова тождественна термину «применение», охватывающему не только исполнение (отбывание), но и назначение.

ному (п. 24), предоставляя при этом осужденным больше свободы, но с учетом необходимости проведения контрольных мероприятий. Согласно п. 35 новых Европейских правил 2017 г. методы работы должны быть не просто индивидуализированы, как отмечалось в предыдущих документах, а должны быть основаны на доказательствах. В новых Правилах также уточнены требования к контролю, который должен соответствовать тяжести деяния, учитывать особенности личности и права и интересы потерпевших.

Токийские правила предлагают национальным законодателям выделить такие полномочия исполняющих органов, как доклады о социальном обследовании (п. 7.1), надзор. Цель последнего сводится к сокращению рецидива правонарушений и содействию включения правонарушителя в жизнь общества, при котором к минимуму будет сведена вероятность повторного совершения преступлений. Следует согласиться с В.А. Уткиным в том, что ресоциализация в данном случае «при альтернативных мерах идентична исправлению» [5].

Судя по содержанию рассматриваемых международных актов, процесс исполнения вступившего в законную силу решения суда состоит из нескольких этапов: оформление личной карточки (личного дела) на основании поступившей копии приговора (п. 60), проведение разъяснительной беседы (оценки), в которой сотрудник информирует правонарушителя о правах и видах помощи, а также о содержании наказания; составление плана исполнения наказания, который необходимо периодически изменять; изменение условий и обязанностей возложенных на осужденного. Предусмотрено также требование оказания психологической, социальной, материальной и иной помощи правонарушителям (насколько это возможно).

Н.В. Ольховик подчеркивает, что ресоциализация таких правонарушителей является задачей широкого круга субъектов [6]. Следовательно, исполняющие органы должны участвовать в оказании социальной помощи, поддержке и защите осужденных без изоляции от общества только посредством своевременного информирования других субъектов о необходимости оказания адресной помощи в получении документов, удостоверяющих личность, в трудоустройстве, решении жилищных проблем, разъяснения осужденным их прав, реализация которых влияет на исполнение наказаний и иных мер уголовно-правового характера. Таким образом, совокупность полномочий соответствующих органов по исполнению наказаний можно классифицировать в зависимости от сферы содействия: в трудоустройстве, в социальной деятельности, в получении медицинского обслуживания и т.п.

Европейскими правилами о пробации 2010 г. специально рассматриваются не только вопросы социальной адаптации, но и постпенитенциарного контроля. В указанном документе впервые выделяется работа службы пробации с осужденными – иностранными гражданами и с гражданами государства, осужденными за границей. Последнее закреплено и в современных Европейских правилах 2017 г., в которых выделены и новые направления деятельности исполняющих органов: ра-

бота с потерпевшими, профилактика рецидива, восстановительное правосудие, которому многие зарубежные ученые сегодня отдают предпочтение, работа с семьей осужденного. Таким образом, в зависимости от направленности действия можно предложить также классификацию: карательная, превентивная (воспитательная), восстановительная.

Воздействие сотрудников пробации на правонарушителей во время исполнения наказания ограничивается определенными рамками, причем для их поддержания устанавливаются определенные гарантии. Рассмотрим некоторые из них.

Прежде всего, при исполнении альтернативных мер не должно быть никакой дискриминации «по признаку расы, цвета кожи, пола, возраста, языка, религии, политических или других убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, места рождения или иного статуса» (п. 2.2 Токийских правил). Европейские правила 1992 г. были дополнены следующими признаками дискриминации: гражданство, физическое или психическое состояние (п. 20). Вместе с тем в них уже не упоминается возраст, место рождения, социальное происхождение. Формулировки «или других убеждений», «или иного положения», «или иного статуса» говорят о том, что перечень дискриминационных оснований не исчерпывающий, он может быть дополнен или изменен в зависимости от обстоятельств.

Так произошло в 2010 г., когда в п. 4 Правил Совета Европы о пробации впервые появились указания на новые основания недопущения дискриминации: ограниченные физические возможности, сексуальная ориентация, этническое происхождение. В Рекомендации 2017 г. также упоминаются вышеперечисленные признаки. Таким образом, международное сообщество активно реагирует на современные тенденции.

Однако если ограниченные физические возможности и этническое происхождение логичны и актуальны в свете определенных адекватных изменений в обществе, то такое нововведение, как сексуальная ориентация, оставляет много вопросов относительно применимости к отбыванию альтернативных наказаний и в данном отношении явно выглядит показательным и даже навязчивым в угоду «неолиберальным» тенденциям. Более корректным и уместным было бы указать этот признак применительно к отбывающим лишение свободы.

Более важное значение в вопросах исполнения приобрело и согласие правонарушителя. Впервые в п. 3.4 Токийских правил было закреплено, что применение альтернативных санкций требует согласия правонарушителя, однако это необходимо лишь «до формального разбирательства или суда или вместо них». В п. 6 и 7 Правил о пробации 2010 г. зафиксировано, что по мере возможности служба пробации должна получить согласие и желание осужденных на сотрудничество для осуществления на них воспитательного воздействия. Рекомендации 1992 и 2017 гг. вопросам сотрудничества правонарушителя и его согласия посвятили Главы IV и V соответственно.

Под «согласием» понимается любая ситуация, в которой лицо просят дать разрешение на то или иное

действие до принятия решения по данному вопросу (п. 57 Европейских правил 2017 г.). О необходимости установления «рабочих отношений» между правонарушителем, надзирателем и любыми участвующими организациями или лицами, привлеченными из общины, с целью снижения числа повторных правонарушений и социальной реинтеграции отмечается в п. 31.

Исполнение «общинных» санкций или мер должно быть направлено на то, чтобы обеспечить сотрудничество правонарушителей и дать им возможность рассматривать «общинные» санкции или меры как справедливую и разумную реакцию на совершенное преступление. Правонарушитель еще до принятия сотрудником службы пробации какого-либо решения может изложить устные или письменные замечания (п. 58). Исполняющим органам следует исполнять свои обязанности так, чтобы их воспитательно-исправительное воздействие на осужденного было максимально индивидуализированным. Вместе с тем не совсем верно всегда испрашивать согласия правонарушителя, несмотря на то, что оно значимо для индивидуализации. Но п. 29 Европейских правил 2017 г., как отмечено в комментариях, не требует, чтобы осужденный участвовал во всех решениях, касающихся практических деталей исполнения.

Вместе с тем международными стандартами гарантируется право такого лица обжаловать решения и действия сотрудников пробации. Положения Европейских правил 1992 г. дополняют Правила ООН новым условием обращения в суд, а именно «если ограничение свободы или само решение незаконны или же противоречат сути наказания или меры» (п. 14). К числу изменений 2010 г. стоит отнести установление критериев инициирования процедуры обжалования: доступность, объективность и эффективность.

Таким образом, расширение объема прав правонарушителей в современных стандартах не исключает возможности изменения условий и обязанностей в зависимости от их поведения и срока отбывания наказания. Причем такие преобразования могут быть как положительными, так и отрицательными.

При позитивном и активном поведении суду должна быть предоставлена возможность изменять условия и обязанности с учетом улучшения его поведения (п. 87 Европейских правил 1992 г.). Токийские правила предлагают наделять сотрудников пробации правом досрочного прекращения действия применяемой меры, если она оказала благоприятное воздействие на правонарушителя (п. 11.2). В последующем уточняется положение о досрочном освобождении от отбывания наказания путем включения условий: «выполнение всех условий и обязанностей» и «отсутствие надобности сохранять их в силе».

В случае нарушения условий, подлежащих соблюдению, мера, не связанная с тюремным заключением, может быть изменена или отменена по решению компетентного органа (п. 14.1 Токийских правил). В рассматриваемых актах Совета Европы 1992 и 2017 гг. содержится дополнение, что при несоблюдении обязанностей и условий сотрудник пробации должен информировать осужденного о последствиях несоблюдения, ясно определить порядок действий, дать возможность осужденному объяснить-

ниями, но и, как справедливо подчеркивает А.Я. Гришко, правонарушитель должен знать «о проступке, который ему ставится в вину», он также должен иметь возможность «высказаться в свое оправдание» [7. С. 334].

Урегулирование возникшей конфликтной ситуации возможно тремя способами: 1) разобраться срочно по собственному усмотрению; 2) решить в административном порядке; 3) обратиться в суд. Выбор способа зависит от вида нарушения: незначительное и существенное (серьезное).

В комментариях к пп. 64 и 65 Европейских правил 2017 г. отмечается, что «незначительные нарушения» – это не требующие использования процедуры отмены санкции или меры. Они должны быть незамедлительно пресечены дискреционными средствами или, если необходимо, в административном порядке¹. Этому противопоставляется термин «существенное нарушение» – серьезное нарушение условий, которое может повлечь за собой пересмотр наложенной санкции или меры.

Таким образом, Европейские правила определяют, что при незначительных нарушениях допустимо применение первых двух вариантов, отмеченных выше, при серьезных сотрудник обязан будет выбрать третий – обратиться в суд в письменном виде. Однако даже при серьезных проступках отмена альтернативного наказания не должна, по смыслу Правил, автоматически вести к назначению лишения свободы.

Следующий ключевой аспект реализации альтернатив касается эффективности их исполнения. Рекомендация 2017 г. (п. 99) предлагает государствам установить определенные критерии эффективности и результативности, чтобы можно было с разных точек зрения оценивать преимущества и недостатки, связанные с «общинными» санкциями и мерами, с целью максимального повышения качества их результатов.

Одним из этих критериев, перечисленных в комментариях к указанному правилу, считается показатель рецидива. При этом вместо его измерения в отношении некоторых (вероятно, недостижимых) идеалов, предлагается тщательно сравнивать его с рецидивом сопоставимых правонарушителей, отбывающих тюремное заключение, а также другие санкции и меры².

В указанном региональном акте Совета Европы приведен перечень критериев эффективности и результативности. Он не является исчерпывающим, но может включать в себя такие показатели, как соблюдение условий (например, доля успешного отбывания наказания, количество зарегистрированных нарушений); биография и истории правонарушений тех, в отношении кого были введены «общинные» санкции и меры (чтобы выяснить, назнача-

¹ В отечественном уголовно-исполнительном законодательстве подобные меры отнесены не к административным, а к дисциплинарным (например, ст. 46 и 190 УИК РФ посвящены мерам взыскания в отношении осужденных условно и к исправительным работам).

² Примером такого исследования в России является измерение уровня рецидива преступлений при отдельных видах наказаний без лишения свободы и условном осуждении. Установлено, что среди всех осужденных к альтернативам наибольшую криминальную активность проявляют осужденные условно. Выше среднего совокупный рецидив при исправительных работах, а ниже среднего – при ограничении свободы, обязательных работах и штрафе [8].

ются ли «общинные» санкции и меры в соответствии с законодательством и политики); воздействие «общинных» санкций и мер на показатели тюремного заключения (поскольку «общинные» санкции и меры направлены на сокращение численности заключенных, хотя в этом отношении они могут оказаться неэффективными или недостаточными); восприятие сотрудников, работающих в исполняющих органах; мнения органов, принимающих решение; опыт пользователей услуг, включая потерпевших; результаты процедуры рассмотрения жалоб; финансовые издержки «общинных» санкций и мер.

Необходимо в полной мере сравнивать позитивные и негативные социальные последствия альтернативных мер, а также потенциальные риски, возникающие или вероятные в результате таких санкций и мер.

Практика реализации альтернативных санкций и мер показала, что многие государства сталкиваются с проблемами, которые необходимо учитывать. Первая – отсутствие ясности относительно целей применения альтернативных санкций. Научно-исследовательский и статистический отдел Минюста Канады проводил анализ альтернативных мер наказания, применяемых в Канаде, США, Великобритании, Австралии и Новой Зеландии. В исследовании делается вывод, что «часто недостает ясности целей в законодательстве и программах об альтернативных мерах наказания» [9. С. 22].

Из первой проблемы вытекает вторая, заключающаяся в отсутствии должной поддержки общественности [10]. Нередко альтернативы не внушают доверия общественности и рассматриваются как слишком «мягкие» и «нереальные» наказания. Поскольку обеспечение эффективного исполнения альтернативных мер наказания требует привлечения институтов гражданского

общества, актуальны вопросы, связанные с государственной политикой и механизмом государственного управления в этой сфере. Обеспечение принятия соответствующего законодательства является лишь первым шагом в осуществлении возможных альтернатив, которые имеются в распоряжении судебной власти и используются надлежащим образом, с тем чтобы сократить применение такой меры, как лишение свободы, и которые внушают доверие общественности [9. С. 13]. Наконец, необходимо учитывать риски нарушений прав человека, которыми обладают правонарушители.

Можно констатировать, что с развитием международных стандартов альтернативных санкций существенно детализировался порядок их исполнения, как за счет дополнения действовавших ранее положений, так и за счет включения новых. Как отмечает Н.Б. Хуторская, в современных международных стандартах, с одной стороны, расширен перечень требований к государствам, а с другой стороны, сформулированы новые требования [11. С. 184]. При этом Европейские правила 2017 г. «значительно большее место уделяют защите прав правонарушителей, работе с жертвами преступлений, а также принципам сотрудничества при реализации альтернативных наказаний (включая учет согласия или ходатайства осужденного при их исполнении)» [12. С. 14]. Интересно, что за тридцать лет объем правомочий органов пробации в вопросах исполнения расширился, однако Совету Европы удается сохранять баланс императивных и диспозитивных положений. Ключевое из них – свобода выбора методов реализации наказаний сотрудником исполняющего органа, что «открывает широкие возможности для творческого подхода к реформированию российской пенитенциарной системы» [13].

ЛИТЕРАТУРА

1. Южанин В.Е. Особенности механизма реализации наказания в виде лишения свободы // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2010. № 28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-mehanizma-realizatsii-nakazaniya-v-vide-lisheniya-svobody> (дата обращения: 26.03.2021).
2. Ольховик Н.В. Эффективность исполнения уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 1. С. 51–59. doi: 10.17150/2500-4255.2018.12(1).51-59.
3. Российский курс уголовно-исполнительного права : в 2 т. Т. 1: Общая часть : учебник / Е.А. Антонян, Ю.М. Антонян, С.А. Борсученко и др.; под ред. В.Е. Эминова, В.Н. Орлова. М. : МГЮА имени О.Е. Кутафина; ООО «Издательство “Элит”», 2012. 696 с.
4. Павлов И.Н. Принцип дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний в уголовно-исполнительном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 215 с.
5. Уткин В.А. Общие условия реализации альтернативных санкций в свете международных стандартов // Вестник Кузбасского института. 2014. № 1 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschie-usloviya-realizatsii-alternativnyh-sanktsiy-v-svete-mezhdunarodnyh-standartov> (дата обращения: 06.04.2021).
6. Ольховик Н.В. Проблемы исполнения уголовных наказаний // Всероссийский криминологический журнал. 2011. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ispolneniya-ugolovnyh-nakazaniy> (дата обращения: 06.04.2021).
7. Гришко А.Я. Отраслевые принципы уголовно-исполнительного права // Общество и право. 2014. № 4. С. 333–336.
8. Дроздов И.С. Рецидив преступлений при осуждении без лишения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск : [б.и.], 2020. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000675508> (дата обращения: 09.04.2021).
9. Стерн В. Альтернативы тюремному заключению в развивающихся странах. М. : PRI, 1999. 40 с.
10. Меры, не связанные с лишением свободы. Альтернативы тюремному заключению. Пособие по оценке систем уголовного правосудия. Нью-Йорк, 2010. 56 с.
11. Хуторская Н.Б. Новый подход Совета Европы к исполнению альтернативных наказаний и мер // Теоретические и практические проблемы развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации и за рубежом : сб. тез. выступ. и докл. участников Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Рязань, 28–29 ноября 2018 г. Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. С. 182–189.
12. Уткин В.А. Международные стандарты альтернативных санкций: новеллы и перспективы // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Томск, 10–11 октября 2019 г. Вып. 7. Томск : Томский ИПКР ФСИН России, 2019. С. 11–14.

13. Новиков Е.Е. Международные правовые основы исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества // Вестник Кузбасского института. 2014. № 4 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnye-pravovye-osnovy-ispolneniya-nakazaniy-i-inyh-mer-ugolovno-pravovogo-haraktera-ne-svyazannyh-s-izolyatsiy-ot-obschestva> (дата обращения: 06.04.2021).

Статья принята к публикации 24.05.2021.

Implementation of Alternative Sentences in the International Standards of the 21st Century

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 17, pp. 5–9. DOI: 10.17223/23088451/17/1

Alla L. Agabekyan, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: AllaAgabekyan@yandex.ru

Keywords: international standards of alternative sentences, implementation of community supervision, mechanism for execution of sentences, “community” sanctions and measures

The article analyzes the provisions of international standards, namely the Recommendation of the Committee of Ministers on the Council of Europe Probation Rules of 2010 and the European Rules on Community Sanctions and Measures of 2017. The author examines the problems of differentiation and individualization of sentences and analyzes the provisions of international standards on non-discrimination in the implementation of sanctions. Many factors of non-discrimination that are new to international standards (physical disabilities, ethnic origin, sexual orientation) can cause disputes in terms of the applicability of alternative sentences. Discussing the offender’s “consent” and the prospects for its use, taking into account the right of such an offender to appeal against the decisions and actions of probation officers, the author focuses on the activities of the implementation bodies, including work with victims, prevention of relapse, restorative justice, which is preferred nowadays in the foreign studies, and work with the convict’s family to develop a classification of powers depending on the action and scope of assistance to the offender. Having analyzed the positive and negative legal consequences of the convict’s non-fulfillment or improper fulfillment of the duties or conditions imposed by the competent authority, the author argues that the regulation of a conflict is possible in three ways: by sorting it out urgently at one’s own discretion, through administrative proceedings and in court, with the choice depending on the type of violation. The key aspect of alternative sentences is the effectiveness of their implementation. The article provides a list of such criteria, of which the relapse rate is considered an important one, and discusses the main problems of the “community” sanctions and measures faced by the implementation bodies. It is stated that the development of international standards of alternative sanctions has elaborated the procedure for their implementation, both by complementing the previously existing provisions and by including new ones.

References

1. Yuzhanin, V.E. (2010) The mechanism for imprisoning as a way of meting out punishments. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina – The Bulletin of Ryazan State University named for S.A. Esenin*. 28. pp. 87–97. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-mehanizma-realizatsii-nakazaniya-v-vid-lisheniya-svobody> (Accessed: 26th March 2021). (In Russian).
2. Olkhovik, N.V. (2018) The Effectiveness of Criminal Punishment without a Deprivation of Liberty. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 12(1). pp. 51–59. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(1).51-59
3. Antonyan, E.A., Antonyan, Yu.M., Borsuchenko, S.A. et al. (2012) *Rossiyskiy kurs ugolovno-ispolnitel'nogo prava* [Russian Course on Penal Law]. Vol. 1. Moscow: Moscow State Law Academy, Elit.
4. Pavlov, I.N. (2011) *Printsip differentsiatsii i individualizatsii ispolneniya nakazaniy v ugolovno-ispolnitel'nom prave* [The principle of differentiation and individualization of the implementation of punishments in penal law]. Law Cand. Diss. Moscow.
5. Utkin, V.A. (2014) General conditions of implementation of alternative sanctions in the light of the international standards. *Vestnik Kuzbasskogo instituta – Bulletin of the Kuzbass Institute*. 1(18). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/obshchie-usloviya-realizatsii-alternativnykh-sanktsiy-v-svete-mezhdunarodnykh-standartov> (Accessed: 6th April 2021). (In Russian).
6. Olkhovik, N.V. (2011) Issues of executing criminal punishments. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 2. pp. 54–60. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ispolneniya-ugolovnykh-nakazaniy> (Accessed: 6th April 2021). (In Russian).
7. Grishko, A.Ya. (2014) Branch principles of criminal executive law. *Obshchestvo i pravo – Society and Law*. 4. pp. 333–336. (In Russian).
8. Drozdov, I.S. (2020) *Retsidiv prestupleniy pri osuzhdenii bez lisheniya svobody* [Recidivism in case of conviction without imprisonment]. Abstract of Law Cand. Diss. Tomsk. [Online] Available from: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000675508> (Accessed: 9th April 2021).
9. Stern, V. (1999) *Al'ternativy tyuremnomu zaklyucheniyu v razvivayushchikhsya stranakh* [Alternatives to imprisonment in developing countries]. Translated from English. Moscow: PRI.
10. UNO. (2010) *Mery, ne svyazannye s lisheniem svobody. Al'ternativy tyuremnomu zaklyucheniyu. Posobie po otsenke sistem ugolovnogo pravosudiya* [Non-custodial measures. Alternatives to incarceration. Criminal Justice Assessment Toolkit]. New York: UNO.
11. Khutorskaya, N.B. (2018) Novyy podkhod Soveta Evropy k ispolneniyu al'ternativnykh nakazaniy i mer [A new approach of the Council of Europe to the implementation of alternative sentences and measures]. *Teoreticheskie i prakticheskie problemy razvitiya ugolovno-ispolnitel'noy sistemy v Rossiyskoy Federatsii i za rubezhom* [Theoretical and practical Problems of the Penal System Development in the Russian Federation and Abroad]. Proc. of the International Conference. Ryazan, November 28–29, 2018. Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service. pp. 182–189.
12. Utkin, V.A. (2019) Mezhdunarodnye standarty al'ternativnykh sanktsiy: novelly i perspektivy [International standards of alternative sanctions: novellas and prospects]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pedagogika, psikhologiya i pravo* [Penal System: Pedagogy, Psychology and Law]. Proc. of the All-Russian Conference. Tomsk, October 10–11, 2019. Tomsk: Federal Penitentiary Service of Russia. pp. 11–14.
13. Novikov, E.E. (2014) International legal framework for the execution of punishment, not connected with isolation from society. *Vestnik Kuzbasskogo instituta – Bulletin of the Kuzbass Institute*. 4(21). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnye-pravovye-osnovy-ispolneniya-nakazaniy-i-inyh-mer-ugolovno-pravovogo-haraktera-ne-svyazannyh-s-izolyatsiy-ot-obschestva> (Accessed: 6th April 2021). (In Russian).

Received: 24 May 2021.

УДК 343.533

DOI: 10.17223/23088451/17/2

Р.С. Джинджолия, Е.В. Авдеева

МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И ДРУГИЕ ВИДЫ ХИЩЕНИЯ ПУТЕМ ОБМАНА И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОВЕРИЕМ. КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

Анализируются вопросы разграничения разных видов мошенничества. Выявлены и уточнены критерии их разграничения. Приведены аргументы разграничения по всем элементам составов мошенничества.

Ключевые слова: *мошенничество, общая норма, специальная норма, обман, злоупотребление доверием*

Разграничение преступлений, а также преступлений, предусмотренного общей нормой уголовного закона и специальными нормами, имеет значение для выведения в процессе уголовно-правовой оценки деяния формулы квалификации.

В действующем УК РФ включено несколько специальных видов мошенничества, среди них мошенничество в сфере кредитования (ст. 159.1), мошенничество при получении выплат (ст. 159.2), мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3), мошенничество в сфере страхования (ст. 159.5) и мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6).

Специальная (отдельно от нормы ст. 159 УК РФ) криминализация указанных видов хищения чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием в некоторой степени осложняет их применение на практике.

Разграничение мошенничества в сфере кредитования, мошенничества при получении выплат, мошенничества с использованием электронных средств платежа, мошенничества в сфере страхования и мошенничества в сфере компьютерной информации с мошенничеством по ст. 159 УК, на наш взгляд, следует проводить на основе анализа их объективных и субъективных признаков.

Все пять уголовно-правовых специальных норм с признаками мошенничества и общая норма о мошенничестве содержатся в Главе 21 раздела VIII Особенной части УК РФ, отсюда напрашивается вывод о том, что родовой и видовой объекты этих преступлений полностью совпадают. Однако различаются признаками непосредственного объекта.

Уголовно-правовая норма о мошенничестве в сфере кредитования (ст. 159.1 УК) отличается от общей и иных специальных норм по основному непосредственному объекту – отношениям в сфере кредитования, а при мошенничестве получении выплат (ст. 159.2) непосредственный объект посягательства связан с отношениями в сфере платежей. Непосредственным объектом мошенничества с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3) выступают также отношения, связанные с платежами. При мошенничестве в сфере страхования (ст. 159.5) и в сфере компьютерной информации (ст. 159.6) соответственно непосредственными объектами посягательства выступают отношения в сфере страхования и компьютерной информации. При этом, надо полагать, что связующим звеном в перечисленных

объектах преступного посягательства выступает право собственности и составной его элемент – имущество.

Предметом преступления общей нормы о мошенничестве (ст. 159 УК РФ) является чужое имущество. Предметом же мошенничества в сфере кредитования и при получении выплат также выступает иное имущество. Предмет мошенничества с использованием электронных средств платежа в диспозиции ст. 159.3 УК РФ не обозначен, но по смыслу данной нормы, в качестве предмета могут выступать также денежные средства. Предметом мошенничества по ст. 159.6 УК является компьютерная информация.

В качестве предмета мошенничества в сфере страхования должно выступать, на наш взгляд, имущество страховщика. Однако, как справедливо отмечает Р.Н. Боровских, на практике возникают различного рода сложности, связанные с недостаточной четкостью определения признаков предмета мошенничества в сфере страхования [1. С. 50]. При этом следует полностью согласиться с мнением В.А. Маслова, отмечающего, что предметом мошенничества в сфере страхования в отличие от предмета общего состава мошенничества является имущество страховщика, выплачиваемое в качестве страхового возмещения [2. С. 138].

Диспозиция ст. 159 УК РФ закрепляет два альтернативных признака объективной стороны состава – хищение чужого имущества и приобретение права на чужое имущество. Однако диспозиции специальных норм по признакам объективной стороны составов немногим разнятся.

Так, диспозиции норм по ст. 159.1, 159.2 и 159.5 УК РФ содержат в себе только один признак объективной стороны – хищение, тогда как мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК) с объективной стороны характеризуется деянием в виде как хищения чужого имущества, так и (или) приобретения права на чужое имущество, которые, однако, осложнены дополнительными действиями, такими как ввод, удаление, блокирование, модификация компьютерной информации либо иное вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Что касается объективной стороны состава мошенничества по ст. 159.3 УК, то в диспозиции названо слово «мошенничество» без конкретизации его содержания. Надо полагать, что в данном случае должна идти речь именно о хищении чужо-

го имущества с использованием электронных средств платежа. При этом вряд ли возможно приобретение права на чужое имущество с использованием таких же средств платежа.

Мошенничество с использованием электронных средств платежа и мошенничество в сфере страхования могут совершаться только активным поведением – действиями, тогда как обычное мошенничество и некоторые специальные виды мошенничества могут быть совершены не только действиями, но иногда и бездействием, например умолчанием какого-либо важного факта (признак «умолчание о фактах» специально назван в ч. 1 ст. 159.2 УК РФ – ...умолчания о фактах, влекущих прекращение выплат). В качестве примера можно сослаться также на произведение Н.В. Гоголя, в котором ревизор, человек ошибочно принятый за должностное лицо, но скрывший этот факт, получал взятки в виде подарков (деньги и другие ценности) от различных чиновников.

Диспозиция ст. 159 УК РФ закрепляет в качестве способов совершения мошенничества два признака объективной стороны, указанные как альтернативные – обман и злоупотребление доверием. Именно обман и (или) злоупотребление доверием являются критериями, отделяющими мошенничество от других преступных форм хищения чужого имущества (например, кражи, грабежа, разбоя) [3. С. 41].

Представляется справедливым мнение некоторых авторов, что для такого способа совершения мошенничества, как злоупотребление доверием, необходимо установить наличие особых (доверительных) отношений между субъектом мошенничества и потерпевшим (например, в силу родственных связей, дружбы и т.д.) [4. С. 19]. Поэтому, как нам представляется, этот способ совершения преступления может не быть характерным для мошенничества, особенно в его специальных проявлениях.

Так, в специальных нормах о мошенничествах в сфере кредитования (ст. 159.1), при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ) и мошенничества в сфере страхования (ст. 159.5 УК РФ) злоупотребление доверием как способ совершения мошенничества отсутствует, законодательно справедливо закреплён только обман.

В совершении мошенничества при получении выплат деяние может выступать в формах активного и пассивного обмана. Активный обман представляет собой умышленное введение в заблуждение орган, начисляющий выплаты путем сообщения заведомо ложных сведений, предоставления фальшивых документов. Пассивный обман составляет намеренное умолчание лица, получающего выплату, о юридически значимых фактах, сообщение о которых могло бы прекратить указанные выплаты [3. С. 40].

Обман как способ совершения мошенничества с использованием электронных средств платежа в действующей редакции ч. 1 ст. 159.3 УК РФ он (обман) отсутствует, но вытекает из смысла данной нормы (злоупотребление доверием в данном случае, как нам кажется, лишено смысла). Обман при мошенничестве в сфере страхования (ст. 159.5 УК РФ) должен непосредственно касаться наступления страхового случая, а

равно и размера страхового возмещения, подлежащего выплате в соответствии с законом либо договором страхователю или иному лицу.

Только признак обмана, по нашему мнению, характерен для мошенничества в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ). В диспозиции данной статьи не упоминается слово «обман», однако, как нам представляется, такие действия, как ввод, удаление, блокирование, модификация компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей, преследуют обман – хищение чужого имущества (информации) мошенничеством (обманом). При этом надо иметь в виду, что информация по смыслу анализируемой нормы представлена как имущество, которое похищает субъект путем обмана.

Как справедливо указывает в этой связи А.Р. Шарфиев, наряду с вещами к предмету мошенничества следует относить и информацию (безотносительно к ее закреплению на материальном носителе). Под информацией понимаются сведения (сообщения, данные) о лицах, предметах, фактах, событиях независимо от формы их представления. Информация как предмет мошенничества также может иметь экономический признак – цену (например, являющаяся товаром компьютерная программа) [5].

С субъективной стороны составы о мошенничествах характеризуются виной в форме прямого умысла. Факкультативные признаки субъективной стороны преступления (цель, мотив, эмоции) не влияют на квалификацию мошенничества. Только в двух составах мошенничества, а именно мошенничество в сфере кредитования (ст. 159.1) и мошенничество при получении выплат (ст. 159.2) значение имеет признак заведомо (сознательно (безусловно, несомненно, явно), как заранее известное субъекту преступления), т.е. субъект мошенничества (заемщик) совершает хищение денежных средств путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений или при совершении мошенничества при получении выплат субъект совершает хищение денежных средств или иного имущества при получении пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат, установленных законами и иными нормативными правовыми актами, путем представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат (также заведомо). Соответственно, фактическое отсутствие данного признака (или его не установление) свидетельствует об отсутствии самих актов мошенничества по ст. 159.1 и 159.2 УК РФ.

Субъект для всех мошеннических преступных актов – общий, т.е. физическое, вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Специальный субъект характерен для ст. 159.5 УК РФ. Им является страхователь или иное лицо, по которому полагается выплата в соответствии с законом или договором.

При этом действия страховщика или страховых агентов, продающих, например, недействительные

страховые полисы либо совершающие иные обманные действия в сфере страхования, должны квалифицироваться не по специальной норме о мошенничестве в сфере страхования (ст. 159.5 УК РФ), а по общей норме (ст. 159 УК РФ).

В качестве специального мошеннического преступного акта также можно выделить мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, если это деяние повлекло причинение значительного ущерба (ст. 159, ч. 5 УК РФ).

Данное преступление не предусмотрено отдельной статьей УК, однако по характеру законодательной конструкции ст. 159 УК РФ можно полагать, что норма ч. 5 этой статьи выделена в качестве специальной по отношению к норме о простом мошенничестве. Этот вид мошенничества характеризуется всеми общими признаками мошенничества, за исключением специфиче-

ски объекта преступного посягательства. Хищение путем обмана или злоупотребления доверием совершается в данном случае в сфере предпринимательской деятельности, деяние направлено на интересы предпринимательских отношений, в частности интересы договорных обязательств в сфере предпринимательства. При этом актуальные проблемы квалификации и практики применения данной уголовно-правовой нормы требуют отдельного научно-практического исследования.

Подытоживая вышеизложенное, надо отметить, что в качестве критериев разграничения общей нормы о мошенничестве (ст. 159 УК РФ) и специальных норм о мошенничестве (ст. 159.1–159.3, 159.5–159.6 УК РФ) выступают особенности основного непосредственного объекта и предмета преступлений; свойства объективной стороны и способы совершения мошенничества, а также некоторые признаки субъекта и субъективной стороны составов преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боровских Р.Н. Мошенничество при получении выплат и в сфере страхования: проблемные вопросы квалификации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3 (33). С. 50–54.
2. Маслов В.А. К вопросу об объекте и предмете мошенничества в сфере страхования // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 136–140.
3. Кудрявцева Л.В., Колесникова В.А., Трапезарова В.С. Проблемы квалификации мошенничества при получении выплат // Успехи современной науки. 2017. Т. 6, № 2. С. 40–43.
4. Джинджолия Р.С. Об оценочных понятиях обмана и злоупотребления доверием в статьях Особенной части УК РФ // Российская юстиция. 2016. № 11. С. 18–21.
5. Шарафиев А.Р. Предмет мошенничества при получении выплат // Молодой ученый. 2016. № 28 (132). URL: <https://moluch.ru/archive/132/36770/> (дата обращения: 25.10.2020).

Статья принята к публикации 24.05.2021.

Business Fraud and Other Kinds of Theft by Deception and Abuse of Confidence: Distinction Criteria

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 17, pp. 10–12. DOI: 10.17223/23088451/17/2

Raul S. Dzhinjolija, Institute of Law, Economics and Finance of Kabardino-Balkarian State University (Nalchik, Russian Federation); MIREA-Russian Technological University (Moscow, Russian Federation); All-Russian Public Organization “Business Russia” (Moscow, Russian Federation); All-Russian Public Organization “Russian Professors’ Assembly” (Moscow, Russian Federation). E-mail: draull1@yandex.ru

Ekaterina V. Avdeeva, All-Russian Public Organization “Business Russia” (Moscow, Russian Federation); Law Office “MAGRAS” (Moscow, Russian Federation). E-mail: advokataev@mail.ru

Keywords: fraud, general rule, special rule, deception, breach of confidence

The article discusses the problem of differentiation of types of fraud in the criminal code both as the main corpus delicti and special types of fraud. The study aims at improving the practice of application and criminal legal qualifications. In the course of the study, the authors have identified and clarified the criteria for distinguishing between these crimes and provided reliable arguments for differentiation for all elements of fraud.

References

1. Borovskikh, R.N. (2015) Moshennichestvo pri poluchenii vyplat i v sfere strakhovaniya: problemnye voprosy kvalifikatsii [Fraud in receiving payments and in the field of insurance: issues of qualifications]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika – Legal science and law enforcement practice*. 3(33). pp. 50–54.
2. Maslov, V.A. (2015) The object and the subject of fraud in insurance. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 396. pp. 136–140. (In Russian).
3. Kudryavtseva, L.V., Kolesnikova, V.A. & Trapezarova, V.S. (2017) Problemy kvalifikatsii moshennichestva pri poluchenii vyplat [Problems of qualification of fraud when receiving payments]. *Uspekhi sovremennoy nauki – Modern Science Success*. 6(2). pp. 40–43.
4. Dzhinjolija, R.S. (2016) Ob otsenochnykh ponyatiyyakh obmana i zloupotrebleniya doveriem v stat'yakh Osobennoy chasti UK RF [On the evaluative concepts of deception and abuse of trust in the articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 11. pp. 18–21.
5. Sharafiev, A.R. (2016) Predmet moshennichestva pri poluchenii vyplat [The subject of fraud when receiving payments]. *Molodoy uchenyy*. 28(132). [Online] Available from: <https://moluch.ru/archive/132/36770/> (Accessed: 25th October 2020).

Received: 24 May 2021.

Л.М. Прокументов

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК ЦЕЛЬ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Восстановление социальной справедливости в качестве цели уголовного наказания в уголовном законодательстве России упоминается впервые, что не означает отсутствия к ней внимания исследователей. Позиции последних диаметрально противоположные: от принятия данной цели до ее отрицания.

Ключевые слова: *цель, справедливость, исправление, преступление, наказание*

Вопрос о целях назначения уголовного наказания целесообразно предварить хотя бы очень коротко о его функциях. Это обусловлено тем, что любые цели, для их реальной достижимости, должны представлять собой «идеальное выражение объективной закономерности» [1. С. 472]. Применительно к наказанию – содействовать его функциям, под которыми принято понимать внешнее проявление свойств и особенностей объекта изучения. Функция (от лат. function – исполнение, осуществление) – отношение двух (группы) объектов, в котором изменению одного из них сопутствует изменение другого [2. С. 751]. В социологии функция – это роль, которую определенный социальный институт (или частный социальный процесс) выполняет относительно потребностей общественной системы более высокого уровня организации или интересов составляющих ее классов, социальных групп и индивидов [2. С. 751]. В юридической литературе функции наказания нередко отождествляются с функциями уголовного права вообще, что, видимо, правильно, поскольку общее должно находить свое выражение в том числе и в отдельном. К ним, в частности, относят: охранительную, регулятивную, воспитательную (общепринятые функции), а также социально превентивную, ценностно-ориентационную, оценочную, юридико-регулятивную, социально-интегративную, системно-правовую, поддержания и укрепления государственной власти [3. С. 75–73].

Отдельные авторы пишут о наличии определенной иерархии (разной значимости) функций, выделяя в качестве основной именно для уголовного наказания социально-превентивную функцию [4. С. 21]. Функция всегда предполагает наличие определенного влияния на объект. Значимость функций для общества и государства находит свое отражение в целях применения наказания, т.е. попытке оказания на объект управляющего воздействия.

В философии цель определяется как один из элементов поведения и сознательной деятельности человека, который характеризует предвосхищение в мышлении результата деятельности и пути его реализации с помощью определенных средств. Цель выступает как способ интеграции различных действий человека в некую последовательность или систему [1. С. 763].

В психологической науке цель понимается в следующих значениях:

– как осознанный образ предвосхищаемого результата, на достижение которого направлено действие человека, социальной группы, общества;

– как предвосхищение в сознании человека средств, использование которых приведет к достижению желаемого результата [5. С. 288].

В юридической литературе цель применительно к наказанию понимается чаще всего в ее первом значении, т.е. в виде конкретных социальных результатов, к которым стремится законодатель, устанавливая и применяя конкретную меру воздействия. Эти результаты в настоящее время определены в ст. 43 УК РФ «Понятие и цели наказания». Представляется, что употребление словосочетания «цели наказания» не совсем корректно, поскольку собственно уголовное наказание цели иметь не может. Целеполагание присуще только человеку – носителю сознания, наказанию же присущи функции. И тем не менее действующий Уголовный кодекс РФ называет три цели наказания:

- восстановление социальной справедливости;
- исправление осужденного;
- предупреждение совершения новых преступлений.

Восстановление социальной справедливости в качестве цели наказания в уголовном законодательстве России упоминается впервые, что не означает отсутствия внимания к ней. Справедливость – понятие о должном, соответствующее определенным представлениям о сущности человека и его неотъемлемых правах. Справедливость является категорией морально-правового, а также социально-политического сознания. Рассматриваемое понятие содержит в себе требование соответствия между практической ролью различных людей, социальных групп в жизни общества и их социальном положением, между их правами и обязанностями, между деянием и воздаянием за него, трудом и вознаграждением, заслугами людей и их общественным признанием, преступлением и наказанием. Несответствие в указанных соотношениях оценивается как несправедливость.

Законодатель не определил, что понимается под «восстановлением социальной справедливости», хотя термин «справедливость» присутствует в ч. 1 ст. 60 УК РФ, а также в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.01.2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [6]. Данное обстоятельство обусловило неоднозначное толкование этого термина в научных исследованиях и на практике.

Некоторые исследователи не разделяют категорий цели и принципа социальной справедливости и рас-

смаывают содержание цели восстановления социальной справедливости через принцип, содержащийся в ст. 6 УК РФ, т.е. через соответствие наказания характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, а также через запрет привлечения к уголовной ответственности лица дважды за одно преступление. Так, Е.В. Юдин рассматривает справедливость через соотношение между преступлением и наказанием, указывая при этом на необходимость учета индивидуальных особенностей лица [7. С. 8]. К.Н. Шутов пишет о соразмерности совершенного деяния характеру и степени общественной опасности в смысле ст. 6 УК РФ как о критерии справедливости уголовного наказания [8. С. 58]. Данную позицию разделяет М.Н. Становский [9. С. 17–18]. В таком же направлении рассуждает В.И. Зубкова, определяя социальную справедливость наказания с позиций анализа ст. 50 Конституции Российской Федерации и ст. 6 УК РФ. При этом собственно существо цели восстановления социальной справедливости автор сводит к достижению максимально возможной соразмерности наказания всем обстоятельствам дела и личности лица, совершившего преступление. В.И. Зубкова раскрывает содержание цели восстановления социальной справедливости через три составляющих: во-первых, это максимальная соразмерность степени общественной опасности преступления личности виновного и назначенного ему наказания; во-вторых, необходимость учета интересов потерпевшей стороны; в-третьих, неотвратимость наказания [10. С. 12–13].

По нашему мнению, с позициями исследователей, отмеченных выше, в полной мере согласиться нельзя. Действительно, реализацию принципа справедливости можно рассматривать как одно из средств восстановления социальной справедливости, однако с учетом того, что реализация цели восстановления социальной справедливости основана на назначении и исполнении справедливого наказания, что обеспечивается не только реализацией принципа справедливости. В данном случае мы имеем в виду то обстоятельство, что при назначении уголовного наказания правоприменитель руководствуется и другими принципами, закрепленными в действующем уголовном законодательстве: принципом законности (ст. 3 УК РФ), принципом равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ), принципом вины (ст. 5 УК РФ), принципом гуманизма (ст. 7 УК РФ). Очевидно, что в совокупности с принципом справедливости и иными общими началами назначения уголовного наказания они создают необходимые условия для достижения рассматриваемой нами цели.

В уголовно-правовой науке существует и другой подход к определению цели восстановления социальной справедливости, суть которого заключается в рассмотрении справедливости с компенсационной точки зрения.

Одной из сторонников данного подхода была Н.Ф. Кузнецова, которая считала, что восстановление социальной справедливости означает восстановление нарушенных преступлением интересов личности, общества и государства. Материальный ущерб в этой свя-

зи должен возмещаться штрафом и вычетами при реализации исправительных работ и ограничениями по военной службе. Физический вред, по мнению исследователя, восстановлению не подлежит или же компенсируется расходами на лечение [11. С. 21]. С последним утверждением трудно согласиться, поскольку взыскание компенсации за расходы на лечение относится к сфере действия гражданского законодательства и не имеет непосредственной связи с уголовным наказанием.

При этом, как справедливо отмечает Н.А. Беляев, для того чтобы обязать виновного устранить причиненный материальный и моральный вред, реализация уголовного наказания не нужна. Лицо, совершившее преступление, обязано сделать это в силу предписаний норм действующего гражданского законодательства, поэтому совершение этих действий не является целью уголовного наказания [12. С. 61–62]. Данную позицию разделяют М.Д. Шаргородский, В.К. Дуюнов и другие исследователи.

Очевидно, что возмещение материального и морального вреда не реализуется посредством назначения уголовного наказания, а выходит за рамки действующего уголовного законодательства. В этой связи определять сущность восстановления социальной справедливости через такого рода возмещение представляется некорректным.

Отметим, что в подтверждение своих позиций сторонники компенсационного подхода рассматривают ограниченный круг деяний, последствия которых можно измерить и, соответственно, соразмерно восстановить прежнее состояние. Иными словами, возможность реализации восстановления социальной справедливости возлагается ими выборочно, применительно к отдельным видам наказаний. Такой подход представляется ущербным, поскольку восстановление социальной справедливости как цель наказания в соответствии с действующим уголовным законодательством распространяется на все указанные в законе виды наказания, а не только на наказания в виде штрафа, исправительных работ и ограничения по военной службе. В этой связи можно утверждать, что рассмотрение цели восстановления социальной справедливости исключительно с позиции компенсации экономических благ является слишком узкой, поскольку справедливость не может рассматриваться только в рамках ее экономического содержания.

В уголовно-правовой науке немало сторонников позиции, в соответствии с которой справедливость наказания определяется через категорию возмездия. Такая позиция исследователей не является новой. Так, А.А. Жижиленко еще в двадцатых годах прошлого столетия указывал на то, что преступление и наказание могут соизмеряться в том смысле, что оба они одинаково заключают элементы вторжения в сферу благ личности, отнятие этих благ или их умоление [13. С. 22–23]. При этом исследователь особо подчеркивал, что соразмерность не должна пониматься в смысле установления материального равенства. К.В. Калужин рассматривал справедливость как требование соответ-

ствия между тяжестью причиненного вреда и мерой воздаяния за него, указывая на то, что соответствие как таковое не означает «целесообразного, технического решения проблемы, когда конкретный результат отвечает эталону справедливости» [14. С. 16–17].

Примерно также рассматривал данную проблему Е.В. Юдин, считавший, что одним из аспектов восстановления социальной справедливости является применение такого наказания, в результате которого виновный ограничивается в своих правах в том же объеме, с каким связано совершенное им преступление [15. С. 87].

Очевидно, что вышеприведенный подход в большей мере может рассматриваться в качестве составного элемента, определенным итогом реализации на стадии назначения уголовного наказания комплекса принципов, что обуславливает его ограниченность. Следовательно, данный подход не отражает многих важных аспектов рассматриваемой нами цели уголовного наказания.

Немало сторонников рассмотрения цели восстановления социальной справедливости на основе определения адресата, чей интерес выражает указанная цель. Так, по мнению С. Боробенкова, цель восстановления социальной справедливости, являясь многофакторным уголовно-правовым институтом, подразумевает удовлетворение потерпевшего от преступления, т.е. максимально полное моральное, психологическое, правовое и экономическое удовлетворение потерпевшего [16. С. 48–50].

Профессор Ю.М. Ткачевский рассматривал цель восстановления социальной справедливости исключительно через воздействие на осужденного. По его мнению, такое воздействие должно включать собственно осуждение виновного лица, его ресоциализацию и реализацию карательного содержания наказания [17. С. 24].

Более широкий подход к рассмотрению цели восстановления социальной справедливости прослеживается у М.Н. Становского. Автор при рассмотрении данной цели сосредоточил свое внимание на четырех аспектах, которые, по его мнению, выражают интересы осужденного, потерпевшей стороны, общества, государства [18. С. 18–19]. По мнению автора, интересы осужденного лица выражаются в назначении минимально возможного наказания. Интересы потерпевшей стороны – в назначении лицу, совершившему преступление, наказания в соответствии с действующим уголовным законом, с учетом тяжести совершенного преступления, последствиями, наступившими в результате его совершения, степени возмещения материального ущерба и компенсации морального вреда. По мнению автора, интерес государства состоит в частичном возмещении вреда за счет наказания в виде штрафа или наказаний, связанных с общественно полезным трудом. Интересы общества отражает формирование у граждан убеждения в способности государства обеспечивать правопорядок, реагировать на незаконные действия путем назначения наказания.

Представляется, что более точно трактовать социальную справедливость следует с позиции реализации интересов общества в целом, поскольку законодатель

указал именно на социальность как на качественный критерий справедливости. Термин «социальный» может иметь значение только при противопоставлении его индивидуальному. Социальная справедливость, в отличие от индивидуальной справедливости, содержит типичные, универсальные образы, что позволяет их использование для обобщения социальных явлений. Социальное имеет место тогда, когда явления формируются помимо воли и действий конкретного человека. И эти модели воплощаются в жизни независимо от воли конкретного человека в его поведении. Различные нормы морали, нравственности действуют в разных общностях людей по-разному, поскольку зависят от сознания конкретных людей и групп. В этой связи очевидно, что удовлетворить интересы антагонистов – преступника и потерпевшего – одновременно вряд ли возможно, поскольку их интересы во многом противоположны и обусловлены в большей мере индивидуальными особенностями. Именно поэтому восстановить социальную справедливость в представлении общества можно, в представлении конкретного индивида – крайне сложно, а в подавляющем большинстве случаев просто невозможно.

По мнению К. Шутова, необходимость восстановления социальной справедливости есть следствие самого понятия права как «нормативов справедливости» [18. С. 61]. В данном случае исследователь считает, что справедливость представляет собой состояние правопорядка, в связи с чем каждое совершенное преступление необходимо рассматривать как посягательство на справедливость. Логика в данном случае проста, поскольку право закрепляет определенный уровень прав и обязанностей, так как нарушение их всегда представляет собой несправедливость. В результате совершения преступления, с одной стороны, отрицаются общепризнанные ценности, с другой – утверждаются ценности иного характера. То есть преступление нарушает соотношение признанных обществом ценностей, дестабилизирует психологическое спокойствие и создает чувство тревожности. Именно эти последствия и призвана устранить цель восстановления социальной справедливости.

Интересный подход к рассмотрению данной цели у В.В. Похмелкина, считающего проявлением восстановления социальной справедливости, во-первых, удаление виновного лица из системы общественных отношений; во-вторых, нормализацию морально-психического спокойствия населения [19. С. 90–91]. Представляется, что удаление лица, виновного в совершении преступления из системы общественных отношений, не имеет смысла, поскольку на общественное сознание положительным образом влияет не только сам факт ограничения виновного лица в определенных правах, но и другие обстоятельства, в том числе реализация всех принципов и общих начал назначения уголовного наказания. В этой связи можно говорить, что общим проявлением того, к чему стремится наказание при реализации рассматриваемой цели, – восстановление системы нарушенных общественных отношений и формирование в общественном сознании чувства за-

щищенности, убежденности в решимости государства применять к лицам, совершившим преступления, уголовное наказание.

В.Д. Филимонов, рассматривая социальную справедливость, обращает внимание на то, что преступление отрицает справедливость общественных отношений и порождает социальную несправедливость. Следствием этого в действие приводятся нормы, требования которых проигнорировал преступник. В результате деятельности правоохранительных органов по реализации этих норм утверждается та справедливость, которая была первоначально заложена в системе общественных отношений и закреплена в нормах права. При этом, по мнению автора, происходит воздействие двух факторов: прямого влияния на сознание лиц, имевших отношение к совершению преступлений, итогов применения наказания и влияния на сознание этих лиц определенной области общественного сознания, которая аккумулирует взгляды и представления людей о карательной деятельности государства за более или менее длительный период ее существования. При этом наказание, по мнению ученого, может привести к восстановлению социальной справедливости только в том случае, когда оно соответствует характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятель-

ствам его совершения и личности виновного [20. С. 186–193]. В другой работе В.Д. Филимонов указывает на компенсационный характер восстановления социальной справедливости, по сути, признавая невозможность ее восстановления [21. С. 109].

Представляется, что восстановить социальную справедливость на стадии назначения наказания невозможно, поскольку восстановление социальной справедливости так, как ее рассматривают многие исследователи, в большей мере представляет собой реализацию принципа справедливости. В этой связи возникает вопрос, а можно ли установить справедливость в случае убийства человека? В данном случае личность для государства, общества теряется безвозвратно.

При рассмотрении данной цели с более широких позиций, можно констатировать ее «утопичность» в реальной жизни и недостижимость на правовом уровне, что обуславливает необходимость ее исключения из перечня целей, содержащихся в ч. 2 ст. 43 УК РФ. В пользу данного предложения говорит и то обстоятельство, что об этой цели не было упоминаний в ранее действовавшем уголовном, исправительно-трудовом законодательстве России, не существует данной цели и в действующем Уголовно-исполнительном законодательстве России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Керимов Д.А. *Философские проблемы права*. М., 1972. 472 с.
2. *Философский энциклопедический словарь*. М., 1983. 840 с.
3. Злобин Г.А. О необходимости концептуального подхода к совершенствованию уголовного законодательства // Конституция СССР и дальнейшее усиление законности и правопорядка. М., 1979. С. 16–21.
4. Полубинская С.В. *Цели уголовного наказания*. М., 1990. 142 с.
5. *Краткий психологический словарь*. М., 1985. 340 с.
6. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015. № 58 // Российская газета. 2015. 29 декабря. № 295.
7. Юдин Е.В. Наказание и восстановление социальной справедливости в уголовном законе и правоприменительной практике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2007. 22 с.
8. Шутлов К.Н. Конфискация имущества в российском уголовном и уголовно-исправительном законодательстве : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2000. 173 с.
9. Становский М.Н. *Назначение наказания*. СПб. : Юридический центр Пресс, 1999. 162 с.
10. Зубкова В.И. Восстановление социальной справедливости как цели уголовного наказания и ее достижение в процессе отбывания наказания // Вестник ВИПЭ ФСИН России: преступление, наказание, исправление. 2010. № 9. С. 9–14.
11. *Курс уголовного права*. Т. 2: Общая часть. Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М. : Зерцало – М., 2002. 624 с.
12. Беляев Н.А. *Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях*. Л.: ЛГУ, 1963. 186 с.
13. Жижиленко А.А. *Очерки по общему учению о наказании*. Пг. : Academia, 1923. 142 с.
14. Колужин К.В. Восстановление социальной справедливости в уголовном праве и правоприменительной практике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2013. 23 с.
15. Юдин Е.В. Наказание и восстановление социальной справедливости в уголовном законе, теории и правоприменительной практике : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2007. 181 с.
16. Боробенков С. Место и роль социальной справедливости в российском уголовном праве // Актуальные проблемы теории уголовного права и правоприменительной практики. М., 1997. С. 48–50.
17. Ткачевский Ю.М. Восстановление социальной справедливости – цель уголовного наказания и уголовно-исполнительного кодекса РФ // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1998. № 6. С. 21–27.
18. Становский М.Н. *Назначение наказания*. СПб. : Юридический центр Пресс, 1999. 480 с.
19. Похмелкин В.В. *Социальная справедливость и уголовная ответственность*. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1990. 177 с.
20. Филимонов В.Д. *Охранительная функция уголовного права*. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. 198 с.
21. Филимонов В.Д. *Принципы уголовного права*. М. : Центр ЮрИнфоР, 2002. 139 с.

Restoration of Social Justice as a Goal of Criminal Punishment

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 17, pp. 13–17. DOI: 10.17223/23088451/17/3

Lev M. Prozumentov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: krim_tsu@mail.ru

Keywords: goal, justice, correction, crime, punishment

The restoration of social justice as the goal of criminal punishment has already been in the focus of attention, though the Russian criminal legislation has included it for the first time. The legislator has not defined what is meant by “restoring social justice”, although the term “justice” can be found in Part 1 of Art. 60 of the Criminal Code of the Russian Federation in Clause 1 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of January 11, 2007 “On the practice of imposing criminal punishment by the courts of the Russian Federation”. This circumstance has led to an ambiguous interpretation of the term in research and practice. Some researchers do not distinguish the categories of goal and principle of social justice and consider the goal of restoring social justice through the principle contained in Art. 6 of the Criminal Code of the Russian Federation, i.e. through the correspondence of punishment to the nature and degree of social danger of the crime. In criminal law, there are other approaches to this goal, which are analyzed in this article. The author concludes about the “utopian” character of this goal and its unattainability in real life.

References

1. Kerimov, D.A. (1972) *Filosofskie problemy prava* [Philosophical Problems of Law]. Moscow: Mysl’.
2. Ilichev, L.F., Fedoseev, P.N., Kovalev, S.M. & Panov, V.G. (1983) *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar’* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
3. Zlobin, G.A. (1979) O neobkhodimosti kontseptual’nogo podkhoda k sovershenstvovaniyu ugolovnogo zakonodatel’sstva [On the need for a conceptual approach to improving criminal legislation]. *Konstitutsiya SSSR i dal’neyshее usilenie zakonnosti i pravoporyadka* [Constitution of the USSR and further strengthening of the rule of law and order]. Moscow: [s.n.]. pp. 16–21.
4. Polubinskaya, S.V. (1990) *Tseli ugolovnogo nakazaniya* [The Goal of Criminal Punishment]. Moscow: Nauka.
5. Petrovsky, A.V. & Yaroshevsky, M.G. (eds) (1985) *Kratkiy psikhologicheskiy slovar’* [A Brief Psychological Dictionary]. Moscow: Politizdat.
6. The Supreme Court of the Russian Federation. (2015) O praktike naznacheniya sudami Rossiyskoy Federatsii ugolovnogo nakazaniya: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 22.12.2015. № 58 [On the practice of imposing criminal punishment by the courts of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 22, 2015. No. 58]. *Rossiyskaya gazeta*. 29th December.
7. Yudin, E.V. (2007) *Nakazanie i vosstanovlenie sotsial’noy spravedlivosti v ugolovnom zakone i pravoprimenitel’noy praktike* [Punishment and restoration of social justice in criminal law and law enforcement practice]. Abstract of Law Cand. Diss. Irkutsk.
8. Shutov, K.N. (2000) *Konfiskatsiya imushchestva v rossiyskom ugolovnom i ugolovno-ispravitel’nom zakonodatel’sve* [Confiscation of property in Russian criminal and penal law]. Law Cand. Diss. Tomsk.
9. Stanovsky, M.N. (1999) *Naznachenie nakazaniya* [Sentencing]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
10. Zubkova, V.I. (2009) Vosstanovlenie sotsial’noy spravedlivosti kak tseli ugolovnogo nakazaniya i ee dostizhenie v protsesse otbyvaniya nakazaniya [Restoration of social justice as the goal of criminal punishment and its achievement in the process of serving the sentence]. *Vestnik VIPE FSIN Rossii: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*. 9. pp. 9–14.
11. Kuznetsova, N.F. & Tyazhkova, I.M. (eds) (2002) *Kurs ugolovnogo prava* [Criminal Law]. Vol. 2. Moscow: Zertsalo.
12. Belyaev, N.A. (1963) *Tseli nakazaniya i sredstva ikh dostizheniya v ispravitel’no-trudovykh uchrezhdeniyakh* [The goals of punishment and the means of achieving them in correctional labor institutions]. Leningrad: Leningrad State University.
13. Zhizhilenko, A.A. (1923) *Ocherki po obshchemu ucheniyu o nakazanii* [Essays on the general doctrine of punishment]. Petrograd: Academia.
14. Kolyuzhin, K.V. (2013) *Vosstanovlenie sotsial’noy spravedlivosti v ugolovnom prave i pravoprimenitel’noy praktike* [Restoration of social justice in criminal law and law enforcement practice]. Abstract of Law Cand. Diss. Rostov on Don.
15. Yudin, E.V. (2007) *Nakazanie i vosstanovlenie sotsial’noy spravedlivosti v ugolovnom zakone, teorii i pravoprimenitel’noy praktike* [Punishment and restoration of social justice in criminal law, theory and law enforcement practice]. Law Cand. Diss. Irkutsk.
16. Borobenkov, S. (1997) Mesto i rol’ sotsial’noy spravedlivosti v rossiyskom ugolovnom prave [Social justice in Russian criminal law]. *Aktual’nye problemy teorii ugolovnogo prava i pravoprimenitel’noy praktiki* [Topical problems of the theory of criminal law and law enforcement practice]. Moscow: [s.n.]. pp. 48–50.
17. Tkachevskiy, Yu.M. (1998) Vosstanovlenie sotsial’noy spravedlivosti – tsel’ ugolovnogo nakazaniya i ugolovno-ispolnitel’nogo kodeksa RF [Restoration of social justice – the goal of criminal punishment and the criminal executive code of the Russian Federation]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya II. Pravo*. 6. pp. 21–27.
18. Stanovsky, M.N. (1999) *Naznachenie nakazaniya* [Sentencing]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
19. Pokhmelkin, V.V. (1990) *Sotsial’naya spravedlivost’ i ugolovnaya otvetstvennost’* [Social Justice and Criminal Responsibility]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
20. Filimonov, V.D. (2003) *Okhranitel’naya funktsiya ugolovnogo prava* [Protective Function of Criminal Law]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
21. Filimonov, V.D. (2002) *Printsipy ugolovnogo prava* [Principles of Criminal Law]. Moscow: Tsentr YurInfoR.

Received: 24 May 2021.

И.О. Ткачев

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ ОТ 26 НОЯБРЯ 2019 г.
№ 48 «О ПРАКТИКЕ ПРИМЕНЕНИЯ СУДАМИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА НАЛОГОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ»: АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ НОВЕЛЛ**

Дается критический анализ разъяснений, содержащихся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления». Сделан вывод, что действующая редакция постановления позволяет рассматривать уклонение от уплаты налогов в качестве преступления с формальным составом, что создает предпосылки для его отнесения к числу длящихся преступлений. Обращается внимание на то, что отказ Верховного Суда от определения категории «сокрытие денежных средств или иного имущества» для целей применения ст. 199.2 УК РФ может привести к более широкому истолкованию судами указанной уголовно-правовой нормы.

Ключевые слова: *налоговые преступления, уклонение от уплаты налогов, длящееся преступление, срок давности, сокрытие денежных средств или иного имущества*

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» [1] является одним из наиболее обсуждаемых в литературе разъяснений, которые были даны высшей судебной инстанцией за последние годы. Принятие указанного постановления было обусловлено, по меньшей мере, тремя группами причин.

1. С момента издания аналогичного по содержанию постановления № 64 от 28 декабря 2006 г. (далее – постановление № 64) были внесены существенные изменения в уголовное законодательство об ответственности за налоговые преступления. В том числе установлена самостоятельная ответственность за уклонение от уплаты некоторых видов страховых взносов (ст. 199.3 и 199.4 Уголовного кодекса Российской Федерации). Соответствующее уточнение предмета преступления, предусмотренного ст. 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, потребовало внесения изменений в описание признаков его субъекта.

2. Последовательно расширяется законодателем перечень оснований освобождения от уголовной ответственности, которые могут быть применены по отношению к лицам, совершившим налоговые преступления, отнесенные законодателем преимущественно к категории небольшой или средней тяжести. В этом плане наиболее значительным изменением с момента принятия Пленумом постановления № 64 является предоставление судам права освободить от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации). Данные судебной статистики свидетельствуют, что на сегодняшний день назначение судебного штрафа является наиболее распространенным основанием прекращения уголовного дела или уголовного преследования [2]. При этом указанная норма применяется, в том числе, и по отношению к лицам, совершившим налоговые преступления.

3. Столь же существенные изменения произошли также в налоговом законодательстве и, что не менее

важно, практике его применения налоговыми органами и арбитражными судами. Как следует из информации, размещенной на сайте Федеральной налоговой службы, с каждым годом последовательно сокращается количество проводимых выездных налоговых проверок. При этом одновременно возрастает их результативность [3]. Вместе с тем количество зарегистрированных налоговых преступлений существенных изменений не претерпевает.

С учетом отмеченных выше факторов в итоговую редакцию постановления вошло несколько положений, которые могут существенным образом повлиять на правоприменительную практику.

Прежде всего, обращает на себя внимание отказ Пленума от определения уклонения от уплаты налогов и (или) сборов, которое ранее содержалось в п. 3 постановления № 64. Представляется, что такой отказ является результатом обсуждения наиболее острого вопроса, который был затронут в ходе работы над текстом постановления. Речь идет о возможности признания данной разновидности налоговых преступлений длящимися, что коренным образом изменило бы практику прекращения соответствующей категории уголовных дел в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

Как было отмечено в п. 3 первоначальной редакции проекта постановления, которая обсуждалась на заседании Пленума 6 июня 2019 г., «с учетом того, что данные преступления являются длящимися, сроки давности уголовного преследования исчисляются с момента фактического прекращения виновным лицом преступной деятельности, в частности со дня добровольного погашения либо взыскания недоимки по налогам, сборам, страховым взносам». Такой подход позволил бы существенно увеличить количество уголовных дел, доводимых до суда, что, вероятнее всего, повлекло бы за собой столь же существенное увеличение количества случаев применения таких оснований освобождения от уголовной ответственности, которые предусматривают в качестве условия освобождения

возмещение ущерба, причиненного преступлением (ч. 1 ст. 76.1 и ст. 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации). Примечательно, что, комментируя постановление № 64 спустя непродолжительное время после его опубликования, член Пленума Верховного Суда Российской Федерации В.В. Дорошков отмечал следующее: уклонение от уплаты налогов не является длящимся преступлением [4. С. 299]. Как можно заметить, с того времени позиция высшей судебной инстанции поменялась на противоположную.

Впрочем, необходимо обратить внимание, что мнение о длящемся характере преступлений, предусмотренных ст. 198 и 199 Уголовного кодекса Российской Федерации, озвучивалось в доктрине уголовного права еще до опубликования проекта анализируемого постановления. В частности, В.Г. Шумихин связывал необходимость признания уклонения от уплаты налогов длящимися преступлениями именно с более справедливым, по его мнению, исчислением сроков давности с момента их обнаружения правоохранительными органами [5. С. 209–210].

По нашему мнению, возможность отнесения уклонения от уплаты налогов к указанной выше разновидности сложного единичного преступления тесно связана с уяснением конструкции объективной стороны составов соответствующих преступлений.

Как указано в п. 1 постановления 23-го Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям», преступления, именуемые длящимися, характеризуются непрерывным осуществлением состава определенного преступного деяния. Далее Пленум определяет длящееся преступление как действие или бездействие, сопряженное с последующим длительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного законом под угрозой уголовного преследования [6. С. 5]. Можно заметить, что, раскрывая понятие длящегося преступления, Верховный Суд не случайно использовал только категорию деяния, но не последствий, являющихся обязательным признаком любого материального состава преступления. В связи с этим в литературе отмечается, что специфика длящихся преступлений заключается в том, что они совершаются непрерывно в течение определенного периода времени [7. С. 185; 8. С. 114].

Следует обратить внимание, что в первоначальной редакции данного постановления указание на формальный характер состава длящихся преступлений было еще более очевидным. Так, длящееся преступление определялось Пленумом как действие, влекущее за собой непрерывно осуществляемое преступное состояние или длительное несовершение действий, требуемых законом под страхом уголовного наказания [9. С. 75]. При этом восприятие длящегося преступления как проявления преступного состояния сложилось в уголовно-правовой науке значительно раньше. Еще Н.С. Таганцев понимал под длящимися такие преступные деяния, «которые, раз совершившись, неоднократно и непрерывно повторяются виновным и образуют... преступное состояние» [10. С. 258]. Соответствующее пред-

ставление о сути длящихся преступлений было распространено и среди представителей науки советского уголовного права, в том числе после внесения изменений в п. 1 постановления от 4 марта 1929 г. [11. С. 6]. Оно также нашло свое отражение в работах некоторых современных ученых-криминалистов. В частности, А.П. Козлов определяет длящееся преступление как существующее непрерывно действие или бездействие, создающее опасное состояние при наличии общей цели и единого умысла [12. С. 75]. Развивая отмеченное направление, Н.Г. Иванов вообще приходит к выводу, что длящихся преступлений нет, но есть длящиеся состояния безответственности [13. С. 43].

В связи с этим в юридической литературе высказывалось мнение о возможности отнесения к числу длящихся только таких преступлений, для которых характерна формальная конструкция объективной стороны [5. С. 207; 14. С. 33]. Действительно, последствие длится не может. В материальном составе преступления преступное последствие выполняет функцию юридического факта, с наступлением которого законодатель связывает момент его юридического окончания. Наступление преступных последствий не вызывает преступного состояния сколько-нибудь продолжительного во времени. Таким состоянием не являются ни смерть потерпевшего при совершении убийства, ни реальный имущественный ущерб при совершении кражи.

Впрочем, еще в конце прошлого века авторитетным ученым-криминалистом П.С. Яни была высказана позиция о возможности существования длящихся преступлений с материальным составом. Что примечательно, указанная позиция была сформулирована именно по отношению к уклонению от уплаты налогов [15. С. 41–42].

В доктрине уголовного права составы преступлений, предусмотренных ст. 198 и 199 Уголовного кодекса Российской Федерации, традиционно рассматриваются в качестве материальных [16. С. 42; 17. С. 221]. Об этом же свидетельствовала редакция постановления № 64, где в уже отмеченном нами п. 3 под уклонением от уплаты налогов предлагалось понимать умышленные деяния, направленные на их неуплату в крупном или особо крупном размере и повлекшие полное или частичное непоступление соответствующих налогов и сборов в бюджетную систему Российской Федерации. В данном случае использование Верховным Судом причастия «повлекший» явно указывает на наличие в составе преступления преступных последствий в виде полного или частичного непоступления налогов в бюджетную систему.

В ходе дискуссии Пленум отказался от спорной формулировки, однозначно относящей уклонение от уплаты налогов к числу длящихся преступлений. Однако одновременно из итогового текста постановления было исключено и изложенное выше определение анализируемого деяния. В результате в п. 4 вошло разъяснение относительно способов совершения рассматриваемого преступления, а также указание на момент его окончания. В соответствии с указанным разъяснением, моментом окончания преступления, предусмотренного

ст. 198 или 199 УК РФ, следует считать фактическую неуплату налогов, сборов, страховых взносов в срок, установленный законодательством о налогах и сборах [1. С. 10]. Но о каком моменте окончания ведется речь в названном пункте постановления?

В доктрине уголовного права применительно к деящимся преступлениям принято различать моменты фактического и юридического окончания [18. С. 162–165; 19. С. 2; 20. С. 98; 21. С. 21]. Момент юридического окончания, прежде всего, позволяет квалифицировать содеянное только по нормам Особенной части без применения положений ст. 30 Уголовного кодекса. В то же время с моментом фактического окончания, которое иногда в литературе также называют прекращением преступного состояния [22. С. 91], традиционно связывается исчисление сроков давности привлечения к уголовной ответственности [23. С. 124; 24. С. 146; 25. С. 76].

Ничто в действующей редакции постановления не указывает на то, что Пленум имеет в виду именно момент фактического окончания. Напротив, в подавляющем большинстве случаев в своих постановлениях высшая судебная инстанция, очевидно, описывает момент юридического окончания, что принципиально важно для уголовно-правовой оценки содеянного как на стадии предварительного расследования, так и в суде. В связи с этим важно обратить внимание на то, каким образом был изложен соответствующий пункт постановления в его первоначальной редакции: «Исходя из того, что в соответствии с положениями законодательства о налогах и сборах срок представления налоговой декларации (расчета) и сроки уплаты налога, сбора, страхового взноса могут не совпадать, преступление, предусмотренное ст. 198 или ст. 199 УК РФ, следует квалифицировать как оконченное с момента неуплаты налогов, сборов и (или) страховых взносов в установленный срок» [26]. Очевидно, что речь идет именно о моменте юридического, а не фактического окончания.

Впрочем, когда в постановлении содержалось четкое указание на материальный характер состава уклонения от уплаты налогов, это не имело принципиального значения. Вместе с тем в настоящее время такое указание отсутствует. Более того, в п. 1 постановления содержится разъяснение, согласно которому уклонение рассматривается в качестве умышленного невыполнения конституционной обязанности каждого платить законно установленные налоги и сборы, заключающегося в непоступлении денежных средств в бюджетную систему Российской Федерации. Делая акцент на неисполнении обязанности, Верховный Суд, тем самым, приближает к пониманию уклонения от уплаты налогов как преступления с формальным составом по конструкции объективной стороны, что снимает препятствия в восприятии указанного преступления как деящегося.

Следует отметить, что на страницах специальной литературы ранее уже высказывались мнения и о формальном характере соответствующих составов [27. С. 50]. Хотя даже сторонники указанного подхода не

были склонны рассматривать уклонение от уплаты налогов в качестве деящегося преступления. Убедительные, на наш взгляд, аргументы в этом отношении приведены Д.М. Молчановым. Как верно отмечает указанный автор, для признания преступления деящимся необходимо разобраться в механизме причинения вреда общественным отношениям преступлениями. В данном случае на уклоняющемся лежит обязанность совершения определенных действий, от совершения которых зависит нормальное существование объекта посягательства. Если действия не совершены – объект охраны страдает. Но, по справедливому замечанию Д.М. Молчанова, страдает он не длительно, а одномоментно, как и при совершении любого преступления с формальным составом [28. С. 749].

Примечательно, что аналогичным образом в результате обсуждения проекта постановления из его итоговой редакции исчезло указание на деящийся характер преступления, предусмотренного ст. 199.1 Уголовного кодекса Российской Федерации («Неисполнение обязанностей налогового агента»). При этом в доктрине уголовного права состав указанного преступления гораздо чаще воспринимается как формальный по сравнению с уклонением от уплаты налогов. В итоговой редакции анализируемого постановления Пленум лишь рекомендовал судам считать соответствующее преступление оконченным с момента перечисления налоговым агентом в личные интересы в порядке и сроки, установленные налоговым законодательством, в соответствующий бюджет сумм налогов, сборов в крупном или особо крупном размере, которые он должен был исчислить и удержать у налогоплательщика [1. С. 12]. Однако и в данном случае следует вести речь о моменте юридического, а не фактического окончания преступления.

Еще одним важным изменением является отказ от определения категории сокрытия денежных средств или иного имущества, за счет которых должно производиться взыскание налогов, сборов, страховых взносов. Ответственность за совершение соответствующего деяния установлена ст. 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации.

В пункте 20 постановления № 64 содержалось разъяснение, согласно которому под сокрытием следовало понимать деяние, направленное на воспрепятствование принудительному взысканию недоимки по налогам и сборам в крупном размере. Таким образом, Пленум ранее воспринимал данное деяние как создание препятствий в осуществлении законной деятельности по взысканию уполномоченным органом недоимки по налогам и сборам. По мнению Н.А. Лопашенко, под сокрытием предмета преступления следует понимать его утаивание различными способами с целью избежать выплат по недоимкам по налогам и (или) сборам [29]. Очевидно, что такое деяние могло заключаться только в совершении активных действий, на что неоднократно обращалось внимание в уголовно-правовой доктрине [30. С. 50–52; 31. С. 16]. Как отмечает в одной из своих работ П.С. Яни, привлечение к уголовной ответственности по ст. 199.2 Уголовного кодекса Рос-

сийской Федерации возможно, только если лицу было достоверно известно, что совершаемыми им действиями будут созданы неустраняемые препятствия для принудительного взыскания недоимки по налогам в крупном и более размере [32. С. 46].

Вместе с тем в первоначальной редакции п. 21 вновь принятого постановления содержалась принципиально иная формулировка. Под сокрытием Пленум предложил понимать деяние, направленное на избежание взыскания недоимки по налогам, сборам, страховым взносам в крупном размере. Очевидно, что термины «избежание» и «воспрепятствование» имеют принципиально иное значение. Согласно толковому словарю С.И. Ожегова, избегать – значит уклоняться от чего-либо [33. С. 206]. Соответственно, избежание есть не что иное, как уклонение, в данном случае – от погашения недоимки по налогам, сборам и страховым взносам. Таким образом, Пленум, по сути, прямо допустил возможность совершения названного преступления путем бездействия. Стоит оговориться, что соответствующая позиция уже озвучивалась в доктрине уголовного права [34. С. 16; 35. С. 61–65; 36. С. 9–11].

Следует обратить внимание, что аналогичное суждение относительно сути рассматриваемого деяния было высказано Конституционным Судом Российской Федерации в Определении от 24 марта 2005 г. № 189-О. В указанном определении отмечено, что «норма ст. 199.2 УК РФ, устанавливающая ответственность именно за сокрытие денежных средств или имущества, может расцениваться как позволяющая признавать составообразующим применительно к предусмотренному ею преступлению только такое деяние, которое совершается с умыслом и направлено на избежание взыскания недоимки по налогам и (или) сборам». Далее Конституционный Суд указывает, что «это предполагает необходимость в каждом случае уголовного преследования доказать не только наличие у организации или индивидуального предпринимателя денежных средств или имущества, за счет которых должно быть произведено взыскание недоимки по налогам и (или) сборам, но и то, что эти средства были намеренно сокрыты с целью уклонения от взыскания недоимки и, следовательно, исключает возможность произвольного привлечения к уголовной ответственности за предусмотренное оспариваемой статьей преступление» [37]. Отмеченная формулировка – «избежание уплаты недоимки» – использовалась Конституционным Судом и в

последующих определениях от 05.03.2009 № 470-О-О, 17.12.2009 № 1644-О-О, 25.11.2010 № 1513-О-О, 24.06.2014 № 1346-О.

В итоговую редакцию постановления отмеченное выше разъяснение также не вошло, хотя было поддержано некоторыми представителями уголовно-правовой доктрины. Так, А.Д. Нечаев отмечает, что использование формулы «воспрепятствование» позволяет привлекать к уголовной ответственности за рассматриваемое преступление только в тех ситуациях, когда в отношении налогоплательщика уже начата процедура принудительного взыскания. В связи с этим, по его мнению, отказ от данного термина в пользу категории «избежание» позволил бы снять один из барьеров на пути к более широкому и обоснованному применению ст. 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации [38. С. 167].

Тем не менее Верховный Суд не стал воспроизводить и ранее содержащееся определение сокрытия. Вместе с тем, согласно п. 21 постановления, при рассмотрении дел о преступлениях, предусмотренных ст. 199.2 УК РФ, судам надлежит устанавливать обстоятельства, свидетельствующие о том, что денежные средства и имущество были намеренно сокрыты с целью уклонения (а не воспрепятствования. – *И.Т.*) от взыскания недоимки. Тем самым Пленум подал нижестоящим судам своеобразный сигнал воспринимать деяние, предусмотренное ст. 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, именно как уклонение, а не как воспрепятствование, что, безусловно, расширяет границы применения анализируемой нормы и может существенным образом отразиться на практике рассмотрения соответствующей категории уголовных дел.

На наш взгляд, отмеченные новеллы с очевидностью указывают на стремление высшей судебной инстанции создать предпосылки для того, чтобы до суда доходило как можно большее количество уголовных дел о налоговых преступлениях. Как известно, разъяснения Верховного Суда, содержащиеся в постановлениях Пленума, имеют важнейшее значение для формирования судебной практики. Не случайно некоторые исследователи относят такие постановления к числу источников уголовного права [39. С. 42; 40. С. 43–44]. Вместе с тем влияние анализируемого постановления на практику рассмотрения судами уголовных дел о налоговых преступлениях еще предстоит оценить в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бюллетень* Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 1. С. 9–14.
2. *Отчет* об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел: на основании формы № 10.2. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 10.05.2020).
3. *Официальный сайт* Федеральной налоговой службы РФ. URL: https://www.nalog.ru/rn50/news/activities_fts/9210670/ (дата обращения: 10.05.2020).
4. *Комментарий к Постановлениям Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам* / под ред. В.М. Лебедева. М.: Норма, 2008. 544 с.
5. *Шумихин В.Г.* Конструктивные признаки делящегося преступления // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2010. Вып. 2 (8). С. 207–210.
6. *Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам*. М., 2000. 559 с.
7. *Малинин В.Б., Парфенов А.Б.* Объективная сторона преступления. СПб., 2004. 301 с.

8. Малков В.Д. С совокупность преступлений. Казань, 1974. 305 с.
9. Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1944–1957 гг. М., 1958.
10. Таганцев Н.С. Курс русского уголовного права. Часть общая. Кн. 1, вып. 2. СПб., 1878.
11. Криволапов Г.Г. Множественность преступлений по советскому уголовному праву. М., 1974. 32 с.
12. Козлов А.П. Единичные преступления: понятие, классификация, квалификация. Красноярск, 2007. 280 с.
13. Иванов Н.Г. Давность привлечения к уголовной ответственности за «длящиеся преступления» и время совершения преступления // Уголовное право. 2019. № 1. С. 38–44.
14. Эктон А.С. Уголовно-правовые вопросы оценки длящихся преступлений // Проблемы правоохранительной деятельности. 2007. № 1. С. 33–36.
15. Яни П.С. Длящиеся преступления с материальным составом. К вопросу о квалификации преступного уклонения от уплаты налогов // Российская юстиция. 1999. № 1. С. 40–42.
16. Звечаровский И. Момент окончания преступлений, связанных с уклонением от уплаты обязательных платежей // Российская юстиция. 1999. № 9. С. 41–42.
17. Русанов Г.А. Преступления в сфере экономической деятельности. М., 2011. 264 с.
18. Козлов А.П. Учение о стадиях преступления. СПб., 2002. 353 с.
19. Маликов С.В. Юридический и фактический моменты окончания преступления // Юридические исследования. 2019. № 8. С. 1–7.
20. Черненко Т.Г. Некоторые вопросы освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности // Вестник Кузбасского института. 2019. № 3 (40). С. 96–104.
21. Чикин Д.С. Сложные единичные преступления (уголовно-правовая характеристика, проблемы квалификации и законодательного конструирования) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. 34 с.
22. Козлов А.П., Севастьянов А.П. Единичные и множественные преступления. СПб., 2011. 915 с.
23. Бобринев Р.В. Определение момента окончания налоговых преступлений, ответственность за которые наступает в соответствии со статьями 198, 199 УК РФ // Социогуманитарный вестник. 2013. № 1 (10). С. 120–129.
24. Силаев С.А. К вопросу об окончании длящегося преступления // Российский юридический журнал. 2013. № 3. С. 146–153.
25. Черненко Т., Силаев С. О соотношении длящихся и продолжаемых преступлений (на примере уклонения от уплаты налогов и сборов) // Уголовное право. 2010. № 4. С. 73–78.
26. Проект постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72165904/> (дата обращения: 10.09.2020).
27. Сверчков В. Уклонение от уплаты обязательных платежей: конструкция составов преступлений // Российская юстиция. 2000. № 7. С. 49–55.
28. Молчанов Д.М. Длящиеся преступления: уголовно-правовая оценка в соответствии с принципом справедливости // Lex Russica (Научные труды МГЮА). 2011. № 4. С. 741–752.
29. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ) (постатейный). М., 2006 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 16.05.2020).
30. Аюпджанова М.О. Уголовная ответственность за сокрытие денежных средств, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов // Законность. 2011. № 4. С. 50–52.
31. Чернеева А.М. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика налоговых преступлений (по материалам Республики Татарстан) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. 25 с.
32. Яни П.С. Уголовная ответственность за сокрытие имущества с целью уклонения от взыскания недоимки // Законность. 2020. № 3. С. 45–50.
33. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986. 797 с.
34. Искалиев Р.М. Уголовная ответственность за сокрытие денежных средств и имущества, за счет которых должно производиться взыскание налогов и сборов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 24 с.
35. Кучеров И.И., Соловьев И.Н. Уголовная ответственность за налоговые преступления. М., 2004. 121 с.
36. Ручкина Г.Ф., Ручкин О.Ю., Трунцевский Ю.В. Некоторые вопросы квалификации «новых» налоговых преступлений // Налоги. 2007. № 1. С. 9–11.
37. Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 5. 116 с.
38. Нечаев А.Д. Сокрытие имущества, за счет которого должно быть произведено взыскание недоимки (ст. 199.2 УК РФ): предложения о совершенствовании судебной практики по делам о налоговых преступлениях // Закон. 2018. № 7. С. 160–168.
39. Монахова Л.В. Постановления Пленума Верховного Суда РФ как источники уголовного права // Марийский юридический вестник. 2018. № 2. С. 39–42.
40. Обращивев К.В. Постановления Пленума Верховного Суда РФ как формальные (юридические) источники российского уголовного права // Уголовное право. 2008. № 4. С. 40–44.

Статья принята к публикации 24.05.2021.

Resolution No. 48 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 26, 2019, “On the Practice of the Courts’ Application of Legislation on Liability for Tax Crimes”: An Analysis of the Main Novels

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 17, pp. 18–24. DOI: 10.17223/23088451/17/4

Igor O. Tkachev, Ural State Law University (Russian Federation, Ekaterinburg). E-mail: tkachyov@mail.ru

Keywords: tax crimes, tax evasion, continuing crime, statute of limitations, concealment of funds or other property

The article provides a critical analysis of a number of provisions of the Resolution No. 48 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 26, 2019, “On the practice of the courts’ application of legislation on liability for tax crimes”. The author notes that the current version of the decree allows considering tax evasion as a formal crime. Thus, the Supreme Court of the Russian Federation laid down the preconditions for classifying tax evasion as a continuing crime, which would significantly reduce the number of criminal cases terminated due to the expiration of the statute of limitations for criminal liability. The author also draws atten-

tion to the refusal of the Supreme Court to define the category “concealment of funds or other property” for the purposes of applying Art. 199.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is noted that such a refusal may lead to a broader interpretation by the courts of this criminal law norm.

References

1. The Supreme Court of the Russian Federation. (2020) *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation]. 1. pp. 9–14.
2. The Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Otchet ob osobennostyakh rassmotreniya ugovolnykh del, primeneniya real'nykh vidov nakazaniya i osnovaniy prekrashcheniya ugovolnykh del: na osnovanii formy № 10.2* [A report on the peculiarities of the consideration of criminal cases, the application of real types of punishment and the grounds for the termination of criminal cases: on the basis of form No. 10.2]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (Accessed: 10th May 2020).
3. *The Federal Tax Service of the Russian Federation*. [Online] Available from: https://www.nalog.ru/m50/news/activities_fts/9210670/ (Accessed: 10th May 2020).
4. Lebedev, V.M. (ed.) (2008) *Kommentariy k Postanovleniyam Plenuma Verkhovnogo Suda RF po ugovolnym delam* [Commentary on the Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on criminal cases]. Moscow: Norma.
5. Shumikhin, V.G. (2010) Constructive features of the on-going crime. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2(8). pp. 207–210. (In Russian).
6. The Supreme Courts of the USSR and the RSFSR. (2000) *Sbornik postanovleniy Plenumov Verkhovnykh Sudov SSSR i RSFSR (Rossiyskoy Federatsii) po ugovolnym delam* [Collection of resolutions of the Plenums of the Supreme Courts of the USSR and the RSFSR (Russian Federation) on criminal cases]. Moscow: [s.n.].
7. Malinin, V.B. & Parfenov, A.B. (2004) *Ob"ektivnaya storona prestupleniya* [The Objective Side of the Crime]. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute.
8. Malkov, V.D. (1974) *Sovokupnost' prestupleniy* [A set of crimes]. Kazan: Kazan State University.
9. The Supreme Court of the USSR. (1958) *Sbornik deystvuyushchikh postanovleniy Plenuma Verkhovnogo Suda SSSR 1944–1957 gg.* [Collection of current resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the USSR 1944 – 1957]. Moscow: [s.n.].
10. Tagantsev, N.S. (1878) *Kurs russkogo ugovolnogo prava* [Russian Criminal Law]. St. Petersburg: [s.n.].
11. Krivolapov, G.G. (1974) *Mnozhestvennost' prestupleniy po sovetskomu ugovolnomu pravu* [The plurality of crimes under Soviet criminal law]. Moscow: [s.n.].
12. Kozlov, A.P. (2007) *Edinichnye prestupleniya: ponyatie, klassifikatsiya, kvalifikatsiya* [Single crimes: concept, classification, qualification]. Krasnoyarsk: [s.n.].
13. Ivanov, N.G. (2019) Limitation for bringing to criminal liability for “continuing crimes” and period of commission of a crime. *Ugolovnoe pravo*. 1. pp. 38–44. (In Russian).
14. Ektov, A.S. (2007) *Ugolovno-pravovye voprosy otsenki dlyashchikhsya prestupleniy* [Criminal and legal issues of assessing continuing crimes]. *Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti – Problems of Law-Enforcement Activity*. 1. pp. 33–36.
15. Yani, P.S. (1999) *Dlyashchiesya prestupleniya s material'nym sostavom. K voprosu o kvalifikatsii prestupnogo ukлонeniya ot uplaty nalogov* [Continuing crime with material composition. On qualification of criminal tax evasion]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 1. pp. 40–42.
16. Zvecharovskiy, I. (1999) *Moment okonchaniya prestupleniy, svyazannykh s ukлонeniem ot uplaty obyazatel'nykh platezhey* [The end of crimes related to the evasion of mandatory payments]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 9. pp. 41–42.
17. Rusanov, G.A. (2011) *Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti* [Crimes in the field of economic activity]. Moscow: Prospekt.
18. Kozlov, A.P. (2002) *Uchenie o stadiyakh prestupleniya* [Doctrine of crime stages]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
19. Malikov, S.V. (2019) *Yuridicheskiy i fakticheskiy momenty okonchaniya prestupleniya* [Legal and actual moments of the end of the crime]. *Yuridicheskie issledovaniya – Legal Studies*. 8. pp. 1–7.
20. Chernenko, T.G. (2019) Some problems of exemption from criminal responsibility in connection with lapse of time. *Vestnik Kuzbasskogo institute – Bulletin of the Kuzbass Institute*. 3(40). pp. 96–104. (In Russian).
21. Chikin, D.S. (2013) *Slozhnye edinichnye prestupleniya (ugolovno-pravovaya kharakteristika, problemy kvalifikatsii i zakonodatel'nogo konstruirovaniya)* [Complex single crimes (criminal law characteristics, problems of qualification and legislative design)]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.
22. Kozlov, A.P. & Sevastyanov, A.P. (2011) *Edinichnye i mnozhestvennye prestupleniya* [Single and multiple crimes]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr-Press.
23. Bobrinev, R.V. (2013) *Opredelenie momenta okonchaniya nalogovykh prestupleniy, otvetstvennost' za kotorye nastupaet v sootvetstviy so stat'yami 198, 199 UK RF* [Determination of the moment of the end of tax crimes, liability for which occurs in accordance with Articles 198, 199 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Sotsiugumanitarnyy vestnik*. 1(10). pp. 120–129.
24. Silaev, S.A. (2013) On the ending of a continuous crime. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Russian Juridical Journal*. 3. pp. 146–153. (In Russian).
25. Chernenko, T. & Silaev, S. (2010) Delimitation between permanent and continuous offences (example of evasion of taxes and dues). *Ugolovnoe pravo*. 4. pp. 73–78. (In Russian).
26. The Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Proekt postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii “O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za nalogovye prestupleniya”* [Draft resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation “On the practice of the courts’ application of legislation on liability for tax crimes”]. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72165904/> (Accessed: 10th September 2020).
27. Sverchkov, V. (2000) *Uklonenie ot uplaty obyazatel'nykh platezhey: konstruktivnaya sostavov prestupleniy* [Evasion from payment of compulsory payments: the construction of corpus delicti]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 7. pp. 49–55.
28. Molchanov, D.M. (2011) *Dlyashchiesya prestupleniya: ugovolno-pravovaya otsenka v sootvetstviy s printsipom spravedlivosti* [Continuing Crimes: Criminal Law Assessment in Accordance with the Principle of Justice]. *Lex Russica*. 4. pp. 741–752.

29. Lopashenko, N.A. (2006) *Prestupleniya v sfere ekonomiki: Avtorskiy kommentariy k ugolovnomu zakonu (razdel VIII UK RF) (postateyny)* [Crimes in the field of economics: Author's commentary on the criminal law (section VIII of the Criminal Code of the Russian Federation) (by articles)]. Moscow: Wolters Kluwer.
30. Akopdzhanova, M.O. (2011) Ugolovnaya otvetstvennost' za sokrytie denezhnykh sredstv, za schet kotorykh dolzhno proizvodit'sya vyzskanie nalogov i (ili) sborov [Criminal liability for concealment of funds at the expense of which taxes and (or) fees should be collected]. *Zakonnost'*. 4. pp. 50–52.
31. Cherneeva, A.M. (2007) *Ugolovno-pravovaya i kriminologicheskaya kharakteristika nalogovykh prestupleniy (po materialam Respubliki Tatarstan)* [Criminal-legal and criminological characteristics of tax crimes (based on the materials of the Republic of Tatarstan)]. Abstract of Law Cand. Diss. Kazan.
32. Yani, P.S. (2020) Ugolovnaya otvetstvennost' za sokrytie imushchestva s tsel'yu ukloneniya ot vyzskaniya nadoimki [Criminal liability for concealment of property in order to evade collection of arrears]. *Zakonnost'*. 3. pp. 45–50.
33. Ozhegov, S.I. (1986) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkiy yazyk.
34. Iskaliev, R.M. (2014) *Ugolovnaya otvetstvennost' za sokrytie denezhnykh sredstv i imushchestva, za schet kotorykh dolzhno proizvodit'sya vyzskanie nalogov i sborov* [Criminal liability for concealment of funds and property, at the expense of which the collection of taxes and fees should be carried out]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
35. Kucherov, I.I. & Soloviev, I.N. (2004) *Ugolovnaya otvetstvennost' za nalogovye prestupleniya* [Criminal liability for tax crimes]. Moscow: Tsentr YurInfoR.
36. Ruchkina, G.F., Ruchkin, O.Yu. & Truntsevskiy, Yu.V. (2007) Nekotorye voprosy kvalifikatsii "novykh" nalogovykh prestupleniy [Some questions of qualification of "new" tax crimes]. *Nalogi*. 1. pp. 9–11.
37. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2005) *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF* [Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation]. 5.
38. Nechaev, A.D. (2018) Sokrytie imushchestva, za schet kotorogo dolzhno byt' proizvedeno vyzskanie nadoimki (st. 199.2 UK RF): predlozheniya o sovershenstvovanii sudebnoy praktiki po delam o nalogovykh prestupleniyakh [Concealment of property, used for collection of arrears (Article 199.2 of the Criminal Code of the Russian Federation): proposals for improving judicial practice in cases of tax crimes]. *Zakon*. 7. pp. 160–168.
39. Monakhova, L.V. (2018) Postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda RF kak istochniki ugolovnogo prava [Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation as sources of criminal law]. *Mariyskiy yuridicheskiy vestnik – Mary Law Vestnik*. 2. pp. 39–42.
40. Obrazhiev, K.V. (2008) Postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda RF kak formal'nye (yuridicheskie) istochniki rossiyskogo ugolovnogo prava [Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation as formal (legal) sources of Russian criminal law]. *Ugolovnoe pravo*. 4. pp. 40–44.

Received: 24 May 2021.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.985.32

DOI: 10.17223/23088451/17/5

А.Т. Анешева, Л.Ю. Аксенова

ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЕ: СУЩНОСТЬ И ЗАДАЧИ

Исследуются проблемы производства освидетельствования в правоприменительной деятельности. На основе анализа законодательства, практики расследования уголовных дел, а также специальной литературы уточнена сущность данного следственного действия и сформулирован перечень задач, решение которых возможно посредством его проведения как в стадии возбуждения уголовного дела, так и в стадии предварительного расследования. Понимание сущности освидетельствования и решаемых с его помощью задач позволяет сформулировать тактико-криминалистические рекомендации, обеспечивающие результативность его использования в процессе расследования.

Ключевые слова: *освидетельствование, следственное действие, сущность, задачи*

Освидетельствование, предусмотренное ст. 179 УПК РФ, как инструмент собирания доказательств, несмотря на длительную историю своего существования в практике расследования преступлений мало востребован в правоприменительной деятельности. Различные аспекты его производства освещены в специальной литературе [1. С. 17; 2. С. 26; 3. С. 10; 4. С. 25; 5. С. 78]. В целях исследования вопросов использования освидетельствования как при проверке сообщения о преступлении, так и в ходе досудебного производства, проведено анкетирование сотрудников органов предварительного расследования. Данная категория респондентов в качестве причин отсутствия интереса к освидетельствованию называет следующие: отсутствие знаний тактики производства освидетельствования – 40% и отсутствие правоприменительной практики проведения освидетельствования в подразделениях ОВД. В связи с этим опасаются того, что доказательство будет признано недопустимым в случае его проведения 60% опрошенных.

В качестве альтернативных вариантов получения информации об особых приметах, следах преступления, телесных повреждениях, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, поименованных в качестве целей освидетельствования в ст. 179 УПК РФ, опрошенные должностные лица для названных целей отдают предпочтение судебно-медицинской экспертизе в 68% случаев, медицинскому освидетельствованию на состояние опьянения – в 28%, личный обыск – в 4% случаев.

Очевидно, что для расширения практики применения освидетельствования в деятельности органов предварительного расследования в качестве средства собирания доказательств о признаках внешности и состоянии участников уголовного судопроизводства и в стадии возбуждения уголовного дела, и в ходе предварительного расследования существует потребность в систематизации тактико-криминалистических рекомендаций с учетом изменений уголовно-процессуального закона.

Необходимо отметить многообразие существующих подходов к определению освидетельствования в специ-

альной литературе [6. С. 213; 7. С. 6]. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в доктрине сложилось относительное единство мнений в формулировании понятия освидетельствования. В качестве примера, в силу ограниченности объема работы, приведем авторскую позицию Т.Ю. Вилковой, С.Б. Россинского, которые считают, что это следственное либо судебное действие, заключающееся в наружном осмотре следователем или судом (врачом или иным специалистом по поручению следователя или суда) тела человека в целях установления на нем особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения и иных свойств и признаков, позволяющих судить о связи этого человека с уголовным делом, если для этого не требуется производство судебной экспертизы [4. С. 22–26].

Освидетельствование – необходимый инструмент собирания доказательственной информации, поскольку обеспечивает реализацию специфических, присущих только этому следственному действию задач.

Так, А.Г. Потапова в качестве основных задач освидетельствования называет: поиск на теле освидетельствуемого лица особых примет, следов преступления, телесных повреждений; определение (поиск) иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела, и получение сведений, позволяющих проверить достоверность показаний свидетеля. В качестве факультативных задач освидетельствования автор называет поиск на одежде освидетельствуемого следов преступления, поиск на одежде освидетельствуемого иных признаков, имеющих значение для уголовного дела [7. С. 12].

О.А. Соколова особо выделяет цель проведения освидетельствования – для оценки достоверности показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, а также свидетеля [5. С. 75–84].

Вышеназванные авторы, исследуя сущность освидетельствования, подходят к решению проблемы через определение его цели и задач, при этом фактически понимая направленность, конечную цель следственного действия. Для внесения ясности в данный аспект исследуемой темы, позволим себе обратиться к норма-

тивному толкованию, предложенному С.И. Ожеговым. Согласно последнему, цель – то, к чему стремятся, что надо осуществить [8. С. 713], а задача – то, что требует разрешения [8. С. 165]. Таким образом, опираясь на лексическое понимание категории «цели» и «задачи», полагаем их тождество и дальнейшее использование в контексте направленности, конечной цели освидетельствования.

Сущность освидетельствования, по мнению С.Б. Росинского, состоит в том, что субъект процессуального познания с помощью зрения или других органов чувств, задействованных в механизмах невербального познания, убеждается в существовании на теле человека каких-либо внешних признаков и иных материальных объектов, имеющих значение для уголовного дела [2. С. 26–29]. Данная позиция представляется универсальной и наиболее полно раскрывающей сущность данного следственного действия через определение целей.

Федеральный закон от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» одновременно с изменением полномочий прокурора в сторону расширения надзорных функций за законностью деятельности органов предварительного расследования увеличил перечень средств проверки сообщений о преступлении, регламентировав в их числе освидетельствование. Безусловно, подобный подход законодателя способствует оптимизации деятельности правоохранительных органов по обнаружению, изъятию и фиксации значимых обстоятельств в стадии возбуждения уголовного дела, обеспечивая тем самым сохранность доказательственной информации. Поэтому положения тактики освидетельствования нуждаются в приведении в соответствие с процессуальным порядком его производства при проверке сообщения о преступлении.

Значима позиция В.В. Николюка и В.А. Антонова, которые считают, что в связи с происходящими изменениями в УПК РФ, затрагивающими правила производства следственных действий, от специалистов, занимающихся проблемами криминалистической тактики, надлежит ожидать разработки соответствующих рекомендаций, которые бы сопровождали применение процессуальных новелл [9. С. 19–24]. Научно обоснованные тактико-криминалистические рекомендации требуют определения перечня задач, решение которых возможно посредством процессуальной нормы в действительных условиях.

В части 1 ст. 179 УПК РФ законодателем указано, что освидетельствование проводится для обнаружения на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела, если для этого не требуется производство судебной экспертизы. Названное следственное действие может быть произведено в отношении подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, а также свидетеля с его согласия, за исключением случаев, когда необходима оценка достоверности его показаний. Очевидно, что столь широкие возможности следственного действия делают освидетельствование универсальным инструментом следователя в процессе сбора

доказательственной информации как при проведении проверки сообщения о преступлении, так и в ходе расследования.

Так, незамедлительное обнаружение и фиксация ссадин, кровоподтеков, ушибов мягких тканей, поверхностных ран и других повреждений, способных к быстрому исчезновению, на теле как пострадавшего, так и задержанного возможны посредством производства освидетельствования в стадии возбуждения уголовного дела. Полученные результаты, несмотря на их самостоятельную доказательственную значимость, могут быть использованы при назначении и производстве судебно-медицинской экспертизы для определения степени тяжести вреда здоровью, обеспечивая тем самым выполнение требований ст. 73 УПК РФ.

При проведении освидетельствования для обнаружения на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений целесообразно приглашать в качестве специалиста врача, который поможет в их фиксации и описании.

В этой связи объективным представляется видение Ю.Д. Лившицем и А.В. Кудрявцевой роли специалиста. Последние указывают, что при решении задач рассматриваемого следственного действия специалист обнаруживает следы преступления и особые приметы; фиксирует эти следы для приобщения к материалам дела (фотографирует, зарисовывает, фиксирует на видеопленку); помогает следователю в описании особых примет и телесных повреждений в протоколе; изымает и упаковывает обнаруженные следы и другие объекты; отбирает образцы для сравнительного исследования и иные объекты биологического происхождения; определяет способ нанесения телесных повреждений и их последовательность; выделяет следы, имеющие отношение к расследуемому событию; проводит предварительное исследование объектов; оказывает помощь в выдвижении версий [10. С. 84].

Прав, на наш взгляд, Л.В. Виницкий, полагающий, что кроме врача в освидетельствовании может участвовать и другой специалист-криминалист, указывая, что «в зависимости от вида экспертизы, которую планируется провести, в случае обнаружения на теле или одежде следов целесообразно пригласить для участия в освидетельствовании и иных специалистов» [11. С. 29].

На основе анализа законодательства, специальной литературы и правоприменительной практики, считаем возможным уточнить перечень следов, которые возможно обнаружить, зафиксировать и изъять в ходе освидетельствования, проводимого для обнаружения на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, а именно: находящиеся на теле человека (кровь, сперма, слюна, волосы и т.д.), результаты воздействия высоких и низких температур (переохлаждение, нагревание, повреждения огнем и т.д.), особые приметы (тату, шрамы, рубцы и т.д.).

Проведение освидетельствования для выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела, если для этого не требуется производство судебной экспертизы, явля-

ется наиболее спорной задачей рассматриваемого следственного действия.

Относительно этого положения, позволим себе вновь согласиться с С.Б. Россинским, который считает, что являясь невербальным механизмом уголовно-процессуального познания, основанным на наглядно-образном восприятии следователем (дознавателем) фрагментов объективной реальности, освидетельствование в контексте уголовно-процессуального регулирования действительно не предполагает проведения медицинских или иных исследований, т.е. не позволяет точно диагностировать состояние опьянения. Вместе с тем в ходе его осуществления вполне могут быть выявлены отдельные признаки опьянения, подлежащие зрительному или какому-либо иному невербальному способу восприятия [2. С. 26–29].

Представляет интерес мнение А.Д. Потаповой, полагающей, что те признаки (или критерии), которые возможно установить на органолептическом уровне (запах алкоголя изо рта, неустойчивость позы, нарушение речи, выраженное дрожание пальцев рук, резкое изменение окраски кожных покровов лица, поведение, не соответствующее обстановке, наличие алкоголя в выдыхаемом воздухе, определяемое техническими средствами индикации), являются лишь основанием для направления лица на судебно-медицинскую экспертизу, но недостаточны для констатации состояния опьянения освидетельствуемого лица [7. С. 15].

Проведем некоторую аналогию деятельности правоохранительных органов по производству освидетельствования в рамках уголовно-процессуальной регламентации и осуществляемым сотрудниками подразделений государственной инспекции безопасности дорожного движения визуальным распознаванием признаков нахождения в состоянии алкогольного опьянения. Согласно п. 3 Правил освидетельствования лица, которое управляет транспортным средством, на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления указанного лица на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, медицинского освидетельствования этого лица на состояние опьянения и оформления его результатов и правил определения наличия наркотических средств или психотропных веществ в организме человека при проведении медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством, достаточными основаниями полагать, что водитель транспортного средства находится в состоянии опьянения, являются наличие одного или нескольких следующих признаков: запах алкоголя изо рта; неустойчивость позы; нарушение речи; резкое изменение окраски кожных покровов лица; поведение, не соответствующее обстановке.

Таким образом, очевидным представляется то, что при проведении освидетельствования возможно, в отсутствие медицинской квалификации, выявить определенные внешние признаки, свидетельствующие о нахождении лица в состоянии опьянения, и направить его в последующем на медицинское освидетельствование или судебную экспертизу.

Некоторые авторы предлагают в качестве задачи проведения освидетельствования, закрепленной формулировкой «иные свойства и признаки, имеющие значение для уголовного дела», рассматривать и возможность выявления признаков психического расстройства и иных аномальных состояний человека.

Так, М.Г. Гогнадзе отмечает, что на стадии возбуждения уголовного дела следователь должен оптимизировать свои действия для производства освидетельствования лица, совершившего насильственное преступление, возможно в состоянии кратковременного психического расстройства, с целью выявления и фиксации признаков [12. С. 407–416]. Возникает потребность в уяснении понимания категории «признаки психического расстройства».

В части 1 ст. 22 УК РФ законодатель называет психическое расстройство как силу, не позволяющую в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими.

Ряд нормативных актов содержит указание на формулировку «признаки выраженного психического расстройства». Так в п. 26 Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан, утвержденному приказом МВД России от 30 апреля 2012 г. № 389, среди прочих обязанностей оперативного дежурного содержится предписание о том, что после задержания лиц, предпринявших попытку самоубийства либо имеющих признаки выраженного психического расстройства и создающих своими действиями непосредственную опасность для себя и окружающих, вызвать врача-психиатра или иных специалистов и медицинский персонал, участвующих в оказании психиатрической помощи, и по заключению медицинского работника передать таких лиц в лечебное учреждение либо по месту жительства. Аналогичными должны быть действия сотрудника полиции согласно п. 11 ст. 14 Федерального закона от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции».

В пункте 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» к обстоятельствам, вызывающим сомнение во вменяемости и способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве, могут относиться: наличие данных о том, что лицу в прошлом оказывалась психиатрическая помощь (у него диагностировалось врачами психическое расстройство, ему оказывалась амбулаторная психиатрическая помощь, он помещался в психиатрический стационар, признавался невменяемым по другому уголовному делу, негодным к военной службе по состоянию психического здоровья и т.п.), о нахождении его на обучении в учреждении для лиц с задержкой или отставанием в психическом развитии, о получении им в прошлом черепно-мозговых травм, а также странности в поступках и высказываниях лица, свидетельствующие о возможном наличии психического расстройства, его собственные высказывания об ис-

пытываемых им болезненных (психопатологических) переживаниях и др.

Согласно ч. 1 ст. 10 Закона РФ от 02.07.1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» диагноз психического расстройства ставится в соответствии с общепризнанными международными стандартами и не может основываться только на несогласии гражданина с принятыми в обществе моральными, культурными, политическими или религиозными ценностями либо на иных причинах, непосредственно не связанных с состоянием его психического здоровья.

Международная классификация болезней 10-го пересмотра (МКБ-10) в главе V (F) «Психические и поведенческие расстройства» использует термин «психическое расстройство». То есть психические расстройства – это собирательный термин, объединяющий признаки различных психических заболеваний. В науке существует предложение дефиниции психического расстройства – патологические нарушения деятельности различных систем органов организма человека, с преимущественным нарушением функций головного мозга, выражающееся в расстройстве психических функций (восприятие, память, мышление, речь), сопровождающихся нарушениями критики и адаптации к условиям окружающей среды, которые представляют опасность как для человека, имеющего

такие патологические нарушения психики и для общества [13. С. 35–38; 14. С. 49–53].

Таким образом, на основе анализа нормативных актов и научных источников полагаем, что освидетельствование может быть проведено в том числе и для выявления признаков психического расстройства, к которым можно отнести воспринимаемые органами зрения и слуха аномальные состояния человека при наличии видимых в расстройстве психических функций (восприятие, память, мышление, речь), сопровождающихся нарушениями критики и адаптации к условиям окружающей среды, не основанные только на несогласии гражданина с принятыми в обществе моральными, культурными, политическими или религиозными ценностями либо на иных причинах, непосредственно не связанных с состоянием его психического здоровья и представляющие опасность как для самого человека, имеющего такие патологические нарушения психики, так и для окружающих.

Исследование сущности освидетельствования, формулирование задач, решение которых возможно посредством данного следственного действия, позволяют уточнить существующие тактико-криминалистические рекомендации в соответствии с изменениями уголовно-процессуального законодательства, тем самым обеспечив возможность его более широкого использования в процессе доказывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белкин А.Р. Осмотр и освидетельствование как следственные действия: проблемы законодательной регламентации // Уголовное судопроизводство. 2015. № 2. С. 15–22.
2. Россинский С.Б. Освидетельствование как невербальное следственное действие // Российская юстиция. 2014. № 12. С. 26–29.
3. Макарыш А.А., Ялышев С.А. Проблемы производства освидетельствования при расследовании преступлений // Российский следователь. 2013. № 3. С. 6–10.
4. Вилкова Т.Ю., Россинский С.Б. Реализация права на уважение чести и достоинства личности при производстве освидетельствования в судебном следствии // Российский судья. 2015. № 3. С. 22–26.
5. Соколова О.А. Использование диагностической информации при освидетельствовании и предъявлении для опознания живых людей и трупов // Lex russica. 2015. № 5. С. 75–84.
6. Симак А.И. Производство освидетельствования в суде // Общество и право. 2009. № 2 (24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proizvodstvo-osvidetelstvovaniya-v-sude/viewer> (дата обращения: 16.05.2021).
7. Потапова А.Г. Освидетельствование в уголовном судопроизводстве России: процессуальный аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. 247 с.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. М., 1989. 750 с.
9. Николюк В.В., Антонов В.А. Проблемы взаимосвязи уголовного процесса и криминалистики в условиях действия УПК РФ (2002–2016 гг.) // Российский следователь. 2016. № 17. С. 19–24.
10. Лившиц Ю.Д., Кудрявцева А.В. Использование специальных познаний в уголовном процессе. Челябинск, 1999. 99 с.
11. Виницкий Л.В. Освидетельствование на предварительном следствии. Смоленск, 1997. 76 с.
12. Гонгадзе М.Г. Следственное освидетельствование для проверки версии о совершении лицом преступления в состоянии кратковременного психического расстройства // Вестник Воронежского государственного университета. 2011. № 2. С. 407–416.
13. Силкин М.М. Понятийный аппарат законодательства о психиатрической помощи (на примере дефиниции «Психическое расстройство») // Медицинское право. 2015. № 6. С. 35–38.
14. Шишков С.Н., Полубинская С.В. Специальная юридическая терминология в УК РФ: трудности и проблемы // Судья. 2017. № 8. С. 49–53.

Статья принята к публикации 24.05.2021.

Examination: Essence and Objectives

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 17, pp. 25–29. DOI: 10.17223/23088451/17/5

Amina T. Anesheva, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Omsk, Russian Federation). E-mail: b.ami08@mail.ru
Leila Yu. Aksenova, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Omsk, Russian Federation). E-mail: aksenova.leila@mail.ru

Keywords: examination, investigative action, essence, objectives

Examination is part of the investigative actions, permissible in urgent cases before a decision to initiate a criminal case, which makes this means of obtaining evidentiary information exclusive. Law enforcement practice experiences significant difficulties in applying examination both in checking a crime report and in the preliminary investigation. To solve this situation, the authors investigated the problem of conducting an examination in law enforcement practice. The analysis of special literature and current legislation allowed clarifying the essence of this investigative action and enunciating a list of tasks which can be solved through examination both at the stage of initiating a criminal case and at the stage of preliminary investigation.

References

1. Belkin, A.R. (2015) Examination and certification as investigatory actions: problems of legislative regulation. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo – Criminal Judicial Proceeding*. 2. pp. 15–22. (In Russian).
2. Rossinskiy, S.B. (2014) Examination as non-verbal investigative action. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 12. pp. 26–29. . (In Russian).
3. Makarin, A.A. & Yalyshev, S.A. (2013) Problemy proizvodstva osvidetel'stvovaniya pri rassledovanii prestupleniy [Problems of the examination in crime investigation]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 3. pp. 6–10
4. Vilkova, T.Yu. & Rossinskiy, S.B. (2015) Realizatsiya prava na uvazhenie chesti i dostoinstva lichnosti pri proizvodstve osvidetel'stvovaniya v sudebnom sledstvii [Realization of the right to respect for the honor and dignity of the individual during the examination in the judicial investigation]. *Rossiyskiy sud'ya – Russian Judge*. 3. pp. 22–26.
5. Sokolova, O.A. (2015) Ispol'zovanie diagnosticheskoy informatsii pri osvidetel'stvovanii i pred'yavlenii dlya opoznaniya zhivyykh lyudey i trupov [The use of diagnostic information in the examination and presentation for the identification of living people and corpses]. *Lex Russica*. 5. pp. 75–84.
6. Simak, A.I. (2009) Production of examination in court. *Obshchestvo i pravo – Society and Law*. 2(24). pp. 12–14. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/proizvodstvo-osvidetelstvovaniya-v-sude/viewer> (Accessed: 16th May 2021).
7. Potapova, A.G. (2007) *Osvidetel'stvovanie v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii: protsessual'nyy aspekt* [Examination in the Russia criminal proceedings: a procedural aspect]. Law Cand. Diss. Chelyabinsk.
8. Ozhegov, S.I. (1989) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. 20th ed. Moscow: USSR Academy of Sciences.
9. Nikolyuk, V.V. & Antonov, V.A. (2016) Problems of interrelations of the criminal proceedings and criminalistics under the conditions of validity of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (2002–2016). *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 17. pp. 19–24. (In Russian).
10. Livshits, Yu.D. & Kudryavtseva, A.V. (1999) *Ispol'zovanie spetsial'nykh poznanii v ugolovnom protsesse* [The use of special knowledge in criminal proceedings]. Chelyabinsk: NTTs-NIOGR.
11. Vinitskiy, L.V. (1997) *Osvidetel'stvovanie na predvaritel'nom sledstvii* [Examination at the preliminary investigation]. Smolensk: Smolensk University for the Humanities.
12. Gongadze, M.G. (2011) Sledstvennoe osvidetel'stvovanie dlya proverki versii o sovershenii litsom prestupleniya v sostoyanii kratkovremennogo psikhicheskogo rasstroystva [Investigative examination to verify the version of a crime committed by a person in a state of short-term mental disorder]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta – Proceedings of Voronezh State University*. 2. pp. 407–416.
13. Silkin, M.M. (2015) Conceptual framework of the psychiatric care legislation (a case study of “mental unsoundness” definition). *Meditsinskoe pravo*. 6. pp. 35–38. (In Russian).
14. Shishkov, S.N. & Polubinskaya, S.V. (2017) Spetsial'naya yuridicheskaya terminologiya v UK RF: trudnosti i problemy [Special legal terminology in the Criminal Code of the Russian Federation: difficulties and problems]. *Sud'ya*. 8. pp. 49–53.

Received: 24 May 2021.

Н.Б. Гулиева, Р.Г. Драпезо

ЗАВУАЛИРОВАННЫЙ СПОСОБ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СВЕДЕНИЙ КЛЕВЕТНИЧЕСКОГО И ОСКОРБИТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА: ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ

Исследуются проблемные вопросы квалификации завуалированного способа распространения сведений клеветнического и оскорбительного характера, обусловленные сложностями процессуального доказывания. Сделан вывод о необходимости разработки соответствующих форм оперативно-розыскного реагирования применительно к случаям завуалированного совершения преступлений исследуемой категории посредством информационно-телекоммуникационных сетей.

Ключевые слова: клевета, оскорбление, завуалированный способ, darknet

В настоящее время высокую распространенность приобретают случаи совершения преступления посредством применения электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет. Преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, деяния террористической и экстремисткой направленности, преступления в сфере незаконного оборота порнографических материалов и ряд других все чаще совершаются с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – сети Интернет). Этим обусловлено введение законодателем квалифицирующего признака, указывающего на применение такого способа совершения преступления. Примером тому служат деяния, уголовная ответственность за которые предусмотрена ст. 110.1, 110.2, 205.2, 228.1, 242 УК РФ и другими статьями.

Распространение дискредитирующей информации в социальных сетях, СМИ набирает обороты. В свете современных цифровых и технологических возможностей подобные действия вполне доступны, в том числе, для обычных граждан – непрофессиональных пользователей электронных и информационно-телекоммуникационных сетей. К сожалению, деяния, дискредитирующие честь, достоинство, репутацию человека, характеризуются повышенной степенью латентности (табл. 1), что в большей мере обусловлено неприменением уголовно-правовых способов защиты нарушенного права. Из табл. 1 видно, что тенденция динамики рассмотренных уголовных дел по распространению сведений клеветнического и оскорбительного характера по Российской Федерации полностью коррелирует с динамикой по Кемеровской области.

Таблица 1

Количество рассмотренных судами общей юрисдикции по первой инстанции дел, связанных с размещением контента клеветнического содержания в сети Интернет за период с 2015 по 2019 г. [1]

Страна/регион	Распределение по годам				
	2015	2016	2017	2018	2019
Российская Федерация	106	76	91	71	34
Кемеровская область	6	4	5	4	1

К 2019 г. отмечается падение в 3–4 раза по сравнению с 2015 г. рассмотренных уголовных дел по изучаемой категории преступлений.

Полагаем, что пассивное с юридической точки зрения поведение правообладателя послужило причиной декриминализации оскорбления. Однако основания декриминализации преступления не могут быть обусловлены его латентностью, а должны зависеть от степени общественной опасности деяния и возможности его предупреждения иными правовыми способами воздействия на нарушителя. К сожалению, неприменение уголовно-правовых способов защиты нарушенных прав вызвано, в том числе, и сложностями процессуального характера. Уголовно-правовая защита чести, достоинства и репутации граждан осуществляется в порядке производства по делам частного обвинения. В таком производстве потерпевший является частным обвинителем, что обязывает его самого осуществлять процессуальное доказывание. Законодательная конструкция деяний, посягающих на нематериальные блага, в частности отсутствие последствий, порождает сложности в доказывании причинения нематериального вреда. Для квалификации преступления с формальным составом последствия не имеют уголовно-правового значения, однако сам факт вменения в вину содеянного требует представления соответствующих процессуальных доказательств, уличающих виновного в дискредитации чести, достоинства и репутации человека.

Еще больше сложностей в процессуальном доказывании возникают в случаях распространения клеветнических или оскорбительных сведений в сети Интернет. Опасность информационно-телекоммуникационных технологий, включая сеть «Интернет», с наших позиций, состоит как минимум в следующем: 1) произведенный «сброс» информации получает доступ из любой точки планеты; 2) «сброс» информации может носить обезличенный характер; 3) клеветнические или оскорбительные сведения, размещенные в сети Интернет даже если имеют авторство, то, как правило, носят завуалированный характер. Обычному гражданину, не имеющему специальных познаний, сложно справиться с современными информационно-телекоммуникационными технологиями и, как следствие, доказать факт распространения дискредитирующих его сведений. Данное обстоятельство обусловлено существованием ограниченных в доступе контентов или применением таких способов распростра-

нения информации, которые затрудняют или делают невозможным установить личность распространителя, место отправной точки информации. Данные утверждения мы встречаем в немногочисленной литературе [2–5], где авторы говорят о высокой латентности распространения клеветы посредством сети Интернет, а также, ссылаясь на немногочисленную российскую судебную практику, о невозможности доказать причинно-следственную связь в цепи «размещение контента – авторство контента».

О.И. Максименко [3. С. 50] справедливо отмечает, что завуалированность подразумевает как минимум две технологии: 1) обеспечение в сети «Интернет» анонимизации субъекта преступления; 2) использование полисимвольных технологий с полной или частичной креолизацией текста. Первая технология обеспечивает

ся ресурсами «темного сектора» сети Интернет или darknet. В сети darknet существует множество onion-ресурсов, в том числе и с анонимным (за определенное вознаграждение) распространением сведений оскорбительного или клеветнического характера как на самих onion-ресурсах сети darknet, так и с размещением контента в публичной сети Интернет (publicnet) [4. С. 62; 6. С. 35; 7. Р. 415; 8. С. 7].

Проведенный нами анализ сети Интернет выявил множество способов размещения контента, содержащего клевету или сведения оскорбительного характера (рис. 1). Как видно, обнаруженные способы носят завуалированный характер. Классифицировать завуалированность размещения информации в сети Интернет, в соответствии с рис. 1, возможно как по способу, так и источнику размещения контента.

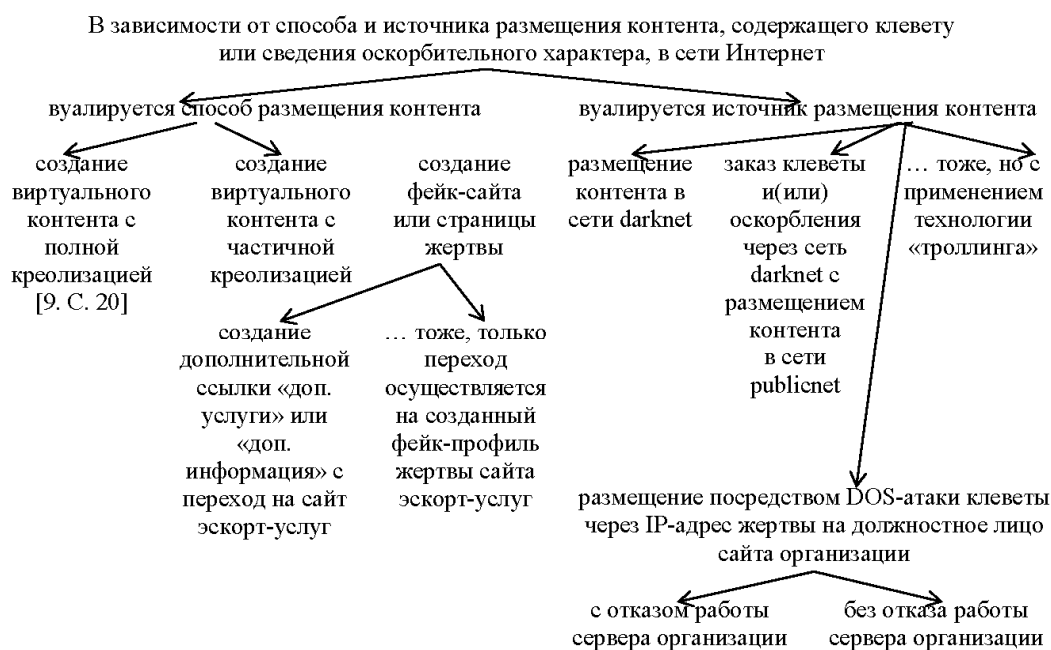

Рис. 1. Классификация распространения клеветы в зависимости от способа и источника размещения контента, содержащего клевету или сведения оскорбительного характера, в сети Интернет

Завуалированность также может проявляться в размещении конкретной информации в параллели с дискредитирующими высказываниями или изображениями внешне никому адресованных или адресованных вымышленным лицам, например книжным персонажам. В качестве примера можно привести следующий случай распространения информации в завуалированной форме. В электронном журнале была опубликована статья о плачевном состоянии дорог в городе «А» в связи с деятельностью главы города. Контент при этом был организован журналистом с использованием полисимвольных технологий с полной креолизацией текста.

Другими словами, между вербальными (текстовыми) и иконическими (символьными) компонентами контента присутствовала смысловая связь, предполагающая, что вербальный текст в существенной степени зависит от анимационного ряда (например, баннерная реклама в сети Интернет). При этом сама анимация (сменяющиеся символы, изображения и т.п.) и изобра-

жение выступают в качестве обязательного элемента контента [9. С. 20].

Виртуальный текст содержал элементы словесного описания проблемы, другой виртуальный элемент – всплывающие баннеры, изготовленные с применением средств gif-анимации. При этом баннеры содержали высказывания из русской классической литературы, например «в России две беды: дураки и дороги...». Глава города «А», усмотрев в этом скрытое (завуалированное) оскорбление, обратился с заявлением в правоохранительные органы. Проведенная по делу судебно-лингвистическая экспертиза установила связь между содержимым контента и всплывающими баннерами, содержащими выражения из русской классической литературы. В частности, эксперт констатировал связь между вербальными и иконическими компонентами контента, т.е. семантическое единство лингвистического ряда: «текст контента – всплывающий баннер».

Возможно, состояние дорог в городе действительно плачевное, поэтому говорить об уголовном преследовании за распространение сведений клеветнического характера в приведенном примере нельзя. Не усматриваются и признаки состава оскорбления представителя власти, ибо нет той неприличной формы выражения оскорбительных фраз, что необходимо установить для вменения в вину данного состава преступления. Поэтому в описанной ситуации можно прибегнуть к гражданско-правовым способам защиты нарушенного права. Однако приведенный пример демонстрирует возможность совершения преступлений в завуалированной форме, если бы информация содержала нецензурную лексику.

Сложной в доказывании завуалированного способа совершения преступления представляется проблема констатации связи между распространенными сведениями и личностью правообладателя (потерпевшего). Особенность скрытого распространения сведений заключается в том, что внешне наблюдается лишь параллельное размещение информации, поэтому какой-либо связи между их содержанием и человеком, в адрес которого такие сведения направлены, не прослеживается. Учитывая, что информация может распространяться с разных контентов (интернет-источников), то установить связь между ними при анонимности распространителя практически невозможно.

К сожалению, такие случаи приобретают все большую распространенность, что обусловлено, в том числе, и злоупотреблением недобросовестными пользователями Сети своим правом. «Злоупотребление правом может оказаться при определенных обстоятельствах опаснее правонарушения, подобно тому, как завуалированную клевету труднее доказывать в сравнении с клеветой открытой и незавуалированной. И данное обстоятельство является одной из причин наличия разночтений в юридической квалификации» [10. С. 89].

Очевидно, что в целях обеспечения правильной квалификации необходимо назначение и проведение соответствующих лингвистических исследований с грамотной формулировкой вопросов. Учитывая, что информация преимущественно распространяется лицами, являющимися профессиональными пользователями компьютерной сети, доступ к контентам для рядовых пользователей может быть затруднителен, что препятствует формированию доказательственной базы по делу. С такими сложностями преимущественно

сталкиваются обычные граждане, выступающие, как ранее нами было отмечено, в производстве по указанной категории дел частными обвинителями. По делам публичного обвинения, возбуждаемых в случаях распространения сведений в отношении обладателей особо статуса (представитель власти, военнослужащий, судья и т.д.), такие функции возложены на государственного обвинителя, что упрощает положение потерпевшего в виду того, что доказательственная база формируется государственными органами, профессионально осуществляющими функции уголовного преследования. Однако даже при таких обстоятельствах проблемы технологического характера, завуалированность контента препятствуют в выявлении виновных лиц.

Таким образом, распространение уничижительных или клеветнических сведений посредством информационно-телекоммуникационных технологий, включая сеть Интернет, в завуалированной форме отличается сложностями процессуального доказывания в совершении преступления. Наличие процессуальных препятствий не уменьшает общественной опасности таких деяний, что требует разработки и последующего применения соответствующих форм процессуального и оперативно-розыскного реагирования. К сожалению, в настоящее время возможность привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений, причиняющих вред нематериальным благам, в большей мере зависят от процессуальных вопросов. Игнорирование случаев распространения уничижительных и клеветнических сведений в завуалированной форме приводит к их распространенности и безнаказанности виновных. Поэтому своевременная реакция государства в целях предупреждения подобного рода поступков крайне важна.

В этой связи нами разработаны некоторые оперативно-розыскные приемы обнаружения и фиксации следов распространения клеветнических и оскорбительных сведений в завуалированной форме в сети Интернет. Такие приемы могут содействовать формированию доказательственной базы по делу. Нами показано, что в зависимости от способа и источника размещения контента в сети Интернет, формируется специфическая следовая картина (табл. 2). В табл. 2 мы сопоставили механизм образования следовой картины и возможные приемы обнаружения и фиксации следов. В табл. 3 представлены оперативно-розыскные приемы борьбы с распространением сведений клеветнического и оскорбительного характера в сети Интернет.

Таблица 2

Механизм образования и характеристика некоторых цифровых следов в зависимости от способа и источника размещения контента, содержащего клевету или сведения оскорбительного характера, в сети Интернет

Способ и источник размещения контента	Характер следовой картины	Возможные приемы обнаружения и фиксации следов
Создание виртуального контента с полной или частичной креолизацией	Файлы, цифровые следы, остающиеся в результате применения программных технологий креолизации и т.п.	«Уборка мусора» (осмотр мусорных корзин на наличие распечаток деловой переписки и т.п., в том числе и в электронной форме); осмотр cookie; скриншот монитора цифрового устройства и др.
Создание фейк-сайта или страницы жертвы	Файлы, цифровые следы; IP-адрес и MAC-адрес цифрового устройства	Скриншот монитора цифрового устройства; осмотр cookie, буфера обмена и кэш-памяти; фиксация метаданных и EXIF-тегов (дистанционно и (или) локально); признаки администрирования сайта

Способ и источник размещения контента	Характер следовой картины	Возможные приемы обнаружения и фиксации следов
Размещение контента в сети darknet	Фото, видеофайлы	Скриншот монитора цифрового устройства; фиксация метаданных и EXIF-тегов (дистанционно и (или) локально); просмотр cookie, буфера обмена и кэш-памяти (локально)
Заказ клеветы и (или) оскорбления через сеть darknet с размещением контента в сети publicnet	Контенты, содержащие сведения дискредитирующего характера	Скриншот монитора цифрового устройства; фиксация метаданных и EXIF-тегов (дистанционно и (или) локально); методы «компьютерной разведки (например, «контролируемый» фишинг* со стороны оперативных служб)»
Размещение посредством DOS-атаки, дискредитирующих сведений	Следы присутствия ботнетов; IP-адрес и MAC-адрес цифрового устройства, посредством которого осуществляется DOS-атака	Скриншот монитора цифрового устройства; фиксация (посредством скриншотов) IP и тас-адреса; методы «компьютерной разведки (например, «контролируемый» фишинг со стороны оперативных служб [11. С. 81]; методы компрометации

* Вид мошенничества с использованием компьютерной информации в целях несанкционированного получения доступа к конфиденциальным сведениям пользователя (например, паролям от личного кабинета онлайн-банка).

Таблица 3

Сравнение возможных оперативно-розыскных приемов по делам о клевете и оскорблении специальных субъектов

Оперативно-розыскной прием	Характеристика приемов	Особенность применения приемов
Компрометация	Доведение до лица (например, лица оперативной разработки либо неопределенного круга лиц) сведений об известной оперативным службам информации (разной степени достоверности) о приготовлении к преступлению [12. С. 164]	Компрометация конкретного или предполагаемого оперативными подразделениями места или сектора в сети Интернет. Это дает возможность последним предвидеть действия предполагаемых лиц, пресечь их деятельность на стадии зарождения преступного замысла
ОРМ «Получение компьютерной информации»	Многоходовая операция, предпринимаемая оперативными службами для оперативного внедрения в сеть darknet при наличии разработанной легенды внедрения	Разработка легенды, оперативной комбинации; в некоторых ситуациях – создание «сайтов-прикрытия». Так, в уголовном деле (№ дела в суде 1-96/2015 [1]) оперативные службы посредством ОРМ «Получение компьютерной информации» смогли установить связь пользователя с контентом, где последний размещал дискредитирующие сведения (в одной из социальных сетей)

Примечание. ОРМ – оперативно-розыскное мероприятие.

Таким образом, распространение сведений клеветнического и оскорбительного характера, совершаемое в условиях анонимности через сеть Интернет, могут по-лучить дальнейшее уголовно-процессуальное развитие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный интернет-портал «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 29.10.2020).
2. Королева М.М. Клевета и оскорбление в сети Интернет // Законность. 2010. № 7. С. 50–53.
3. Максименко О.И. Семиотические особенности медиатекста Интернета // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: теория языка, семиотика, семантика. 2011. № 1. С. 50–58.
4. Соловьев В.С. Преступность в социальных сетях Интернета (криминологическое исследование по материалам судебной практики) // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 1. С. 60–72.
5. Кочанова Т. Клевета: анализ судов по теме с важными примерами // Жилищное право. 2019. № 3. С. 105–112.
6. Драпезо Р.Г., Зикин В.К. Darknet как источник сыскной информации // Оперативник (сыщик). 2017. Т. 52, № 3. С. 35–38.
7. Ladegaard I. We Know Where You Are, What You Are Doing and We Will Catch You: Testing Deterrence Theory in Digital Drug Markets // British Journal of Criminology. 2018. Vol. 58, is. 2. P. 414–433. doi: <https://doi.org/10.1093/bjc/azx021>.
8. Суходолов А.П., Бычкова А.М. Цифровые технологии и наркопреступность: проблемы противодействия использованию мессенджера «Телеграм» в распространении наркотиков // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 1. С. 5–16.
9. Беляков И.М. Особенности баннерной Интернет-рекламы как поликодового текста: лингвистический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 24 с.
10. Бармина О.Н. Злоупотребление правом / отв. ред. В.А. Кодолов. Киров : Радуга-ПРЕСС, 2015. 133 с.
11. Павлюков В.В. Правовые и практические аспекты получения компьютерной информации о киберпреступниках // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае: проблемы противодействия киберпреступности уголовно-процессуальными, криминалистическими и оперативно-розыскными средствами : сб. науч. ст. / отв. ред. С.И. Давыдов, В.В. Поляков. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. Вып. XIV. 118 с.
12. Кокурин Г.А. Использование метода компрометации в оперативно-розыскной деятельности // Российский юридический журнал. 2016. № 5. С. 164–169.

Статья принята к публикации 24.05.2021.

A Veiled Way of Disseminating Defamatory and Offensive Information: Problems of Procedural Proof

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 17, pp. 30–34. DOI: 10.17223/23088451/17/6

Natavan B. kzy Gulieva, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: natavan-1212@mail.ru

Roman G. Drapezo, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: uri_nit@kemsu.ru

Keywords: libel, insult, veiled way, darknet

The classification of the studied phenomena is of great importance, because it gives such phenomena a certain structuredness, which makes it possible to characterize their features in more detail. The classification of crimes helps to differentiate them and allows their correct qualification. Classification of crimes that harm honor, dignity, and reputation is of a certain difficulty due to the legislator's specific approach to the law protection of these intangible benefits. Such benefits are mostly protected by special rules designed, primarily, to protect other objects. Within the framework of this study, it is proposed to distinguish between the acts in the broad and narrow sense of the word. The authors suggest distinguishing the types of crimes that cause harm to honor, dignity, and reputation in terms of the objective and subjective side and on the grounds related to the victim.

References

1. Sudact.ru. (n.d) *Sudebnye i normativnye akty RF* [Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation]. Official website. [Online] Available from: <https://sudact.ru/> (Accessed: 29th October 2020).
2. Koroleva, M.M. (2010) Kleveta i oskorblenie v seti Internet [Libel and insult on the Internet]. *Zakonnost'*. 7. pp. 50–53.
3. Maksimenko, O.I. (2011) Semiotic characteristics of the Internet media-texts. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: teoriya yazyka, semiotika, semantika – RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 1. pp. 50–58. (In Russian).
4. Soloviev, V.S. (2016) Prestupnost' v sotsial'nykh setyakh Interneta (kriminologicheskoe issledovanie po materialam sudebnoy praktiki) [Crime in social networks of the Internet (criminological research based on the materials of judicial practice)]. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 10(1). pp. 60–72.
5. Kochanova, T. (2019) Kleveta: analiz sudov po teme s vazhnymi primerami [Slander: analysis of court cases with important examples]. *Zhilishchnoe pravo*. 3. pp. 105–112.
6. Drapezo, R.G. & Znikin, V.K. (2017) Darknet as a source of detective information. *Operativnik (syshchik) – Field Investigator (Sleuth)*. 52(3). pp. 35–38. (In Russian).
7. Ladegaard, I. (2018) We Know Where You Are, What You Are Doing and We Will Catch You: Testing Deterrence Theory in Digital Drug Markets. *British Journal of Criminology*. 58(2). pp. 414–433. DOI: 10.1093/bjc/azx021
8. Sukhodolov, A.P. & Bychkova, A.M. (2019) Digital Technologies and Drug-Related Crime: Problems of Counteracting the Use of “Telegram” Messenger for Trafficking Drugs. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 13(1). pp. 5–16. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(1).5-17
9. Belyakov, I.M. (2009) *Osobennosti bannernoy Internet-reklamy kak polikodovogo teksta: lingvisticheskiy aspekt* [Internet banner advertising as a polycode text: a linguistic aspect]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
10. Barmina, O.N. (2015) *Zloupotreblenie pravom* [Abuse of Right]. Kirov: Raduga-PRESS.
11. Pavlyukov, V.V. (2017) Pravovye i prakticheskie aspekty polucheniya komp'yuternoy informatsii o kiberprestupnikakh [Legal and practical aspects of obtaining computer information about cybercriminals]. In: Davydov, S.I. & Polyakov, V.V. (eds) *Ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya na Altae: problemy protivodeystvie kiberprestupnosti ugolovno-protsessual'nyimi, kriminalisticheskimi i operativno-rozysknymi sredstvami* [Criminal procedural and forensic readings in Altai: problems of counteracting cybercrime by criminal procedural, forensic and operational-search means]. Barnaul: Altai State University.
12. Kokurin, G.A. (2016) On the use of a “compromise” method in operative research activities. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Russian Juridical Journal*. 5. pp. 164–169. (In Russian).

Received: 24 May 2021.

А.Ю. Гусев

**СУДЕБНЫЙ ШТРАФ КАК АЛЬТЕРНАТИВА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ:
ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН**

В настоящее время суды все чаще разрешают ходатайства следователей либо самостоятельно принимают решения об освобождении от уголовной ответственности подозреваемого (обвиняемого) с назначением им судебного штрафа. Сравнительно небольшой период применения норм указанного института показывает необходимость устранения ряда дефектов, регулирующих данные уголовно-процессуальные отношения. С использованием научно-практического подхода проанализирована судебная практика рассмотрения дел, связанных с освобождением подозреваемых (обвиняемых) от уголовной ответственности; предложены пути устранения выявленных пробелов уголовного и уголовно-процессуального закона.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, судебный штраф, судебная практика, становление суда, дефекты правового регулирования

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ Уголовный кодекс РФ дополнен ст. 76.2 УК РФ, предусматривающей освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа.

Одновременно с этой нормой внесены изменения в УПК РФ (ст. 446.1–446.5), определившие процессуальный порядок освобождения от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа.

Введение института освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа за совершение преступлений небольшой и средней тяжести свидетельствует, с одной стороны, о гуманизации политики государства в области уголовного законодательства, с другой – о дальнейшей дифференциации уголовной ответственности. При этом под дифференциацией уголовной ответственности мы понимаем достижение баланса между строгостью наказаний за совершение тяжких и особо тяжких преступлений и мягкостью – за преступления небольшой и средней тяжести, а также между жесткой законодательной регламентацией и усмотрением правоприменителя при широких законодательных дозволениях [1. С. 54].

Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа может быть применено лишь к преступлениям небольшой и средней тяжести.

К числу таковых относятся, в частности, посягательства на трудовые и социальные права граждан (ст. 143–145.1 УК РФ).

Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, получив широкое применение в следственной и судебной практике, до настоящего времени вызывает немало вопросов с применением норм, регулирующих порядок такого освобождения.

Во-первых, законодатель закрепляет такое обязательное условие для освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, как обязанность лица возместить ущерб или иным образом загладить причиненный преступлением ущерб.

Вместе с тем какой-либо конкретизации этих понятий закон не содержит. Суды признают в качестве иного загладивания вреда при совершении преступных

деяний добровольное выполнение общественных работ, восстановление имущества и др.

К примеру, постановлением Рузаевского районного суда Республики Мордовия от 28 июня 2017 г. прекращено уголовное дело в отношении К., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ, в соответствии со ст. 25.1 УПК РФ с назначением судебного штрафа в размере 10 тыс. руб. Суд мотивировал свое решение тем, что К. загладила причиненный преступлением вред путем добровольного выполнения общественных работ в «Социально-реабилитационном центре для несовершеннолетних» и пожертвования денежных средств в данное учреждение на благотворительность [2].

Постановлением Новгородского районного суда Новгородской области от 25 октября 2017 г. прекращено уголовное дело с назначением судебного штрафа в отношении М., который обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ, а именно в покушении на кражу реверс-редуктора и дизельного топлива, которая не была доведена до конца, поскольку данные действия были обнаружены на месте сотрудниками организации и пресечены. Принимая решение о прекращении уголовного дела по основанию, предусмотренному ст. 76 УК РФ, суд отметил, что имущество было возвращено организации, кроме того, М. сам отремонтировал неисправный реверс-редуктор, тем самым загладил причиненный им вред общественным отношениям [2].

При освобождении от уголовной ответственности за посягательства на трудовые права граждан также могут возникать определенные сложности в применении уголовного закона. Так, если за совершение преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ, выплата заработной платы, пенсии, стипендий, пособий и иных выплат, возмещение ущерба, иное заглаживание вреда может, очевидно, выражаться в полном погашении задолженности по соответствующим выплатам обязанным лицом, то при совершении преступлений, предусмотренных ст. 143, 144, 144.1 и 145 УК РФ, определение вопроса о возмещении ущерба не столь очевидно.

Считаем, что в этих случаях следует иметь в виду, что, во-первых, возможные способы возмещения ущерба и заглаживания причиненного преступлением вреда законом не ограничены; во-вторых, способы возмещения ущерба и заглаживания вреда должны носить законный характер и не ущемлять права третьих лиц; в-третьих, вред, причиненный преступлением, может быть возмещен в любой форме, позволяющей компенсировать негативные изменения, причиненные преступлением охраняемым уголовным законом общественным отношениям [3].

Кроме того, учитывая то обстоятельство, что закон не говорит о необходимости согласия потерпевшего на прекращение уголовного дела с назначением судебного штрафа, что, к примеру, требуется при прекращении уголовного дела за примирением сторон, оценка судом факта возмещения ущерба и заглаживания причиненного преступлением вреда потерпевшему должна носить объективный характер, учитывая мнение потерпевшего.

Например, постановлением суда от 1.12.2020 г., вступившего в законную силу, обвиняемый по ч. 1 ст. 264 УК РФ С. освобожден от уголовной ответственности, ему назначен судебный штраф, несмотря на то обстоятельство, что потерпевший и его представитель возражали против такого ходатайства обвиняемого и защитника, считая, что ущерб ему не возмещен. В постановлении суд указал, что обвиняемым С. возмещен ущерб, иным образом заглажен причиненный рассматриваемым преступлением вред: непосредственно после дорожно-транспортного происшествия С. принял меры к оказанию первой помощи потерпевшему, принимал меры к возмещению вреда, оказывал материальную помощь потерпевшему: перечислял денежные средства на лечение, компенсировал заработную плату, оплачивал жилье потерпевшему, принес извинения. В общей сумме обвиняемый выплатил потерпевшему 286 тыс. руб. в счет добровольного возмещения ущерба, причиненного преступлением. Выплату данной суммы и другие вышеописанные действия подсудимого по заглаживанию причиненного преступлением вреда суд рассматривает как выполнение обвиняемым требований ст. 25.1 УПК РФ – «лицо возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред» [4].

Данная позиция соответствует разъяснениям Верховного Суда РФ, который в абз. 4 п. 7 Обзора судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 10.07.2019 г., указал, что если потерпевший возражает против прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа, судья выясняет причины такой позиции потерпевшего, а также оценивает достаточность принятых обвиняемым мер по возмещению ущерба или заглаживания вреда для признания выполненными условий, предусмотренных ст. 76.2 УК РФ [2].

В силу ч. 4 ст. 446.2 УПК РФ ходатайство следователя подлежит рассмотрению в течение 10 суток со дня поступления в суд.

Нагрузка на суды и судей в настоящее время является значительной. К примеру, проведенное исследова-

ние показало, что в 2018 г. 62% судей перерабатывали в два и более раз, а еще 5% работают в пять раз больше, чем должны [5]. Судам часто необходимо значительное время для обеспечения явки кого-либо из участников уголовного судопроизводства (например, потерпевшего для выяснения его позиции относительно заглаживания ему причиненного вреда), которое, как правило, выходит за пределы срока, установленного ст. 446.2 УПК РФ. Поэтому указанный десятидневный срок рассмотрения судом ходатайства освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа представляется весьма сжатым. Полагаем необходимым законодательно увеличить его до 20 суток, что не будет противоречить разумному сроку уголовного судопроизводства.

Статья 446.5 УПК РФ устанавливает последствия не уплаты лицом судебного штрафа, закрепляя, что в случае неуплаты судебного штрафа в установленный судом срок судебный штраф отменяется и лицо привлекается к уголовной ответственности по соответствующей статье УК РФ.

Судебная практика знает случаи, когда лицо при отсутствии уважительных причин оплачивает судебный штраф за пределами срока, установленного судом, непосредственно до или в день вынесения судебным приставом-исполнителем представления об отмене постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Оплатив судебный штраф, подозреваемый (обвиняемый) исполняет возложенную на него судом обязанность. Полагаем в этом случае законодательно закрепить в ст. 446.5 УПК РФ положения, которые позволили бы считать исполненным оплату судебного штрафа в случаях, если он оплачен непосредственно до или в день вынесения судебным приставом-исполнителем представления об отмене соответствующего постановления, которым был назначен судебный штраф [6. С. 102–108].

Кроме того, на практике применение положений ст. 446.5 УПК РФ означает, что суд, рассмотрев ходатайство судебного пристава-исполнителя об отмене постановления суда о назначении судебного штрафа, выносит решение об отмене соответствующего постановления суда, уголовное дело возвращается руководителю следственного органа или прокурору.

Следователь вновь предъявляет обвинение лицу, в отношении которого судебный штраф отменен, составляет обвинительное заключение, передает дело прокурору, который может принять решение о направлении дела в суд.

Так, постановлением Ростовского районного суда Ярославской области от 4 апреля 2018 г. уголовное дело в отношении гражданина Щ., обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 134 УК РФ, прекращено, ему была назначена мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 20 тыс. руб. В связи с неуплатой судебного штрафа постановлением районного суда от 20 августа 2018 г. решение о назначении гражданину Щ. су-

дебного штрафа отменено, уголовное дело направлено руководителю следственного органа для производства предварительного следствия. 9 октября 2018 г. приговором суда подсудимый Щ. был осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 134 УК РФ, ему назначено наказание в виде 90 часов обязательных работ [7].

Аналогичное решение было принято судом в отношении обвиняемого К.: постановлением Ростовского районного суда Ярославской области от 15 марта 2019 г. уголовное дело в отношении гражданина К., обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного ч. 3, ст. 30, п. «а», «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, было прекращено, ему назначен судебный штраф в размере 7 тыс. руб. К. в установленный срок не оплатил судебный штраф, и постановлением суда 16.10.2019 г. уголовное дело по обвинению К. возвращено руководителю следственного органа для производства расследования. Приговором от 10 января 2020 г. подсудимый К. был осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 3, ст. 30, п. «а», «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, осужденному назначено наказание в виде 200 часов обязательных работ [8].

3 апреля 2019 г. постановлением суда уголовное дело в отношении С. по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ было прекращено, С. назначен судебный штраф в размере 5 тыс. руб. В связи с неоплатой судебного штрафа 8 ноября 2019 г. постановлением суда дело возвращено руководителю следственного органа, а 5 февраля 2020 г. приговором суда С. был осужден за совершение преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, к 100 часам обязательных работ [9].

Анализ приведенных положений уголовно-процессуального закона и судебной практики позволяет обратить внимание на вопросы соблюдения принципа разумных сроков уголовного судопроизводства, установленного ст. 6.1 УПК РФ, и принципа процессуальной экономии. Опрос судей, рассматривающих указанные дела, показывает, что они считают слишком затянутой процедуру рассмотрения уголовного дела в случае неуплаты подозреваемым (обвиняемым) судебного штрафа, полагают, что правовое регулирование данных уголовно-процессуальных отношений может быть оптимизировано законодателем.

Полагаем, что при неуплате подозреваемым (обвиняемым) судебного штрафа, последний может быть заменен на обязательные работы, которые в рамках гл. 51.1 УПК РФ должны рассматриваться как мера уголовно-правового характера. В случае неуплаты судебного штрафа в установленный срок, последний может быть заменен на обязательные работы. Следует предусмотреть срок таких обязательных работ: от 60 до 200 часов, поскольку данная мера не является уголовным наказанием и должна быть гуманнее последней. Такие дополнения необходимо предусмотреть в норме ст. 446.5 УПК РФ.

Учитывая, что в силу ч. 4 ст. 49 УК РФ обязательные работы не могут назначаться отдельным категориям граждан, но количество дел с участием таких граждан весьма мало, возможность передачи уголовного дела руководителю следственного органа или прокурору должна быть сохранена наряду с возможностью замены судебного штрафа на обязательные работы.

Кроме того, в УПК РФ не урегулирован вопрос о возможности назначения судебного штрафа после повторного направления в суд уголовного дела после выполнения требований ст. 446.5 УПК РФ. С нашей точки зрения, такая возможность должна быть законодательно ограничена.

В порядке ст. 446.3 УПК РФ суд может самостоятельно принять решение о назначении обвиняемому судебного штрафа, освободив его от уголовной ответственности. Изученные материалы уголовных дел показывают следующее: часто бывает так, что лицо, которому назначен судебный штраф, в установленный срок его не оплачивает, и, исходя из требований ст. 446.5 УПК РФ, дело подлежит направлению руководителю следственного органа или прокурору, производство по уголовному делу осуществляется в общем порядке.

Вместе с тем, учитывая принципы разумности и процессуальной экономии, следует законодательно предусмотреть в таких случаях возможность направления дела в суд со стадии назначения судебного заседания и производства по уголовному делу судом в общем либо, при соблюдении предусмотренных законом условий, особом порядке судебного разбирательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рогова Е.В.* Уголовно-политические основы дифференциации уголовной ответственности // Безопасность бизнеса. 2017. № 5. С. 53–58.
2. *Обзор* судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ), утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 10 июля 2019 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.08.2019).
3. *Постановление* Пленума Верховного суда от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности».
4. *Постановление* Ростовского районного суда Ярославской области суда от 1.12.2020 г., дело № 1-252/2020 // Архив Ростовского районного суда Ярославской области.
5. *Вараксин М.* Исследование: две трети судей работают вдвое больше, чем должны // Право.ру. URL: www.pravo.ru/news/201888 (дата обращения: 30.08.2019).
6. *Гусев А.Ю.* Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в связи с совершением преступных деяний в сфере охраны трудовых прав граждан // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе : сб. ст. Ярославль, 2020. С. 102–107.

7. *Постановление* Ростовского районного суда Ярославской области об отмене постановления суда об освобождении от уголовной ответственности и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа от 20.08.2018 г. по делу № 1-72/2018, приговор Ростовского районного суда Ярославской области суда от 9.10.2018 г. дела № 1-67/2018 // Архив Ростовского районного суда Ярославской области.
8. *Приговор* Ростовского районного суда Ярославской области суда от 9.10.2018 г. дела № 1-14/2020 // Архив Ростовского районного суда Ярославской области.
9. *Приговор* Ростовского районного суда Ярославской области суда от 5 февраля 2020 г. дело № 1-32/2020 // Архив Ростовского районного суда Ярославской области.

Статья принята к публикации 24.05.2021.

Court Fine as an Alternative to Criminal Liability: Issues of Criminal Law Protection of Social Rights of Citizens

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 17, pp. 35–38. DOI: 10.17223/23088451/17/7

Aleksey Yu. Gusev, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation), Yaroslavl State University named after P.G. Demidov (Yaroslavl, Russian Federation), The Rostov District Court of the Yaroslavl Region (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: judgegusev@mail.ru

Keywords: exemption from criminal liability, court fine, court practice, court order, defects in legal regulation

The institution of exemption from criminal liability with the imposition of a court fine, introduced in 2016 into the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, has become widespread in investigative and judicial practice. The relatively short period of its application shows the need to eliminate conflicts and gaps in the norms governing these criminal procedural relations. The author uses the scientific and practical approach to analyze the judicial practice of considering cases related to the exemption of the accused (suspected) from criminal liability on the specified basis and proposes ways to eliminate the identified defects of the criminal procedure law in the following way: (1) the procedure for considering a criminal case in case of non-payment of a court fine can be optimized by the legislator: if the suspect (accused) fails to pay the court fine, the latter can be replaced with compulsory work, which, within under Chapter 51.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, should be considered as a measure of a criminal law nature; (2) the possibility of imposing a court fine after re-sending a criminal case to the court after fulfilling the requirements of Art. 446.5 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation may be legally limited; (3) the assessment of compensation for damage caused by the accused (suspect) should be objective, that is, it should be determined by the court on the basis of the investigated evidence and the factual circumstances of the case, not be solely related to the subjective position of the victim about partially compensating for damage; (4) the period for consideration of this type of cases should be increased to 20 days; (5) there are a number of other defects in the norms of the institution in question.

References

1. Rogova, E.V. (2017) Criminal and Political Fundamentals of Criminal Liability Differentiation. *Bezopasnost' biznesa – Business Security*. 5. pp. 53–58. (In Russian).
2. The Supreme Court of the Russian Federation. (2019a) *Obzor sudebnoy praktiki osvobozhdeniya ot ugovnoy otvetstvennosti s naznacheniem sudebnogo shtrafa (stat'ya 76.2 UK RF), utverzhden Prezidiumom Verkhovnogo Suda RF 10 iyulya 2019* [Review of judicial practice of exemption from criminal liability with the appointment of a court fine (Article 76.2 of the Criminal Code of the Russian Federation), approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on July 10, 2019].
3. The Supreme Court of the Russian Federation. (2013) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo suda ot 27 iyunya 2013 g. № 19 "O primeneniі sudami zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego osnovaniya i poryadok osvobozhdeniya ot ugovnoy otvetstvennosti"* [Resolution No. 19 of the Plenum of the Supreme Court of June 27, 2013, "On the application by courts of legislation regulating the grounds and procedure for exemption from criminal liability"].
4. The Rostov District Court of the Yaroslavl Region Court. (2020) *Postanovlenie Rostovskogo rayonnogo suda Yaroslavskoy oblasti suda ot 1.12.2020 g., delo №1-252/2020* [Resolution of the Rostov District Court of the Yaroslavl Region of the Court of December 1, 2020, Case No. 1-252 / 2020]. The Archive of the Rostov District Court of Yaroslavl Region.
5. Varaksin, M. (n.d.) *Issledovanie: dve tret'i sudey rabotayut dvoye bol'she, chem dolzhny* [Research: Two-thirds of the judges work twice as much as they should]. [Online] Available from: www.pravo.ru/news/201888 (Accessed: 30th August 2019).
6. Gusev, A.Yu. (2020) Exemption from criminal liability with the appointment of a court fine in connection with the commission of criminal acts in the field of protection of labor rights of citizens. *Aktual'nye problemy ugovnogo prava na sovremennom etape*. 9 (9). pp. 102–107. (In Russian).
7. The Rostov District Court of the Yaroslavl Region Court. (2018) *Resolution of the Rostov District Court of Yaroslavl Region on the cancellation of the court order on exemption from criminal liability and the appointment of a criminal-legal measure in the form of a court fine dated august 20, 2018, in Case No. 1-72 / 2018, the judgment of the Rostov District Court of the Yaroslavl Region Court dated October 9, 2018, Case No. 1-67 / 2018*. The Archive of the Rostov District Court of Yaroslavl Region. (In Russian).
8. The Rostov District Court of Yaroslavl Region Court. (2020a) *Prigovor Rostovskogo rayonnogo suda Yaroslavskoy oblasti suda ot 9.10.2018 g. dela №1-14/2020* [Verdict of the Rostov District Court of the Yaroslavl Region Court dated October 9, 2018, Case No. 1-14 / 2020]. The Archive of the Rostov District Court of Yaroslavl Region.
9. The Rostov District Court of Yaroslavl Region Court. (2020b) *Prigovor Rostovskogo rayonnogo suda Yaroslavskoy oblasti suda ot 5 fevralya 2020 g. delo № 1-32/2020* [Verdict of the Rostov District Court of the Yaroslavl Region Court of February 5, 2020, Case No. 1-32 / 2020]. The Archive of the Rostov District Court of Yaroslavl Region.

Received: 24 May 2021.

УДК 343.13

DOI: 10.17223/23088451/17/8

В.А. Дударев

**ПАНДЕМИЯ COVID-19 КАК КАТАЛИЗАТОР ЦИФРОВИЗАЦИИ
РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Обсуждаются вопросы, касающиеся цифровизации российского уголовного судопроизводства в условиях пандемии COVID-19. Рассматриваются такие технологии, как видео-конференц-связь, веб-конференция, вопросы электронного документооборота. Высказывается предположение о том, что пандемия COVID-19 стала определенным катализатором, способствующим цифровизации российского уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: *цифровизация, пандемия COVID-19, уголовное судопроизводство, видео-конференц-связь, веб-конференция, электронный документооборот, цифровые информационные технологии*

В современном мире постоянно случаются различные катаклизмы природного, техногенного характера, войны, различные вооруженные конфликты и столкновения. 11 марта 2020 г. Всемирная организация здравоохранения объявила пандемию новой коронавирусной инфекции.

За короткий период времени пандемия COVID-19 охватила все мировое сообщество. На сегодняшний день в мире уже насчитывается более 140 млн заболевших, в России эта отметка перевалила за 4,5 млн человек. В свою очередь пандемия внесла определенные коррективы в регулирование общественных отношений, в том числе и уголовное судопроизводство.

В XXI в. получили стремительное развитие цифровые технологии, которые внедряются во все сферы общества. Нельзя сказать, что пандемия COVID-19 стала решающим фактором в цифровизации общества, однако она выступила определенным катализатором готовности как правоохранительных органов, так и судебной системы к переходу на новый уровень взаимодействия и принятия определенных решений. Уголовное судопроизводство здесь не является исключением.

Внедрение цифровых технологий во все сферы жизни общества в условиях стремительного распространения новой коронавирусной инфекции не могло не затронуть деятельности, связанной с осуществлением правосудия. Как правило, правосудие основывается на демократических принципах судопроизводства и предусматривает возможность личного участия в нем всех заинтересованных лиц, однако из-за случившейся пандемии сделать это стало довольно проблематично.

Как справедливо отметила В.А. Лазарева, «во-первых, в судебной деятельности по уголовному делу есть достаточное количество процедур, которые не требуют обязательного личного участия сторон, а во-вторых, принятие решения не обусловлено необходимостью соблюдения требования непосредственности. Невозможность личного участия в судебной деятельности в тех случаях, когда это требуется, обеспечивается внедрением в судебную практику, в том числе по уголовным делам, систем видео-конференц-связи» [1. С. 85].

Начало этому было положено еще в далеком 2000 г., когда Верховный Суд РФ установил дистанци-

онное взаимодействие с рядом учреждений, в которых содержались или в которые специально доставлялись осужденные, обжаловавшие приговоры, не вступившие в законную силу. Осужденные лица, содержащиеся под стражей могут как непосредственно участвовать в судебном заседании, так и с использованием систем видео-конференц-связи, которая была узаконена в 2010 г. с введением апелляции как формы пересмотра приговора и иного судебного решения, не вступившего в законную силу. Сегодня Верховный Суд имеет видеоконференц-взаимодействие более чем с 8 тыс. абонентов, включая федеральные суды всех уровней, следственные изоляторы, тюрьмы.

В 2011 г. в УПК РФ [2] была введена ст. 278.1, которая предусмотрела возможность проведения допроса свидетеля и потерпевшего с использованием системы видеоконференц-связи, фактически заменив собой институт отдельного поручения. Плюс видео-конференц-связи – экономия времени и средств с сохранением всех процессуальных гарантий, хотя сама по себе она представляет нечто новое для развития уголовного судопроизводства.

Однако пандемия COVID-19 способствовала ускоренному обращению судебной практики к новым массовым доступным технологиям, например к возможности проведения судебных заседаний посредством веб-конференции. 29 апреля 2020 г. Президиум Верховного Суда РФ принял уже всем известное постановление [3], которым внес изменения в ранее принятое постановление № 821 [4], а также рекомендовал судам использовать апробированный ими опыт проведения судебных заседаний с помощью веб-конференции для рассмотрения дел, не терпящих отлагательства и в первую очередь направленных на защиту конституционного права на свободу передвижения граждан, личную неприкосновенность, здоровье и безопасность.

Для участия в судебном заседании с применением веб-конференции заявление участниками судопроизводства подается в электронном виде. Также обязательно прилагаются и электронные образцы документов, с помощью которых удостоверяются личности и подтверждаются их полномочия.

Как справедливо заметила В.А. Лазарева, «необходимо знать различия в судебных процедурах примене-

ния технологии веб-конференции от процедуры видеоконференции. Оно состоит в отсутствии официального элемента в месте нахождения одного или нескольких участников процессуальной деятельности. Это обстоятельство, с одной стороны, упрощает процесс ее использования, а с другой – определенным образом затрудняет идентификацию личности и контроль за свободой выражения ее позиции. Поэтому представляется очевидным, что использование технологии веб-конференции в первую очередь может быть востребовано в тех ситуациях, когда эти затруднения исключены или могут быть каким-то образом компенсированы. Веб-конференция представляется безопасной формой взаимодействия органов предварительного расследования, прокуратуры и суда» [1. С. 86].

Приведем пример: уже 19 мая 2020 г. состоялось историческое событие – заседание Пленума Верховного Суда РФ прошло в онлайн-формате посредством веб-конференции. В зале суда присутствовали только Председатель Верховного Суда РФ и секретарь Пленума, остальные участники заседания подключились дистанционно. Всего на Пленум зарегистрировались 89 судей Верховного Суда РФ, а также 16 участников из них: представители Генпрокуратуры, Минюста, Совета Федерации и Госдумы, члены научного сообщества. Как отмечается на официальном сайте Верховного Суда РФ, такая практика приобрела положительную тенденцию в период пандемии, активно развиваются электронные технологии, позволяющие оперативно и безопасно проводить неотложные заседания [5].

Как отметила Г.М. Шаповалова, «в наибольшей степени электронный документооборот сегодня проник в арбитражное судопроизводство, однако исследователи отмечают, что электронные документы все активнее вытесняют привычные, изготовленные на бумаге, и в уголовном процессе» [6. С. 200]. По мнению ученых, «фактически развитие уголовного процесса уже стоит перед альтернативой перехода к параллельному ведению двойного документооборота или полной замене письменных материалов уголовного дела электронными документами» [7. С. 6; 8. С. 98].

На протяжении последнего времени в уголовном судопроизводстве применяется не только система видео-конференц-связи, но и внедряются технологии по использованию автоматизированной информационной системы при формировании состава суда для рассмотрения каждого уголовного дела (ст. 30 УПК РФ), подача заявлений, жалоб, представлений в форме электронного документа, создаваемого посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в ИТС «Интернет», и подписанного электронной подписью (ч. 1 ст. 474.1 УПК РФ), оповещение участников процесса посредством СМС-извещения или через электронную почту [9] (ч. 5.1 ст. 42, ч. 5 ст. 313 УПК РФ), аудио- и видеофиксация хода судебного разбирательства (ч. 1 и 5 ст. 259 УПК РФ) и др.

Судебная практика свидетельствует о том, что суды постепенно адаптируются к сложившимся обстоятельствам и широко применяют современные цифровые технологии для решения задач правосудия. Так, в мар-

те 2020 г. Невьянский городской суд Свердловской области впервые в истории российского правосудия рассмотрел дело с помощью видеозвонка в мессенджере WhatsApp [10], а Вахитовский районный суд Казани вынес решение по видеосвязи с помощью Skype [11]. Приведенные примеры кажутся просто парадоксальными, прецедентными, еще 5–10 лет назад такое нельзя было и представить, а сегодня это уже реальность.

Однако обратим внимание на один момент. Применение таких технологий, безусловно, является определенным прорывом в рамках пандемии COVID-19, но полностью перейти на подобного рода работу судов пока не представляется возможным, особенно если речь идет об уголовном судопроизводстве. Причин этому несколько: во-первых, это незащищенность сети, по которой передается информация, а во-вторых, непроработанность вопроса взаимодействия всех лиц, которые участвуют в уголовном процессе.

Общеизвестно, да и понятно, наверное, каждому пользователю сети Интернет, что соединение между сетью и абонентским устройством не всегда качественное. С трудом представляется допрос подозреваемого с помощью таких мессенджеров, как Viber или WhatsApp. Однако все это не умоляет того, что все эти проблемы в будущем решаемы.

Как справедливо отметили Н.В. Спесивов и А.А. Титов, «“дистанционное электронное правосудие” должно быть построено таким образом, чтобы не нарушать прав участников уголовного судопроизводства в том числе на квалифицированную юридическую помощь. В контексте действующего уголовно-процессуального законодательства “дистанционное” участие защитника или подсудимого можно рассматривать как нарушение принципа непосредственности уголовного судопроизводства» [12. С. 198]. Однако такое отступление от основного начала при данных обстоятельствах является одним из немногих реальных вариантов обеспечения транспарентности судебного заседания, обеспечивая безопасность всех участников уголовного судопроизводства, и с этим трудно не согласиться.

23.06.2016 г. в УПК РФ была введена ст. 474.1, согласно которой ходатайство, заявление, жалоба, представление могут быть поданы в суд в форме электронного документа, подписанного лицом, направившим такой документ, электронной подписью в соответствии с законодательством Российской Федерации, посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Материалы, приложенные к ходатайству, заявлению, жалобе, представлению, также подаются в форме электронных документов. Электронные документы, изготовленные иными лицами, органами, организациями в свободной форме или форме, установленной для этих документов законодательством Российской Федерации, должны быть подписаны ими электронной подписью в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации. Данная норма создает определенные перспективы для широкого использования электронных документов и в качестве доказательств, несмотря на то, что этот вопрос в рос-

сийском уголовно-процессуальном законе еще четко не прописан и не отрегулирован.

Что касается предварительного расследования дел, здесь также имеются определенные перспективы и прогресс. Согласно УПК РФ некоторые следственные действия (освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования) не требуют присутствия понятых, они заменены техническими средствами фиксации. Совершенствование технических средств фиксации в стремительном развитии современного общества естественно ведет к их еще большему применению и внедрению в процесс расследования. Так, например, видеофиксация сегодня более надежна и достоверна, она исключает субъективизм следователя в отборе информации, а также в какой-то мере дисциплинирует его, что не позволяет допускать промахи и совершать ошибки – словом, способствует повышению качества расследования.

Сегодня широкое применение цифровых технологий в уголовном судопроизводстве обусловлено объективными факторами. Задачи расследования охватывают не только фиксацию и сохранение, но и проверку любых следов преступления, которые используются в доказывании обстоятельств и имеют значение для дела.

Научные разработки, которые существуют в настоящее время, позволяют говорить о том, что в будущем возможен быстрый переход на электронный документооборот, который поспособствует необходимому взаимодействию: между судом и судебными инстанциями; органами предварительного расследования и прокуратуры; судом и участниками уголовного судопроизводства. Очевидно, что этот процесс будет развиваться в разных направлениях, но в конечном итоге завершится полным переходом от бумажного к электронному уголовному делу.

Так, например, в США электронный документооборот применяется довольно широко, в Федеративной Республике Германия создается электронное досье с оцифрованными материалами уголовных дел, в Казахстане ведется электронный реестр уголовных дел и происходит оцифровка этих материалов. Для такой модели цифровизации уголовного судопроизводства, как в Казахстане, где уже активно практикуют ведение электронных уголовных дел, России потребуется определенное время: и, конечно, денежный вопрос будет ставиться во главу угла. Не будем забывать и о территориальных границах этих стран: 17 млн км² – Россия, 2,7 млн км² – Казахстан. Вывод очевиден.

Согласимся с А.С. Александровым в том, что «цифровизация уголовного судопроизводства должна способствовать повышению доступности и упорядочению производства по делу, а не препятствовать доступности и реализации права на справедливое судебное разбирательство» [13. С. 199–200].

Как отметили Н.С. Манова и М.А. Баранова, «открытость информации о деятельности органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, необходима для объективной оценки результатов такой деятельности, формирования доверия к ней у широких слоев населения» [14. С. 579].

Мы полностью поддерживаем И.И. Шереметьева, который отмечает, что «естественные трудности, связанные с процессами цифровизации, не должны стать поводом для “топтания на месте”, поскольку это может привести к тому, что растущее количество уголовных дел и материалов по судебному контролю пойдет вопреки повышению качества правосудия. Уже сейчас необходимо осуществлять поэтапное внедрение цифровых технологий там, где это возможно, поскольку, как мы видим из сложившейся с пандемией ситуации, грамотное и своевременное их использование не только станет серьезным подспорьем судам в случае возникновения подобных “непредвиденных” обстоятельств, но и будет способствовать повышению доступности и эффективности уголовного судопроизводства» [15. С. 120].

Таким образом, все слои и структуры общества ощутили на себе последствия пандемии COVID-19. Пандемия поставила на повестку дня вопросы о создании таких возможностей, благодаря которым привычные нам условия проведения производства по уголовным делам невозможны и нужно что-то другое.

На сегодняшний день эпидемиологическая обстановка в России так или иначе нормализуется, наша страна располагает уже тремя разными вакцинами, которыми активно прививают население страны, однако привычный распорядок работы правоохранительных и судебных органов уже не будет прежним. Ношение защитных масок и соблюдение социальной дистанции – явное тому подтверждение. Внезапная пандемия в определенной мере форсировала процесс цифровизации уголовного судопроизводства, став своеобразной «точкой невозврата» и определенным катализатором изменений.

Ограничительные меры в условиях пандемии COVID-19, которые сейчас действуют, нередко исключают возможность непосредственного участия лица в уголовном судопроизводстве. Поэтому одной из первоочередных задач будет внедрение в российский уголовный процесс цифровых, информационных технологий, переход на электронный формат, поскольку такой электронно-дистанционный режим позволит существенно сократить все риски для жизни и здоровья граждан, а также минимизировать определенные ограничения прав участников уголовного судопроизводства.

Для разработки отдельных цифровых технологий можно обратиться к опыту зарубежных стран (Германия, Казахстан), где вопросам цифровизации уделяется большое внимание и которые их уже активно применяют.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лазарева В.А. Уголовный процесс в условиях пандемии и потом // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 3. С. 84–90.
2. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: УПК: текст с изменениями и дополнениями на 08 декабря 2020 года: [принят Государственной думой 22 ноября 2001 года: одобрен Советом Федерации 5 декабря июня 2001 года]. М. : Омега-Л, 2020. 284 с. (Кодексы Российской Федерации). ISBN 978-5-370-04731-2.

3. *Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 29.04.2020 № 822 «О внесении изменений в постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ № 821 от 8 апреля 2020»* // СПС «КонсультантПлюс».
4. *Постановление Президиума Верховного Суда РФ Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 № 821 «О приостановлении личного приема граждан в судах»* // СПС «Консультант Плюс».
5. *Официальный сайт Верховного суда РФ*. URL: http://www.supcourt.ru/press_center/news/28930/ (дата обращения: 22.04.2021).
6. Шаповалова Г.М. Электронные документы в уголовном процессе и криминалистике // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 12 (62) : в 4 ч. Ч. IV. С. 199–202.
7. Пастухов П.С. К вопросу о создании процедуры использования электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Международное уголовное право и международная юстиция. 2015. № 2. С. 5–8.
8. Качалова О.В., Цветков Ю.А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95–101.
9. *Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 3 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации»* // Бюллетень Верховного Суда. 2012. № 4.
10. *Невянский городской суд Свердловской области*. URL: <https://neviansky.svd.sudrf.ru/> (дата обращения: 22.04.2021).
11. *Вахитовский районный суд Г. Казани*. URL: <https://vahitovskiy.sudrf.ru/> (дата обращения: 22.04.2021).
12. Снесивов Н.В., Титов А.А. Пандемия COVID-19 как фактор «вынужденной цифровизации» российского уголовного судопроизводства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 3 (134). С. 193–200.
13. Александров А.С., Андреева О.И., Зайцев О.А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 199–207.
14. Манова Н.С., Баранова М.А. Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 564–593.
15. Шереметьев И.И. Использование цифровых технологий при рассмотрении уголовных дел в суде: реальность и перспективы // Lex Russica. 2019. № 5 (150). С. 117–131.

Статья принята к публикации 24.05.2021.

COVID-19 Pandemic as a Catalyst for Digitalization of Russian Criminal Justice

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 17, pp. 39–43. DOI: 10.17223/23088451/17/8

Vitaly A. Dudarev, Bryansk State University (Bryansk, Russian Federation). E-mail: dudarev-vitalii@mail.ru

Keywords: digitalization, COVID-19 pandemic, criminal justice, video conferencing, web conferencing, electronic document management, digital information technology

The article discusses the digitalization of Russian criminal justice in the context of the COVID-19 pandemic, which became a serious global cataclysm in 2020. The COVID-19 pandemic has promoted the turn of the court practice to other massively available technologies, in particular to court hearings through a web conference. In the midst of the pandemic, Russia has experienced unprecedented cases of court hearings through such messengers as WhatsApp and Skype. Before the pandemic, Russian criminal justice was already using digital technologies, but it had to expand such practices during self-isolation and quarantine. The sudden pandemic has accelerated digitalization of criminal justice, becoming a kind of “point of no return” and a certain catalyst for change.

References

1. Lazareva, V.A. (2020) Criminal process in a pandemic and then. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta – Juridical Journal of Samara University*. 6(3). pp. 84–90. (In Russian). DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-3-84-90
2. Russian Federation. (2001) *Zakony. Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: UPK: tekst s izmeneniyami i dopolnениями na 08 dekabrya 2020 goda: [prinyat Gosudarstvennoy dumoy 22 noyabrya 2001 goda: odobren Sovetom Federatsii 5 dekabrya iyunya 2001 goda]* [Laws. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: CPC: text as amended on December 08, 2020: [adopted by the State Duma on November 22, 2001: approved by the Federation Council on December 5, 2001]]. Moscow: Omega-L.
3. Russian Federation. (2020) *Postanovlenie Prezidiума Verkhovnogo Suda RF, Prezidiума Soveta sudey RF ot 29.04.2020 № 822 “O vnesenii izmeneniy v postanovlenie Prezidiума Verkhovnogo Suda RF, Prezidiума Soveta sudey RF № 821 ot 8 aprelya 2020”* [Resolution No. 822 of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation, the Presidium of the Council of Judges of the Russian Federation dated April 29, 2020, “On amendments to Resolution No. 821 of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation, the Presidium of the Council of Judges of the Russian Federation dated April 8, 2020]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351604/.
4. The Supreme Court of the Russian Federation. (2020) *Postanovlenie Prezidiума Verkhovnogo Suda RF Prezidiума Soveta sudey RF ot 08.04. 2020 № 821 “O priostanovlenii lichnogo priema grazhdan v sudakh”* [Resolution № 821 of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of the Presidium of the Council of Judges of the Russian Federation dated April 8, 2020, “On the suspension of personal reception of citizens in the courts”]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349751/.
5. *The Supreme Court of the Russian Federation*. Official website. [Online] Available from: http://www.supcourt.ru/press_center/news/28930/ (Accessed: 22nd April 2021).
6. Shapovalova, G.M. (2015) Electronic documents in criminal trial and criminalistics. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 12(62). pp. 199–202. (In Russian).
7. Pastukhov, P.S. (2015) On creating a procedure for use of “electronic evidence” in criminal judicial proceeding. *Mezhdunarodnoye ugovnoye pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya – International Criminal Law And International Justice*. 2. pp. 5–8. (In Russian).

8. Kachalova, O.V. & Tsvetkov, Yu.A. (2015) Electronic criminal case as a tool for development of criminal proceedings. *Rossiyskoe pravosudie*. 2. pp. 95–101. (In Russian).
9. The Supreme Court of the Russian Federation. (2012) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 9 fevralya 2012 g. № 3 “O vnesenii izmeneniy v nekotorye postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii” [Resolution No. 3 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 9, 2012, “On amendments to some decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation”]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda*. 4.
10. *Neviansky City Court of the Sverdlovsk Region*. (n.d.) [Online] Available from: <https://neviansky.svd.sudrf.ru/> (Accessed: 22nd April 2021).
11. *Vakhitovsky District Court of Kazan*. (n.d.) [Online] Available from: <https://vakhitovskiyat.sudrf.ru/> (Accessed: 22nd April 2021).
12. Spesivov, N.V. & Titov, A.A. (2020) COVID-19 pandemic as a factor in forced digitalization of Russian criminal proceedings. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. 3(134). pp. 193–200. (In Russian).
13. Aleksandrov, A.S., Andreeva, O.I. & Zaytsev, O.A. (2019) On Development Prospects of the Russian Criminal Proceeding in the Context of Digitalization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 448. pp. 199–207. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/448/25
14. Manova, N.S. & Baranova, M.A. (2019) Principles of criminal proceedings as implementation of moral foundations of criminal procedural activities. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 45. pp. 564–593. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255
15. Sheremetiev, I.I. (2019) Using Digital Technologies in Criminal Cases in Court: Reality and Prospects. *Lex Russica*. 5(150). pp. 117–131. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2019.150.5.117-131

Received: 24 May 2021.

О.В. Желева

**К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
И КРИТЕРИЯХ ДОПУСТИМОСТИ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ**

Рассматривается вопрос применения информационных технологий в процессе доказывания по уголовному делу. На основе анализа отечественной и зарубежной литературы приводятся различные позиции относительно понятия «электронное доказательство», примеры использования цифровой информации в качестве доказательств. Делается вывод о критериях допустимости электронных доказательств, предложены законодательные изменения, регулирующие особенности их собирания в уголовном процессе.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, информационные технологии, электронные доказательства, критерии допустимости доказательств, собирание доказательств

Всеобщая глобализация и информатизация оказали существенное влияние на социальное, экономическое и правовое пространство, что привело к внедрению информационных технологий в традиционные отрасли и сферы деятельности.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 08.06.2020) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» под информационными технологиями понимаются процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов. Использование результатов информатизации наблюдается и в уголовном судопроизводстве: применение технических средств и способов обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств (ст. 164 УПК РФ), электронных носителей информации в качестве доказательств по уголовным делам о преступлениях экономической направленности (ст. 164.1 УПК РФ), видео-конференц-связи при допросе свидетелей в ходе судебного разбирательства (ст. 278.1 УПК РФ) и другие. При этом развитие цифровых технологий в уголовном судопроизводстве продолжается, в литературе указываются следующие его направления: создание информационного учения о доказательствах; переход на электронный документооборот, в том числе электронное уголовное дело; модернизация следственных и судебных действий; использование математических методов, алгоритмов при принятии процессуальных решений; внедрение в уголовный процесс робототехники [1. С. 620].

Признавая влияние информационных технологий на уголовно-процессуальную деятельность, ученые-процессуалисты разрабатывают новые концепции теории доказывания и вводят в употребление новую терминологию «электронное доказательство» [2. С. 3586–3590], «цифровое доказательство» [3. С. 130–134], «цифровая информация» [4. С. 108–110], «электронный носитель информации» [5. С. 44–45], определения которых не содержатся в уголовно-процессуальном законодательстве. Наряду с этим не представляется убедительной позиция о том, что «вопрос определения электронного доказательства», закрепленного на электронном носи-

теле, должен решаться в каждом конкретном случае с соблюдением норм уголовно-процессуального законодательства [6. С. 122]. Такой подход не позволяет определить место электронных доказательств среди иных видов, их отличительные черты, которые обуславливают особенности собирания, использования в уголовном судопроизводстве. В целом в научной литературе отсутствует единое представление о понятии и сущности электронного доказательства. Как следствие в юридической доктрине можно выделить следующие позиции.

Согласно первой электронные доказательства представляют собой вещественные доказательства, которые имеют невербальную форму, могут служить средством к обнаружению преступления, установлению фактических обстоятельств дела, выявлению виновных либо к опровержению обвинения или смягчению ответственности [7. С. 257]. По мнению В.Б. Вехова, сведения, имеющие электронную форму, должны признаваться доказательствами только если они: использовались в качестве орудия преступления; имеют на себе следы преступления; являются предметом преступления или имуществом, полученным в результате преступных действий или средством для обнаружения преступления, способствуют установлению обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу [8. С. 22].

Сторонники второй позиции утверждают, что электронное доказательство относится к категории иных документов в случаях, если оно содержит соответствующие реквизиты (электронная подпись), лица, интересы которых затрагивает эта информация, не оспаривают ее содержание, а в материалах дела не имеется данных, дающих основание полагать, что указанная информация могла быть сфальсифицирована [9. С. 440]. Представляется, что в данном определении не учитывается, что электронная информация представляет собой не только текстовую информацию (когда компьютер используется в качестве средства фиксации), но и данные, создаваемые автоматически без участия человека, или данные, передаваемые по каналам телекоммуникационных сетей. При этом в число электронных доказательств включается широкий круг информационных источников, к числу которых относят файл, се-

тевой адрес, доменное имя, электронное сообщение, электронный документ, информационную систему, сайт в сети Интернет, страницу сайта в сети Интернет, электронную подпись, программу для электронных вычислительных машин, базу данных, электронный журнал, электронные денежные средства [10. С. 14–15].

Третья позиция заключается в понимании электронных доказательств в качестве информации в электронно-цифровом формате, происходящей от человека, объекта или процесса, зафиксированной на любом материальном носителе, доступной для восприятия и интерпретации (понимания) участниками судопроизводства, происхождение которой не сопряжено с нарушениями закона, представленной в суд в установленном законом порядке и способной обеспечить правильное разрешение уголовного дела по существу [11. С. 72]. Вместе с тем такая информация, по мнению П.С. Пастухова и В.В. Терехина, может иметь три разновидности: иной документ, вещественное доказательство, заключение компьютерно-криминалистической экспертизы [11. С. 73]. Основываясь на определении электронных доказательств как информации, в Будапештской конвенции преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 от 23 ноября 2001 г. предусмотрены такие виды доказательств, как: информация о пользователе, данные трафика, содержательные данные (ст. 1, 18, 20 и 21 Конвенции). А.Ю. Черданцев дополняет этот перечень следующими видами информации: записи транзакций; основные деловые записи; почтовый трафик; записи, хранящиеся у третьих лиц (например, провайдер облачных данных); журналы контроля доступа; конфигурация, события, ошибки и другие внутренние файлы; журналы интернет-активности; антивирусные «логи»; журналы обнаружения вторжений; резервные носители; телефонные журналы; телефонные записи; записи «закрытой системы видеонаблюдения» [12. С. 57–58].

Некоторые авторы конкретизируют содержание третьей позиции, указывая, что электронное (цифровое) доказательство – это не просто информация, а знание, то, что уже включено в процесс доказывания, т.е. отображено, проинтерпретировано, истолковано согласно когнитивной подготовленности субъектом доказывания, который использует сведения для выстраивания своей позиции, версии, для убеждения суда [13]. Н.А. Иванов утверждает, что цифровая информация приобретает статус полноценного доказательства только в случае обнаружения, задокументирования и преобразования ее в письменно-изобразительную форму, после чего ее содержание будет доступно для восприятия всеми участниками уголовного процесса [14. С. 100]. В то же время другие ученые справедливо отрицают тождественность понятий «электронное доказательство» и «информация», отмечая, что любая информация первична, а доказательство – это всегда результат уголовно-процессуальной проверки и оценки лицом сведений, полученных в ходе производства по уголовному делу [1. С. 621]. Кроме того, определение электронных доказательств в качестве информации, существующей в электронно-цифровом формате, не

позволяет установить отличие природы данного вида доказательств от иных, которое выражается не только в форме представления сведений, но и в особом процессе создания и закрепления информации.

Заслуживает внимания и позиция процессуалистов, которые считают некорректным называть доказательства «электронными», обосновывая это тем, что электронная среда (Интернет), электронные средства хранения и передачи информации являются хранителями информации аналогично электронному микроскопу [15. С. 67]. Между тем с такой позицией сложно согласиться, поскольку электронные доказательства не только воспроизводятся, но порой и создаются с помощью электронных устройств и содержатся в них.

Если обратиться к международным актам и зарубежному законодательству, то определение понятия «электронные доказательства» также неоднозначно. Так, в соответствии с Концепцией электронных доказательств, предложенной Национальным институтом информационных технологий-INTECO Испании, электронное доказательство представляет собой данные, которые хранятся в цифровой форме или которые были переданы через компьютеры и собраны с помощью специализированных технических инструментов, используемых экспертом в области компьютерных исследований [16].

Согласно Закону Индонезии № 11 от 2008 г. «Об информации и электронных сделках» [17] цифровые (электронные) доказательства понимаются как электронная информация или электронный документ. Исходя из положений данного закона электронные доказательства можно разделить на следующие типы: файл, аудиофайл, удаленный файл, видеофайл, потерянный файл, файл изображения, резервный файл, электронная почта, файл журнала, имя пользователя и пароль, зашифрованный файл, SMS, MMS, BBM, файл стенографии, журнал вызовов и служебный файл.

На основе анализа рассмотренных позиций можно прийти к выводу об убедительности позиции тех авторов, которые относят электронное доказательство к новому виду доказательств [18. С. 143]. Действительно, электронное доказательство обладает особой формой представления и средой существования, формируется человеком и (или) машиной, требует специального способа введения в уголовный процесс, способствует установлению наличия или отсутствия обстоятельств, подлежащих доказыванию по данному уголовному делу.

Преимущество электронных доказательств заключается в том, что информация, содержащаяся на электронных носителях, является объективной, лишена влияния субъективных факторов, таких как возрастные, половые, этнические и профессиональные различия восприятия и запоминания, социально-психологические закономерности восприятия человека человеком, психическое состояние индивида и особенности его речевой деятельности. Кроме того, технические средства копирования, хранения и передачи электронной информации могут сделать ненужными бумажные уголовно-процессуальные документы.

В правоприменительной деятельности распространенным стало использование в качестве доказательств

скриншотов сообщений с телефона (Приговор Советского районного суда г. Томска № 1-25/2019 1-377/2018 от 9 декабря 2019 г. по делу № 1-275/2018 [20]), распечаток переписок из социальных сетей (Приговор Советского районного суда г. Томска № 1-192/2018 от 19 июня 2018 г. по делу № 1-192/2018 [21]), удаленных аудиосообщений, которые хранятся в памяти iPhone (Приговор Кировского районного суда г. Томска № 1-14/2019 1-406/2018 от 21 мая 2019 г. по делу № 1-14/2019 [22]), переписок в приложении WhatsApp (Приговор Стрежевского городского суда № 1-26/2018 от 7 июня 2018 г. по делу № 1-26/2018 [23]) и т.д. При этом такая информация представляется в ходе судебного разбирательства не только стороной обвинения, но и стороной защиты.

В зарубежных странах сфера использования электронных (цифровых) доказательств еще шире. Так, в одном из уголовных дел, возбужденному по факту совершения убийства, в качестве доказательства использовались данные, собранные с устройства Echo, принадлежащего подозреваемому. Во время совершения преступления через динамик Echo велась трансляция музыки, однако после произнесения соответствующего слова активировался виртуальный помощник Alexa, который начал вести запись всех фоновых разговоров. Данная запись была одним из ключевых обвинительных доказательств.

В другом деле источником доказательства стал Snapchat. Благодаря данному приложению пользователи снимают и передают любые изображения, к которым имеется доступ лишь ограниченное количество времени. Между тем в компании действует политика сохранения журналов с данными пользователей в течение 31 дня. В связи с этим эксперты в области цифровой криминалистики смогли получить доступ к журналам и воссоздать отправленные через приложение Snapchat удаленные снимки, на которых было запечатлено совершение преступления [19. С. 22–23].

В то же время особенности электронных доказательств как средств доказывания, обусловленные способом и субъектом их хранения (значительная часть данных может храниться специальным субъектом – провайдером), вызывают сложности с собиранием доказательств и дальнейшим их использованием. Цифровые доказательства непрочны и непостоянны. Неограниченный доступ к цифровой информации создает угрозу фальсификации или уничтожения информации без следов, что требует создания новых методов защиты целостности цифровых данных, обеспечивающих достоверность и допустимость полученной таким образом информации, ее безопасности и сохранности, исключающих возможность раскрытия персональных данных, кражи коммерческой, профессиональной, служебной и государственной тайны. Подлинность информации ставится под сомнение при ее многократном обмене между пользователями, приложениями, компьютерными системами, технологическое устаревание требует обновления или замены оборудования и (или) программного обеспечения, которое используется для хранения, обработки и передачи одной и той же ин-

формации. Кроме того, некоторые доказательства могут быть утеряны, когда выключена компьютерная система.

Указанные обстоятельства определяют критерии допустимости электронных доказательств и особенности их собирания. Представляется, что как и другие виды доказательств, электронные доказательства должны соответствовать критериям достоверности (подтверждать реальные факты), допустимости (иметь форму, отвечающую требованиям закона), относимости (должна существовать логическая связь между доказательствами, сведениями и обстоятельствами преступления).

Говоря о критериях допустимости, отечественные ученые-процессуалисты указывают, что данный вид доказательств должен подлежать идентификации (определение субъекта создания и модификации), аутентификации (определение подлинности), верифицируемости (определение даты, времени и способа создания и модификации), быть целостным (неизменным) и воспроизводимым (способность демонстрации доступным способом) [1. С. 620].

В зарубежной литературе отмечается, что электронное доказательство должно быть приемлемо, достоверно, полно и надежно, проверка на соответствие данным критериям осуществляется в многоэтапном процессе собирания доказательств [24. С. 142]. Первый этап – этап изъятия доказательств, в ходе которого следователь определяет, где находится доказательство, где оно хранится, как оно может быть использовано для целей расследования. В зависимости от предполагаемых фактов и связи предполагаемых доказательств с ними выделяют: реальные доказательства (программное обеспечение, представленное для доказательства факта владения цифровыми или цифровыми изображениями); документальные доказательства (электронные письма); косвенные доказательства (файлы журналов, отметки времени файлов, все виды системной информации, используемой для восстановления последовательности событий); свидетельство (нотариальные цифровые документы с цифровой подписью). Второй этап – тестирование электронных доказательств – состоит из обработки и извлечения соответствующей информации из множества собранных данных. Вместе с тем не допускается использование механизмов сжатия, шифрования и контроля доступа, поскольку даже небольшое изменение цифровых доказательств может отразиться на результатах расследования. Третий этап – этап анализа, который включает в себя идентификацию пользователя или внешнего пользователя, местоположения, устройства, совершаемых действий. При этом осуществлять анализ указанных компонентов необходимо в системе. Четвертый этап – этап отчетности, который представляет собой процесс документирования полученной информации.

Повышенные требования к допустимости применение электронных доказательств в России и зарубежных странах обусловлены, прежде всего, тем, что в уголовном процессе, где наиболее ограничиваются конституционные права граждан, использование цифровых тех-

нологий должно сопровождаться установлением надежных средств минимизации рисков и повышенных гарантий. Как верно указывают Ю.В. Гаврилин и А.В. Победкин, «задача цифровых технологий в уголовном судопроизводстве – не заменить процессуальную форму, не выхолостить традиционные гарантии правильного установления обстоятельств по уголовному делу, а оптимизировать порядок производства, облегчить работу должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу» [25. С. 31].

Основываясь на положениях о недопустимости сокращения объема процессуальных гарантий при использовании электронных доказательств, необходимости обеспечения получения достоверных сведений в ходе собирания доказательств, создания гарантий информационной безопасности при использовании цифровых ресурсов, можно выделить следующие особенности собирания электронных доказательств.

Во-первых, соблюдение общих принципов собирания доказательств. Во-вторых, участие в собирании доказательств специалиста, имеющего специальные устройства и программное обеспечение. В-третьих, до и во время собирания цифровых доказательств никакие действия не должны вызывать изменение цифровых доказательств. В-четвертых, все действия, связанные с собиранием, хранением, доступом или передачей цифровых доказательств, должны быть задокументированы,

сохранены и доступны для проверки лицами, чьи интересы могут быть затронуты производством данного процессуального действия (потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, защитник и др.). В-пятых, должностное лицо, работающее с электронными доказательствами, должно нести ответственность за всю деятельность, осуществляемую с ними. В-шестых, обеспечение надлежащей передачи или транспортировки цифровых доказательств, а также соответствующих условий для их хранения в зависимости от категории, содержащейся в ней информации.

Таким образом, можно прийти к выводу, что электронные (цифровые) доказательства представляют собой сведения, хранящиеся или передаваемые в цифровой форме, которые соответствующие субъекты могут использовать для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания или иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Между тем, учитывая природу электронных доказательств, необходимость обеспечить их эффективное использование при одновременном сохранении гарантий участников уголовного судопроизводства, в уголовно-процессуальном законодательстве следует закрепить понятие электронных доказательств, порядок их собирания, а также права и обязанности властных субъектов, привлекаемых ими лиц (специалистов, экспертов) при осуществлении данной процедуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зуев С.В. О современной концепции развития информационных технологий в уголовном судопроизводстве (РИТВУС) // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 618–629.
2. Калитин С.В. Доказательства электронные и цифровые // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2014. Т. 20. С. 3586–3590. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54981.htm> (дата обращения: 13.03.2019).
3. Иванов Н.А. Цифровые доказательства: понятие и классификация // Криминалистика в системе правоприменения : материалы науч.-практ. конф. М., 2008. С. 130–134.
4. Мецержаков В.А., Трухачев В.В. Формирование доказательств на основе электронной цифровой информации // Вестник Воронежского института МВД России. 2012. № 2. С. 108–110.
5. Федюкина А.Ю. Электронный носитель информации как доказательство по уголовным делам // Отечественная юриспруденция. 2016. № 12 (14). С. 44–45.
6. Балашова А.А. К вопросу о понятии «электронное доказательство» // Закон и право. 2018. № 6. С. 120–122.
7. Краснова Л.Б. Электронные носители информации как вещественные доказательства // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 4-2. С. 254–260.
8. Вехов В.Б. Работа с электронными доказательствами в условиях изменившегося уголовно-процессуального законодательства // Российский следователь. 2013. № 10. С. 22–24.
9. Ткачев А.В. Вопросы использования электронных носителей компьютерной информации в уголовном процессе в качестве доказательств иных документов // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3-2. С. 436–442.
10. Вехов В.Б., Смагоринский Б.П., Ковалев С.А. Электронные следы в системе криминалистики // Судебная экспертиза. 2016. № 2 (46). С. 10–19.
11. Пастухов П.С., Терехин В.В. К вопросу о понятии и сущности электронных доказательств в уголовном процессе // Вестник Коми Республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Государство и право. 2014. № 18. С. 69–75.
12. Черданцев А.Ю. Понятие цифровых доказательств, современное состояние и их роль в доказательственном процессе // Юридическая наука и практика. 2019. Т. 15, № 4. С. 55–60.
13. Александров А.С. «Похвала» теории формальных доказательств // Правоведение. 2002. № 4. С. 34–47.
14. Иванов Н.А. Цифровая информация в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2013. № 5 (10). С. 93–102.
15. Баранов А.М. Электронные доказательства: иллюзия уголовного процесса XXI в. // Уголовная юстиция. 2019. № 13. С. 64–69.
16. INTECO. URL: http://www.inteco.es/wikiAction/Security/Observatory/area_juridica_seguridad/Enciclopedia/Articulos_1/evidencia_electronica_es.2003 (Accessed: 13th November 2020).
17. National Library of Indonesia, Law of the Republic of Indonesia Number 11, 2008. URL: <http://datahukum.pnri.go.id/undang-undang/2008> (Accessed: 13th November 2020).
18. Зигура Н.А. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 234 с.

19. Allen J., Hallene A. Digital Evidence // American journal of family law. 2018. P. 21–24.
20. Приговор Советского районного суда г. Томска № 1-25/2019 1-377/2018 от 9 декабря 2019 г. по делу № 1-275/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/hktokOrwZgbO/> (дата обращения: 16.11.2020).
21. Приговор Советского районного суда г. Томска № 1-192/2018 от 19 июня 2018 г. по делу № 1-192/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/24RSMcYqaLr9/> (дата обращения: 16.11.2020).
22. Приговор Кировского районного суда г. Томска № 1-14/2019 1-406/2018 от 21 мая 2019 г. по делу № 1-14/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/iSJzY65uMYt/> (дата обращения: 16.11.2020).
23. Приговор Стрежевского городского суда № 1-26/2018 от 7 июня 2018 г. по делу № 1-26/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/KK2GSDjPXxB/> (дата обращения: 16.11.2020).
24. Syambas R., El Farisi N. Two-Step Injection Method for Collecting Digital Evidence in Digital Forensics Nana // J. ICT Res. Appl. 2014. Vol. 8, № 2. P. 141–156.
25. Гаврилин Ю.В., Победин А.В. Модернизация уголовно-процессуально формы в условиях информационного общества // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3 (51). С. 27–38.

Статья принята к публикации 24.05.2021.

On the Concept of Electronic Evidence and the Criteria for Their Admissibility

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 17, pp. 44–49. DOI: 10.17223/23088451/17/9

Olga V. Zheleva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zheleva.olga@gmail.com

Keywords: criminal proceedings, information technology, electronic evidence, criteria for evidence admissibility, collection of evidence

The article discusses the development of digital technologies in criminal proceedings and the process of proving in criminal cases in the era of global digitalization. Among the aspects that make this theme relevant are the dynamic development of information technologies, the conservatism and tradition of the criminal process, and the lack of proper regulation on this issue. The author aims at defining the concept of “electronic evidence”, specifying the list criteria for electronic evidence admissibility in Russian and foreign practice, and establishing the specifics of collecting evidence. The research methodology includes general and private methods of cognition: dialectical, formal-logical, comparative-legal, systemic, analysis and synthesis. The article provides an analysis of various perspectives of electronic evidence: electronic evidence is physical evidence; electronic evidence as belonging to other documents; electronic evidence as information in an electronic digital format obtained from a person, object or process and recorded on any material medium. The author adheres to the fourth position, according to which electronic evidence is an independent type of evidence, with its special form, media, mechanism of formation, and method of transformation into evidence. Providing examples of the use of electronic evidence in the Russian and foreign law enforcement practice, the author indicates their advantages and disadvantages and emphasizes that the complex storing, processing and transmitting digital information in an unchanged form determines the criteria for electronic evidence admissibility. Like other types of evidence, electronic one must meet the criteria of reliability, admissibility, and relevance. In addition, digital evidence should be subject to identification, authentication, verifiability, be complete (immutable) and reproducible. In conclusion, the author dwells on the peculiarities of collecting evidence, which should be enshrined in criminal procedural legislation: a) compliance with the general principles of collecting evidence; b) mandatory participation of a specialist; c) no actions causing a change in digital evidence before and during its collection; d) documenting all actions related to the collection, storage, access or transfer of digital evidence; e) responsibility of an official working with electronic evidence for all activities with it; e) ensuring the proper transmission or transportation of digital evidence, as well as appropriate conditions for its storage, depending on the category of information it contains.

References

1. Zuev, S.V. (2019) On the modern concept of development of information technology in criminal proceedings (RITVUS). *Permskiy yuridicheskii al'manakh – Perm Legal Almanac*. 2. pp. 618–629. (In Russian).
2. Kalitin, S.V. (2014) Electronic and digital evidence. *Kontsept*. 20. pp. 3586–3590. [Online] Available from: <http://e-kontsept.ru/2014/54981.htm> (Accessed: 13th March 2019).
3. vanov, N.A. (2008) Tsifrovye dokazatel'stva: ponyatie i klassifikatsiya [Digital evidence: concept and classification]. *Kriminalistika v sisteme pravoprimeneniya* [Criminalistics in the system of law enforcement]. Proc. of the Conference. Moscow. pp. 130–134.
4. Meshcheryakov, V.A. & Trukhachev, V.V. (2012) The evidence formation on the basis of electronic digital information. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii – The Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2. pp. 108–110. (In Russian).
5. Fedyukina, A.Yu. (2016) Elektronnyy nositel' informatsii kak dokazatel'stvo po ugovolnym delam [Electronic information carrier as evidence in criminal cases]. *Otechestvennaya yurisprudentsiya*. 12(14). pp. 44–45.
6. Balashova, A.A. (2018) K voprosu o ponyatii “elektronnoe dokazatel'stvo” [On the concept of “electronic evidence”]. *Zakon i pravo*. 6. pp. 120–122.
7. Krasnova, L.B. (2013) Electronic media as material evidence. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki – Izvestiya Tula State University. Economic and Legal Sciences*. 4-2. pp. 254–260. (In Russian).
8. Vekhov, V.B. (2013) Work with electronic evidence in criminal procedure legislation changed. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 10. pp. 22–24. (In Russian).
9. Tkachev, A.V. (2016) Voprosy ispol'zovaniya elektronnykh nositeley komp'yuternoy informatsii v ugovolnom protsesse v kachestve dokazatel'stv inykh dokumentov [Using electronic media of computer information in criminal proceedings as evidence of other documents]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki – Izvestiya Tula State University. Economic and Legal Sciences*. 3-2. pp. 436–442.
10. Vekhov, V.B., Smagorinskiy, B.P. & Kovalev, S.A. (2016) Cyber traces in forensic science. *Sudebnaya ekspertiza – Forensic Examination*. 2(46). pp. 10–19. (In Russian).

11. Pastukhov, P.S. & Terekhin, V.V. (2014) K voprosu o ponyatii i sushchnosti elektronnykh dokazatel'stv v ugolovnom protsesse [On the concept and essence of electronic evidence in criminal proceedings]. *Vestnik Komi Respublikanskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby i upravleniya. Seriya: gosudarstvo i pravo*. 18. pp. 69–75.
12. Cherdantsev, A.Yu. (2019) Concept of Digital Evidence, Current Status and Its Role in the Evidentiary Process. *Yuridicheskaya nauka i praktika*. 15(4). pp. 55–60. (In Russian). DOI: 10.25205/2542-0410-2019-15-4-55-60
13. Aleksandrov, A.S. (2002) “Pokhvala” teorii formal'nykh dokazatel'stv [“Praise” to the theory of formal evidence]. *Pravovedenie*. 4. pp. 34–47.
14. Ivanov, N.A. (2013) Tsifrovaya informatsiya v ugolovnom protsesse [Digital information in the criminal process]. *Biblioteka kriminalista*. 5(10). pp. 93–102.
15. Baranov, A.M. (2019) Electronic Evidence: Illusion of the Criminal Process of the 21st century. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 13. pp. 64–69. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/13/12
16. INTECO. (n.d.) [Online] Available from: http://www.inteco.es/wikiAction/Security/Observatory/area_juridica_seguridad/Enciclopedia/Articulos_1/evidencia_electronica_es.2003. [Accessed: 13th November 2020].
17. National Library of Indonesia. (2008) *Law of the Republic of Indonesia Number 11, 2008*. [Online] Available from: <http://datahukum.pnri.go.id/undang-undang/2008> [Accessed: 13th November 2020].
18. Zigura, N.A. (2010) *Komp'yuternaya informatsiya kak vid dokazatel'stv v ugolovnom protsesse Rossii* [Computer information as a type of evidence in the criminal process of Russia]. Law Cand. Diss. Chelyabinsk.
19. Allen, J. & Hallene, A. (2018) Digital Evidence. *American Journal of Family Law*. pp. 21–24.
20. The Sovietsky District Court of Tomsk. (2018a) *Prigovor Sovetskogo rayonnogo suda g. Tomska № 1-25/2019 1-377/2018 ot 9 dekabrya 2019 g. po delu № 1-275/2018* [Verdict No. 1-25 / 2019 1-377 / 2018 of the Soviet District Court of Tomsk dated December 9, 2019, Case No. 1-275 / 2018]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/hktokOrwZgbO/> (Accessed: 16th November 2020).
21. The Sovietsky District Court of Tomsk. (2018b) *Prigovor Sovetskogo rayonnogo suda g. Tomska № 1-192/2018 ot 19 iyunya 2018 g. po delu № 1-192/2018* [Verdict No. 1-192 / 2018 of the Soviet District Court of Tomsk of June 19, 2018, Case No. 1-192 / 2018]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/24RSMcYqaLr9/> (Accessed: 16th November 2020).
22. The Kirovsky District Court of Tomsk. (2019) *Prigovor Kirovskogo rayonnogo suda g. Tomska № 1-14/2019 1-406/2018 ot 21 maya 2019 g. po delu № 1-14/2019* [Verdict No. 1-14 / 2019 1-406 / 2018 of the Kirovsky District Court of Tomsk of May 21, 2019, Case No. 1-14 / 2019]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/iSJzLY65yMYt/> (Accessed: 16th November 2020).
23. The Strezhevoy City Court. (2018) *Prigovor Strezhevskogo gorodskogo suda № 1-26/2018 ot 7 iyunya 2018 g. po delu № 1-26/2018* [Verdict No. 1-26 / 2018 of the Strezhevoy City Court dated June 7, 2018, Case No. 1-26 / 2018]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/KK2GDSDjPXxB/> (Accessed: 16th November 2020).
24. Syambas, N.R. & Farisi, N.El. (2014) Two-Step Injection Method for Collecting Digital Evidence in Digital Forensics. *Journal of ICT Research and Applications*. 8(2). pp. 141–156. DOI: 10.5614/ITBJ.ICT.RES.APPL.2014.8.2.5
25. Gavrilin, Yu.V. & Pobedkin, A.V. (2019) Modernization of criminal procedure in the information society. *Trudy Akademii Upravleniya MVD Rossii – Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 3(51). pp. 27–38. (In Russian).

Received: 24 May 2021.

Э.С. Каминский

УСЛОВИЯ ПРИМЕНЕНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБОВ РАЗРЕШЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ КОНФЛИКТОВ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Определяются группы условий, необходимых для применения альтернативных способов разрешения уголовно-правового конфликта. Их целесообразность обусловлена, в том числе, тем, что они направлены на минимизацию уголовной репрессии в ситуациях, когда общество не заинтересовано в осуждении и наказании преступника, загладившего причиненный ущерб; значительно рационализируют используемые при этом процессуальные ресурсы; существенным образом ускоряют уголовное судопроизводство; позволяют избежать стигматизации лица, совершившего преступление.

Ключевые слова: *альтернативные способы разрешения конфликтов, компромисс, публичные интересы, примирение сторон, прекращение уголовного преследования*

Публичные интересы в уголовном судопроизводстве могут быть реализованы не только посредством традиционного уголовного преследования и осуждения виновного, но и с помощью альтернативных мер, которые направлены на минимизацию уголовной репрессии в ситуациях, когда общество не заинтересовано в осуждении и наказании преступника, загладившего причиненный ущерб, а также защиту прав потерпевших. Как верно отмечает Л.В. Головкин, появление разнообразных механизмов альтернативного разрешения уголовно-правовых конфликтов обусловлено множеством предпосылок уголовно-правового, уголовно-процессуального, криминологического, уголовно-политического, экономического и социального характера [1. С. 25]. Не всегда уголовное преследование и осуждение способны надлежащим образом разрешить уголовно-правовой конфликт, порожденный преступлением. Если видеть цель разрешения конфликта как нейтрализацию негативных последствий преступления, то назначение наказания, предполагающего принудительное разрешение конфликта, не всегда эффективно.

Тенденция последних десятилетий в мировой практике – расширение таких способов разрешения уголовно-правовых конфликтов, в основе которых лежит компромисс между участниками конфликта. Основой компромисса являются позитивные посткриминальные действия, осуществляемые лицом, совершившим преступление, и готовность пострадавшей стороны в виде общества и потерпевшего к такому компромиссу. И если позиция потерпевшего формируется субъективно под воздействием множества факторов, то готовность общества к применению подобных мер объективизируется в нормах, определяющих основания для применения уголовно-процессуальных процедур компромиссного характера, и диспозитивной возможности властных участников процесса применить подобного рода процедуры. Особое место среди компромиссных вариантов разрешения уголовно-правовых споров занимают альтернативные традиционному уголовному преследованию меры. Альтернативные меры – меры, не связанные с доведением до конца уголовного преследования, принимаемые компетентными органами

при наличии оснований, указанных в законе [1. С. 20–21; 2. С. 24–25]. Как верно отмечает Ю.В. Кувалдина, альтернативные способы – те, в которых отсутствуют такие юридические последствия преступления, как уголовная ответственность и наказание [3. С. 10].

В их основе лежат идеи снижения степени репрессивности реагирования государства на общественно опасное деяние, социального компромисса, возмещения причиненного ущерба. Традиционно альтернативные способы разрешения уголовно-правовых споров рассматриваются в контексте восстановительного правосудия, суть которого заключается в оценке преступления как конфликта между индивидами и социальными группами, а не нарушения уголовно-правового запрета, что предполагает в качестве цели уголовно-процессуальной деятельности примирение и возмещение ущерба, восстановление нарушенных отношений в социуме [4–6].

Согласно концепции восстановительного правосудия в ходе уголовного судопроизводства необходимо осуществлять действия, направленные на устранение неблагоприятных последствий конфликта в будущем (в отличие от действующей модели, где внимание сосредоточено на событии прошлого, доказывании вины и установлении ответственности правонарушителя, а потерпевший оказывается на периферии производства по делу). Альтернативное разрешение уголовно-правовых споров за пределами классической уголовной юстиции в западной правовой доктрине обозначается как *diversion* (отклонение) и предполагает нетрадиционную реакцию на преступление, когда оно не остается без последствий, но последствия наступают без уголовной ответственности и наказания [1. С. 20–21; 2. С. 24–25].

Безусловно, альтернативные меры не могут заменить традиционную модель уголовного преследования, они неприменимы в отношении преступлений с высокой степенью общественной опасности, существенным образом затрагивающими интересы общества, лиц с социально-криминальной направленностью, неоднократно совершавших преступления, не всегда альтернативные меры могут быть применены, когда одна из сторон конфликта не желает примирения. Нельзя не

согласиться с О.И. Андреевой и соавт. в том, что «уголовный процесс наряду с уголовным и уголовно-исполнительным правом является элементом механизма, с помощью которого государство обеспечивает правопорядок, мир и спокойствие в обществе, устойчивость общественных отношений» [7. С. 5]. Они могут быть применены лишь тогда, когда они признаются более предпочтительными по сравнению с традиционным осуждением и их основной задачей является возмещение вреда, причиненного обществу и потерпевшему. Целесообразность применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов обусловлена, в том числе, тем, что они значительно рационализируют используемые при этом процессуальные ресурсы, существенным образом ускоряют уголовное судопроизводство, позволяют избежать стигматизации лица, совершившего преступление.

Как верно пишет Л.М. Карнозова, «осужденные, содержащиеся в местах лишения свободы, утрачивают способность к социальной адаптации, к жизни в нормальном обществе <...> вновь совершают преступления в связи с утратой социальных связей, неприспособленностью к жизни на свободе, отсутствием возможности устроиться на работу». Автор отмечает, что процессы, происходящие в местах лишения свободы, нельзя назвать исправлением, там «атрофируются элементарные социальные навыки, чувство ответственности за себя и близких, культивируется рецидивная преступность. Чем лучше осужденный приспособится к тюремной жизни, тем сложнее ему на свободе». Ссылаясь на проведенные социологические исследования, Л.М. Карнозова утверждает, что потерпевшие по делам о преступлениях корыстной направленности считают предпочтительным возмещение ущерба, нежели наказание преступника [8].

Если уголовно-правовой конфликт разрешается на самых ранних этапах уголовного судопроизводства, это обеспечивает процессуальную экономию, ускоряет процесс достижения компромисса и разрешения конфликта. Как верно отмечает О.В. Кузьмина, альтернативные меры «способствуют разрешению кризиса традиционной концепции реакции государства на нарушение уголовного закона», «позволяют найти оптимальные способы разрешения конфликтов», «дают возможность использовать наряду с методом принуждения метод поощрения», «в кратчайшие сроки восстанавливают права потерпевшего» [9. С. 53–54].

Следует отметить, что разумный подход к применению альтернативных способов разрешения уголовно-правовых споров значительно повышает эффективность судопроизводства. Как пишет О.В. Качалова, эффективность уголовного судопроизводства может быть оценена с точки зрения количественных показателей (экономический эффект) и качественных, определяющих социальную эффективность, что «предполагает оценку степени достижения результатов и поставленных целей». Автор пишет, что эффективность уголовного судопроизводства базируется на простой идее: выборе лучшего (в том числе и с ресурсосберегающей точки зрения) из возможных вариантов для приведения

системы в более совершенное состояние [10. С. 32]. Нацеленность альтернативных процедур на достижение компромисса, активное участие сторон в разрешении конфликта приводят к достижению результата, который устраивает обе стороны и, как правило, оценивается ими как справедливый. Применение таких процедур позволяет государству экономить процессуальные ресурсы и использовать их для расследования и разрешения уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях. К числу альтернативных мер разрешения уголовно-правовых конфликтов следует отнести различные виды примирения и медиации, а также различные виды освобождения от уголовной ответственности.

Определяя степень соответствия альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов публичным интересам, необходимо отметить следующее. В последние десятилетия мы отчетливо видим, как изменяется парадигма современного уголовного и уголовно-процессуального права: курс на приоритет прав и свобод человека провозглашен отнюдь не декларативно, реформирование законодательства осуществляется в направлении гуманизации, снижения степени уголовной репрессии, предоставлении участникам уголовного судопроизводства дополнительных процессуальных инструментов и возможностей для обеспечения своих правовых интересов. Л.М. Карнозова пишет о том, что «уголовно-правовая доктрина под жертвой... имеет в виду отнюдь не тех, кто реально пострадал от преступления. Жертвой является государство, и отвечает преступник перед ним» [8].

Полагаем, что в последние годы такой подход стал постепенно изменяться. Ю.В. Кувалдина совершенно справедливо отмечает, что в современном уголовном процессе публичный интерес наполняется новым содержанием: защита прав и свобод является «публично-правовой обязанностью компетентных государственных органов и должностных лиц, высшим проявлением... общественного интереса» [3]. Л.А. Воскобитова пишет о принципиально новом состоянии общественных отношений, когда государство признало, что права человека являются высшей ценностью и обеспечиваются государством [11. С. 44].

Задачей номер один в связи с этим представляется поиск разумного баланса между публичными и частными интересами при применении альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в условиях изменения содержания публичных интересов в контексте изменения парадигмы современной уголовной и уголовно-процессуальной политики. О балансе частных и публичных интересов при применении компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов неоднократно говорилось в уголовно-процессуальной науке [10; 12. С. 99–104]. По меткому выражению Ю.В. Кувалдиной, «современные компромиссные модели судопроизводства базируются на компромиссе двух начал – публичного и диспозитивного» [3]. Нельзя не согласиться и с И.П. Поповой в вопросе о том, что соблюсти этот баланс весьма непросто «в силу конфликтности возникших в результате преступления правоотношений, где интересы участни-

ков, как правило, противостоят друг другу» [13. С. 20–21]. В каких же случаях можно говорить о том, что применение альтернативных мер разрешения уголовно-правовых конфликтов соответствует публичным интересам? Основная сложность – определить достаточную совокупность критериев, которые позволят в каждом уголовно-правовом конфликте сделать вывод о том, является ли необходимым его разрешение традиционным способом – с привлечением к уголовной ответственности и назначением наказания либо более предпочтительно применение альтернативных способов его разрешения. Ситуация, складывающаяся в связи с совершением преступления и возникновением уголовно-правового конфликта, уникальна в каждом конкретном случае и обусловлена множеством факторов – особенностями совершения преступления, его тяжестью и общественной опасностью; характеристиками лица, его совершившего, и потерпевшего; вовлеченности общества в возникший конфликт (освещение в прессе, общественный резонанс); особенностями посткриминального поведения и т.д.

Представляется возможным всю совокупность многообразных факторов, способных повлиять на разрешение вопроса о возможности разрешения уголовно-правового конфликта альтернативным способом, разделить на несколько условных групп:

1) условия, относящиеся к совершенному деянию: тяжесть преступления и его общественная опасность;

2) условия, относящиеся к личности преступника и его поведению: возраст, пол, состояние здоровья, характеристика, факты совершения преступлений в прошлом, криминальные наклонности, посткриминальное поведение – раскаяние, деятельное сотрудничество, заглаживание причиненного вреда, возмещение причиненного ущерба и т.д.;

3) условия, касающиеся процессуальной целесообразности и организации уголовного преследования: рационализация (процессуальная экономия) и ускорение процесса разрешения конфликта;

4) консенсуальные условия: согласие сторон уголовно-правового конфликта на применение альтернативного способа разрешения и согласие общества (отсутствие негативной реакции на отказ от традиционного уголовного преследования).

Учет вышеуказанной совокупности факторов позволит, на наш взгляд, сделать вывод о возможности достижения гармоничного баланса между публичными и частными интересами при применении альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в каждом конкретном случае. В связи с этим полагаем теоретически обоснованным и практически целесообразным выделение трех основных направле-

ний в дальнейшем развитии законодательства и правоприменительной практики в данной сфере:

1. Внедрение в уголовно-процессуальное законодательство новых альтернативных технологий, направленных на наиболее раннее урегулирование уголовно-правовых конфликтов. Достижение публичного, общественно значимого интереса при одновременном сокращении мер государственной репрессии и принуждения в уголовном судопроизводстве предполагает необходимость расширения альтернативных технологий и процессуального инструментария властно уполномоченных участников уголовного судопроизводства. При этом следует отметить, что новые уголовно-процессуальные институты могут имплементироваться в уголовный процесс лишь при условии, если соответствуют сложившимся культурно-историческим традициям, менталитету населения, типу правопонимания, особенностям правоприменения. Нельзя не согласиться и с Л.А. Воскобитовой в вопросе о том, что уголовно-процессуальные технологии должны быть оптимально адекватными традиционной для России публично-правовой природе реагирования государства на совершенное преступление [11. С. 44].

2. Расширение возможностей применения существующих уголовно-процессуальных институтов, позволяющих разрешить уголовно-правовые конфликты на более ранних этапах уголовного судопроизводства (расширение оснований для отказа от возбуждения уголовного дела и уголовного преследования, смещение процедуры применения альтернативных способов разрешения споров на более ранние этапы производства по уголовным делам).

3. Наделение прокурора всей широтой полномочий по применению (в отдельных случаях – контролю за применением) любых альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в ходе досудебного производства по делу. С учетом традиционно важной роли прокурора, сложившегося на протяжении веков в российском государстве, его функций в уголовном судопроизводстве, а также во избежание злоупотреблений полномочиями должностными лицами, ответственными за производство по делу и коррупционных рисков, полагаем возможным применение альтернативных мер разрешения уголовно-правовых конфликтов сделать отчасти прерогативой прокурора, в остальных случаях – применять их с согласия прокурора. Именно прокурор должен производить оценку вышеуказанных факторов в их совокупности и принимать на основе внутреннего убеждения решение о том, какой из способов разрешения уголовно-правовых конфликтов является наиболее предпочтительным в данном конкретном случае – традиционный либо какой-то из альтернативных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. 542 с.
2. Альтернативное разрешение споров в уголовном процессе. Минск : БГУ, 2015. 223 с.
3. Кувалдина Ю.В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2011. URL: http://kalinovskiy-k.narod.ru/b/kuvaldina_2011/index.html (дата обращения: 30.04.2021).

4. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. М. : МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. 328 с.
5. Арутюнян А.А. Медиация в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 32 с.
6. Максудов Р.Р. Программы восстановительного разрешения конфликтов и криминальных ситуаций: от уникальных эпизодов к заживлению социальной ткани. М. : МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. 256 с.
7. Андреева О.И., Лонь С.Л., Рукавишников А.А., Трубникова Т.В. Вектор направления дальнейшего развития уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2017. № 4. С. 5–9.
8. Карнозова Л.М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление). М., 2021. URL: <https://iknigi.net/avtor-lyudmila-karnozova/203039-vvedenie-v-vosstanovitelnoe-pravosudie-mediatsiya-v-otvet-na-prestuplenie-lyudmila-karnozova/read/page-3.html> (дата обращения: 30.04.2021).
9. Кузьмина О.В. Альтернативные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов в российском праве // Lex Russica. 2015. № 1. С. 52–57.
10. Качалова О.В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 489 с.
11. Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство как социальная технология // Философские науки. 2014. № 10. С. 37–46.
12. Марковичева Е.В. Перспективы внедрения в российский уголовный процесс специальных примирительных процедур // Российское правосудие. 2020. № 9. С. 99–104.
13. Попова И.П. Обвинительный приговор без назначения наказания в российском уголовном судопроизводстве : сущность, основания и порядок постановления : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2018. 321 с.

Статья принята к публикации 24.05.2021.

Conditions for the Application of Alternative Methods of Resolving Criminal Conflicts to Protect Public Interests

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 17, pp. 50–53. DOI: 10.17223/23088451/17/10

Eduard S. Kaminsky, Supreme Court of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation). E-mail: 2887500@mail.ru

Keywords: alternative ways of resolving conflicts, compromise, public interests, reconciliation of parties, termination of criminal prosecution

Public interests in criminal proceedings can be served not only through the perpetrator's conviction, but also through alternative measures for resolving criminal conflicts. Their expediency is due, inter alia, to the fact that they are aimed at minimizing criminal repression in situations when society is not interested in the conviction and punishment of the offender who made amends for the damage caused. Such measures significantly rationalize the procedural resources used in this case, expedite criminal proceedings, and prevent the perpetrator's stigmatization. Alternative methods can be used due to a set of conditions related to the committed act: offender's personality and behavior, procedural expediency and organization of criminal prosecution, rationalization, acceleration, and consent of the parties and society.

References

1. Golovko, L.V. (2002) *Al'ternativy ugovolnomu presledovaniyu v sovremennom prave* [Alternatives to criminal prosecution in modern law]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr PRESS.
2. Zaytseva, L.L., Samarin, V.I., Zhigulich, V.S. et al. (2015) *Al'ternativnoe razreshenie sporov v ugovolnom protsesse* [Alternative Dispute Resolution in Criminal Procedure]. Minsk: BSU.
3. Kuvaldina, Yu.V. (2011) *Predposylki i perspektivy razvitiya kompromisnykh sposobov razresheniya ugovolno-pravovykh konfliktov v Rossii* [Preconditions and prospects for the development of compromise methods of resolving criminal-legal conflicts in Russia]. Law Cand. Diss. Samara. [Online] Available from: http://kalinovsky-k.narod.ru/b/kuvaldina_2011/index.html (Accessed: 30th April 2021).
4. Zer, Kh. (2002) *Vosstanovitel'noe pravosudie: novyy vzglyad na prestuplenie i nakazanie* [Restorative justice: a new look at crime and punishment]. Moscow: MOO Tsentr "Sudebno-pravovaya reforma".
5. Arutyunyan, A.A. (2012) *Mediatsiya v ugovolnom protsesse* [Mediation in the criminal process]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
6. Maksudov, R.R. (2002) *Programmy vosstanovitel'nogo razresheniya konfliktov i kriminal'nykh situatsiy: ot unikal'nykh epizodov k zazhivleniyu sotsial'noy tkani* [Programs for restorative resolution of conflicts and criminal situations: from unique episodes to the healing of social tissue]. Moscow: MOO Tsentr "Sudebno-pravovaya reforma".
7. Andreeva, O.I., Lon, S.L., Rukavishnikova, A.A. & Trubnikova, T.V. (2017) Vector of the direction of further development of criminal legal proceedings. *Ugolovnoe pravo*. 4. pp. 5–9. (In Russian).
8. Karnozova, L.M. (2021) *Vvedenie v vosstanovitel'noe pravosudie (mediatsiya v otvet na prestuplenie)* [Introduction to restorative justice (mediation in response to crime)]. [Online] Available from: <https://iknigi.net/avtor-lyudmila-karnozova/203039-vvedenie-v-vosstanovitelnoe-pravosudie-mediatsiya-v-otvet-na-prestuplenie-lyudmila-karnozova/read/page-3.html> (Accessed: 30th April 2021).
9. Kuzmina, O.V. (2015) Alternative means of criminal legal conflicts resolution in contemporary Russian law. *Lex Russica*. 1. pp. 52–57. (In Russian).
10. Kachalova, O.V. (2016) *Uskorennoe proizvodstvo v rossiyskom ugovolnom protsesse* [Accelerated proceedings in the Russian criminal process]. Law Dr. Diss. Moscow.
11. Voskobitova, L.A. (2014) Criminal procedure as a social technology. *Filosofskie nauki – Russian Journal of Philosophical Sciences*. 10. pp. 37–46. (In Russian).
12. Markovicheva, E.V. (2020) Prospects for the implementation of special conciliation procedures in the Russian criminal process. *Rossiyskoe pravosudie – Russian Justice*. 9. pp. 99–104. (In Russian).
13. Popova, I.P. (2018) *Obvinitel'nyy prigovor bez naznacheniya nakazaniya v rossiyskom ugovolnom sudoproizvodstve: sushchnost', osnovaniya i poryadok postanovleniya* [Verdict of guilty without imposing punishment in Russian criminal proceedings: essence, grounds and order of ruling]. Law Cand. Diss. Tomsk.

Received: 24 May 2021.

П.А. Кукса

О ФУНКЦИЯХ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Рассматриваются вопросы, касающиеся функций и полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве. В качестве основных функций прокурора выделяются прокурорский надзор и уголовное преследование. Высказывается предположение о том, что функция надзора в работе прокурора является первостепенной и наиболее важной.

Ключевые слова: *прокурор, прокурорский надзор, уголовное преследование, функции прокурора, полномочия, обвинение, деятельность прокурора*

Правовой статус прокурора подробно закрепляется уголовно-процессуальным законом России и активно обсуждается различными учеными, так как прокурор является именно той процессуальной фигурой, которая призвана обеспечить законность, обоснованность и мотивированность проводимых по делу процессуальных действий и принимаемых по делу процессуальных решений.

Хотя прокурор и обладает большим количеством прав, его уголовно-процессуальный статус в действующем Уголовно-процессуальном кодексе (УПК) РФ необоснованно сужен после принятия Федерального закона от 05.06.2007 № 87 [1]. Эти изменения породили многочисленные споры среди ученых и практиков о роли прокурора в уголовном процессе.

Остановимся на таких важных функциях прокурора в уголовном процессе, как надзор и уголовное преследование. В соответствии с ч. 1 ст. 37 УПК РФ прокурор уполномочен осуществлять в ходе уголовного судопроизводства уголовное преследование от имени государства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия.

Как утверждает К.И. Амирбеков, «одним из видов прокурорского надзора за деятельностью правоохранительных органов является прокурорский надзор за исполнением законов в досудебном производстве по уголовному делу, который, как верно отмечается в литературе, является вневедомственным, способным обеспечить верховенство права над ведомственными интересами» [2. С. 32]. Как отмечает О.А. Грачева, «потребность в нем весьма остра, особенно если учесть, что ряд важных проблем (сокрытие преступлений от учета; вынесение необоснованных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела), существующих в досудебном производстве, до сих пор не решен» [3. С. 86].

Законодатель применительно к прокурору, участвующему в уголовном судопроизводстве, указывает и на другие виды процессуальной деятельности: уголовное преследование (ч. 1 ст. 37 УПК РФ) и государственное обвинение (ч. 3 ст. 37 УПК РФ). Поэтому можно сказать о том, что характер деятельности прокурора является многоаспектным и распространяется не только на досудебное производство, но и на весь уголовный процесс.

Однако в этом вопросе существуют определенные проблемы. Какую функцию прокурора считать пер-

вичной и главной – надзора или уголовного преследования?

Действующее уголовно-процессуальное законодательство, в отличие от УПК РСФСР, непосредственно закрепило за прокурором обязанность осуществлять уголовное преследование наряду с надзором (ч. 1 ст. 37 УПК РФ). При этом уголовное преследование упоминается первым, а надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия – вторым. Это укрепило уверенность отдельных авторов в правильности высказанного еще в советские годы суждения о существовании в рамках уголовного судопроизводства не одной функции прокурора (функции надзора), а нескольких (руководство расследованием, поддержание обвинения) [4].

Сегодня прокурорский надзор представляет собой специфическую деятельность государственных федеральных органов прокуратуры, осуществляемую от имени Российской Федерации и состоящую в проверке точности соблюдения Конституции Российской Федерации и исполнения законов, действующих на ее территории.

Рассмотрим некоторые точки зрения. Одни ученые утверждают, что прокурору присущи не одна, а несколько его основных функций. Например, Л.М. Володина полагает, что, наряду с надзором, прокурор выполняет также функции уголовного преследования и руководства предварительного следствия [5. С. 155]. О.Я. Баев, рассматривая прокурорскую деятельность в уголовном судопроизводстве, особо выделял только функцию уголовного преследования [6. С. 67], однако мы не согласны с такой позицией.

Многие авторы остаются на позиции осуществления прокурором не одной, а нескольких функций. П.В. Фадеев обосновывает мнение о том, что прокурор выполняет, наряду с другими функциями, еще и функцию по оказанию правовой помощи [7. С. 195, 197].

По мнению Ю.В. Деришева, «прокурор в досудебном производстве должен выступать в разных ролях: при производстве предварительного следствия – исключительно как сторона обвинения, лишенная надзорных полномочий; в досудебном и сокращенном производствах – как процессуальный руководитель уголовного преследования, совмещающий функции обвинения и надзора за законностью уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности» [8. С. 13].

Особого внимания заслуживает точка зрения А.Г. Халиулина, согласно которой надзор следует рассматривать в качестве основной функции прокурора, а иные процессуальные функции – в качестве производных функций. Причем к иным функциям автор относит не только уголовное преследование, но и правозащитную функцию [9. С. 84–96]. Схожую позицию занимает О.В. Воронин [10. С. 82]. В свою очередь, О.В. Химичева полагает, что «основной уголовно-процессуальной функцией, для выполнения которой прокурор действует на досудебном производстве, выступает надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия; в то же время основополагающая уголовно-процессуальная функция – уголовное преследование – на данном этапе для прокурора является дополнительной» [11].

О приоритетности надзора по сравнению с иными видами прокурорской деятельности пишут и другие авторы. Так, В.Н. Григорьев, А.В. Победкин, В.Н. Калинин видят в прокурорском надзоре не просто основную функцию прокуратуры, они характеризуют ее как системообразующую функцию: «Все иные направления деятельности прокуратуры обусловлены существованием прокурорского надзора и обеспечивают его эффективность» [12. С. 51]. Такого же мнения придерживается и В.В. Трухачев: «...приоритетной в досудебном производстве является именно надзорная функция прокуратуры, трудно не согласиться с теми авторами, которые утверждают, что функция надзора за соблюдением закона – категория более высокого уровня, нежели функция уголовного преследования» [13. С. 195–202].

Уголовное преследование – это процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, а также важная часть уголовного судопроизводства в целом. Российское законодательство предоставляет полномочия осуществлять уголовное преследование четырем участникам уголовного процесса: дознавателю, следователю, прокурору, руководителю следственного органа. Однако с учетом изменений прокурор оказался лишенным многих полномочий в рамках осуществления руководства расследованием. У ряда ученых сложилось мнение о том, что не прокурор, а следователь и его руководитель теперь являются органами уголовного преследования.

Существуют и противоположные точки зрения. Например, В.А. Лазарева утверждает, что за прокурором сохранена функция уголовного преследования и выражается она в полномочиях прокурора по надзору за деятельностью следователя [14]. Как отмечает И.В. Скребов, «закон устанавливает обязанность прокурора о принесении извинений за моральный вред реабилитированному лицу. Данное положение усиливает ответственность прокурора за исход предварительного расследования. Таким образом, можно утверждать, что прокурор является субъектом уголовного преследования» [15. С. 306–308].

Применительно к уголовному судопроизводству основным направлением деятельности прокурора является обвинение. Недаром законодатель отнес прокурора к участникам со стороны обвинения (п. 47 ст. 5 УПК РФ, гл. 6 УПК РФ). Полагаем, что такой подход объясняется, прежде всего, тем, что многие действия, выполняемые прокурором, носят обвинительный характер.

Как отмечает А.А. Насонов, «уголовное преследование, руководство предварительным расследованием и другие виды прокурорской деятельности одновременно остаются способами, конкретизирующими прокурорский надзор в уголовном судопроизводстве. Полагаем, что такой взгляд на функцию прокурора в уголовном судопроизводстве больше соответствует концепции действующего уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, ориентированной на состязательный процесс» [16. С. 124–132]. По мнению Ю.А. Авагимовой, функция обвинения «присуща прокуратуре на протяжении достаточно большого промежутка времени и есть у прокуратур почти во всех странах современного мира» [17. С. 66].

Современные ученые не пришли к единому мнению, какая из функций прокурора является первостепенной, а какая второстепенной. Считаем, что эти функции по-своему важны, они соотносятся как общее и частное. Функция прокурорского надзора является общей, включающей в себя все сферы общественных отношений, регулируемых законодательством, а не только деятельность прокурора в рамках уголовного судопроизводства. Прокурорский надзор имеет место не только там, где осуществляется уголовное преследование. Возможно, именно поэтому ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» функцию прокурорского надзора ставит на первое место, отсюда функцию надзора можно назвать магистральным направлением деятельности органов прокуратуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон О прокуратуре Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 22 декабря 2014 года: [принят Государственной Думой 11 мая 2007 года: одобрен Советом Федерации 25 мая 2007 года]* // СПС «КонсультантПлюс».
2. *Амирбеков К.И.* Баланс полномочий прокурора и руководителя следственного органа: концептуальный подход // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2013. № 1 (33). С. 28–35.
3. *Грачева О.А.* Организация проведения прокурором проверок на стадии возбуждения уголовного дела // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 4. С. 84–86.
4. *Карев Д.С., Левина М.М.* Советский уголовный процесс : альбом наглядных пособий : [учеб. пособие для юрид. школ и курсов]. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1950 (20-я тип. Союзполиграфпрома). 160 с.
5. *Володина Л.М.* О статусе следователя и функциях уголовного процесса // 50 лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2005. Ч. 1. 511 с.
6. *Баев О.Я.* Следователь как адресант прокурора; прокурор как адресат следователя и адресант суда // Библиотека криминалиста. 2017. № 2 (31). С. 61–68.

7. *Фадеев П.В.* Теоретические основы правовой помощи участникам уголовного судопроизводства / под ред. О.А. Зайцева. М. : Юрлитинформ, 2014. 278 с.
8. *Дерисhev Ю.В.* Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2005. 51 с.
9. *Халиулин А.Г.* Уголовно-процессуальное законодательство России о деятельности прокурора // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2017. № 3 (82). С. 84–96.
10. *Воронин О.В.* Прокурорский надзор в Российской Федерации : учеб.-метод. комплекс. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2021. 266 с.
11. *Химичева О.В.* Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. 46 с.
12. *Григорьев В.Н., Победкин А.В., Калинин В.Н.* Процессуальная регламентация предварительного расследования в результате реформы 2007 года // Государство и право. 2008. № 6. С. 48–58.
13. *Трухачев В.В., Ахмедов У.Н.О.* Функции и полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве и их отражение в процессуальном статусе прокурора // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 1. С. 195–202.
14. *Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики : учеб. для вузов / В. А. Лазарева [и др.] ; под ред. В.А. Лазаревой, А.А. Тарасова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. 390 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-08808-3.*
15. *Скребов И.В.* Проблемные вопросы определения функций прокурора на стадии предварительного расследования в уголовном судопроизводстве // Научный электронный журнал Меридиан. 2020. № 2 (36). С. 306–308.
16. *Насонов А.А.* Уголовно-процессуальные функции и полномочия прокурора как факторы, определяющие специфику прокурорского надзора в досудебном производстве // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2021. Т. 31, № 1. С. 124–132.
17. *Авагимова Ю.А.* Функции прокурора в уголовном судопроизводстве // Порядок: история, теория, практика. 2017. № 4 (15). С. 64–66.

Статья принята к публикации 24.05.2021.

On the Prosecutor's Functions in Criminal Proceedings

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 17, pp. 54–57. DOI: 10.17223/23088451/17/11

Pavel A. Kuksa, Bryansk State University (Bryansk, Russian Federation). E-mail: kuxa_pavel_law@mail.ru

Keywords: prosecutor, prosecutor's supervision, criminal prosecution, functions of a prosecutor, powers, accusation, activities of a prosecutor

The prosecutor's legal status is detailed in the Russian law of criminal procedure and is actively discussed by various scholars. The prosecutor is the procedural figure who is called upon to ensure the legality, validity and motivation of the procedural actions and decisions in the case. Supervision in pre-trial proceedings, as in any other sphere, is the prosecutor's primary function. The multifaceted nature of the prosecutor's activities extends not only to pre-trial proceedings, but also to the entire criminal process. We believe the prosecutor's supervision to be the primary and most important function.

References

1. Russian Federation. (2014) *Federal Law N 87-FZ "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Federal Law On the Prosecutor's Office of the Russian Federation dated June 5, 2007, text as amended on December 22, 2014: [adopted by the State Duma on May 11, 2007; approved by the Federation Council on May 25, 2007]]*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_38313/ (In Russian).
2. Amirbekov, K.I. (2013) Balance of powers between a public prosecutor and a head of investigation agency: a conceptual approach. *Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii*. 1(33). pp. 28–35. (In Russian).
3. Gracheva, O.A. (2017) Organizatsiya provedeniya prokurorom proverok na stadii vzbuzhdeniya ugovnogo dela [Prosecutor's inspections at the stage of a criminal case initiation]. *Sudebnaya vlast' i ugovnnyy protsess – Judicial Authority and Criminal Process*. 4. pp. 84–86.
4. Karev, D.S. & Levina, M.M. (1950) *Sovetskiy ugovnnyy protsess: Al'bom naglyadnykh posobiy* [Soviet Criminal Process: Album of Visual Aids]. Moscow: Gos. izd-vo yurid. lit.
5. Volodina, L.M. (2005) O statuse sledovatelya i funktsiyakh ugovnogo protsessa [On the status of the investigator and the functions of the criminal procedure]. *50 let kafedre ugovnogo protsessa UrGYuA (SYul)* [50 years of the Department of Criminal Procedure of the Ural State Law Academy]. Proc. of the International Conference. Vol. 1. Ekaterinburg: [s.n.].
6. Baev, O.Ya. (2017) Sledovatel' kak adresant prokurora; prokuror kak adresat sledovatelya i adresant suda [The investigator as an addresser of the prosecutor; prosecutor as addressee of the investigator and addressant of the court]. *Biblioteka kriminalista*. 2(31). pp. 61–68.
7. Fadeev, P.V. (2014) *Teoreticheskie osnovy pravovoy pomoshchi uchastnikam ugovnogo sudoproizvodstva* [Theoretical foundations of legal assistance to participants in criminal proceedings]. Moscow: YurLitinform.
8. Derishev, Yu.V. (2005) *Ugolovnoe dosudebnoe proizvodstvo: kontseptsiya protsedurnogo i funktsional'no-pravovogo postroeniya* [Criminal pre-trial proceedings: the concept of procedural and functional legal structure]. Abstract of Law Dr. Diss. Omsk.
9. Khaliulin, A.G. (2017) The criminal procedure legislation of Russia about the prosecutor's activities. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the MIA of Russia*. 3(82). pp. 84–96.
10. Voronin, O.V. (2021) *Prokurorskiy nadzor v Rossiyskoy Federatsii* [Prosecutor's Supervision in the Russian Federation]. Tomsk: Tomsk State University.

11. Khimicheva, O.V. (2004) *Kontseptual'nye osnovy protsessual'nogo kontrolya i nadzora na dosudebnykh stadiyakh ugovnogo sudoproizvodstva* [Conceptual framework of procedural control and supervision at the pre-trial stages of criminal proceedings]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
12. Grigoriev, V.N., Pobedkin, A.V. & Kalinin, V.N. (2008) Protsessual'naya reglamentatsiya predvaritel'nogo rassledovaniya v rezul'tate reformy 2007 goda [Procedural regulation of the preliminary investigation as a result of the 2007 reform]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 6. pp. 48–58.
13. Trukhachev, V.V. & Akhmedov, U.N.O. (2020) Functions and the prosecutors powers in criminal proceedings and their reflection in the procedural status of the prosecutor. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii – The Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 1. pp. 195–202. (In Russian).
14. Lazareva, V.A. et al. (2020) *Ugolovno-protsessual'noe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki* [Criminal Procedure Law. Topical Problems of Theory and Practice]. 4th ed. Moscow: Yurayt.
15. Skrebov, I.V. & Lukyanchikova, E.F. (2020) Issues of determining the functions of the prosecutor at the stage of the preliminary investigation in the criminal proceedings. *Nauchnyy elektronnyy zhurnal Meridian*. 2(36). pp. 306–308. (In Russian).
16. Nasonov, A.A. (2021) Criminal procedure functions and powers of the prosecutor as factors determining the specifics of prosecutor's supervision in pre-trial proceedings. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo – Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*. 31(1). pp. 124–132. (In Russian).
17. Avagimova, Yu.A. (2017) The functions of the prosecutor in criminal proceedings. *Poryadok: istoriya, teoriya, praktika*. 4(15). pp. 64–66. (In Russian).

Received: 24 May 2021.

О.В. Ханинева

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛУЖБ И ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О МОШЕННИЧЕСТВАХ,
СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Исследуются проблемные вопросы, возникающие при взаимодействии служб и подразделений органов внутренних дел, задействованных в раскрытии и расследовании уголовных дел о мошенничествах, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Предложено несколько способов организации работы в данном направлении, позволяющих должным образом скоординировать ее, для принятия согласованных действенных решений и достижения целей уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: *мошенничество, организация расследования, взаимодействие*

В различных сферах жизни идет активное внедрение современных цифровых технологий. Особенно это стало заметно в период пандемии.

Однако эти явления носят и отрицательный характер, например увеличение количества преступных посягательств, в основном на денежные средства граждан и организаций, с применением все тех же удобных, используемых в законных целях информационно-телекоммуникационных средств и технологий. Основную массу таких преступлений продолжают составлять мошенничества, способы совершения которых становятся все изощреннее, а их раскрытие – сложнее, ввиду их латентности и технической новизны используемых средств.

Ряд ученых в данной области, такие как А.Л. Осипенко, Н.Г. Муратова, М.С. Сергеев, неоднократно описывали наиболее часто встречающиеся способы совершения таких преступлений: рассылка SMS о победах в различных конкурсах; телефонные звонки из банков о блокировке карт; обращение родственников, попавших в дорожно-транспортные происшествия; переписка через взломанные страницы и аккаунты в различных социальных сетях с просьбой одолжить денежные средства; создание зеркальных интернет-сайтов либо интернет-магазинов; размещение объявлений на торговых площадках типа «Авито», «Юла» и т.п. [1. С. 109–110; 2].

Так, согласно отчетам о состоянии преступности в РФ, представленным порталом правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ, за январь–февраль 2021 г. в стране выявлено свыше 309,3 тыс. преступлений. Это на 5,5% ниже, чем за аналогичный период прошлого года (далее – АППГ). В текущем году зарегистрировано почти 52 тыс. различных мошенничеств, что на 9,1% больше АППГ. Их доля в структуре преступности на протяжении последних лет последовательно увеличивалась и достигла 16,8%. Большинство мошенничеств (68%) совершено с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, их массив за последний год увеличился более чем на четверть (+26,7%, 35,5 тыс.). В Санкт-Петербурге (1,7 тыс.), Ленинградской (417), Тульской (351) областях их число возросло в два и более раза.

В целом на деяния в сфере информационно-телекоммуникационных технологий или компьютерной информации приходится одно из четырех регистрируемых преступлений (+29,4% 81,5 тыс.). Большинство киберпреступлений совершены с использованием сети Интернет (50,4 тыс.) или при помощи средств мобильной связи (32,8 тыс.) [3].

Полагаем, что вышеописанные показатели отражают реальную картину мошеннических атак на современное общество, которое не всегда успевает надлежащим образом их отражать.

Этому, по мнению автора, есть ряд объективных причин:

- использование мошенниками новейших возможностей информационно-телекоммуникационных технологий и сети Интернет;
- наличие знаний в технической области рассматриваемого вопроса (использование «подменных» телефонных номеров, создание «зеркальных» сайтов-двойников, использование программ-вирусов для внедрения в банковские системы и т.п.);
- достижение цели отсутствия личного контакта с потерпевшими;
- наличие способов дистанционного совершения и руководства сообщниками, а также распоряжения похищенным имуществом, вплоть до вывода денег на банковские счета, открытые вне пределов Российской Федерации, или на счета «неблагополучной» категории граждан;
- возможность перевода похищенных денег в криптовалюту и использование различных виртуальных кошельков, платежных систем вместо банковских счетов для совершения транзакций;
- низкая раскрываемость рассматриваемого вида преступлений, в том числе из-за отсутствия должной организации взаимодействия служб и подразделений ОВД РФ и оснащения техническими средствами и возможностями.

Несмотря на предпринимаемые ОВД РФ профилактические меры (демонстрация в средствах массовой информации видеороликов о способах совершения мошенничеств и борьбы с ними силами самих граждан; проведение бесед с социально незащищенными слоями

населения, такими как пожилые и одинокие люди; размещение листовок с предупредительными записями в общественных местах (остановки общественного транспорта, магазины, поликлиники и т.п.), они не являются достаточно действенными.

Становится очевидным, что в ходе выявления, раскрытия и расследования уголовных дел, связанных с совершением мошеннических действий, возникает ряд трудностей. Как отмечает С.Н. Казинская, «при совершении такого вида мошенничеств злоумышленники изначально выбирают способы хищения, при которых остается минимальное количество криминалистически значимой информации либо осуществляется сокрытие или уничтожение следов преступной деятельности, а также маскировка преступных действий под гражданско-правовые» [4. С. 68].

Своевременность и полнота расследования таких уголовных дел, несомненно, играют немаловажную роль в сборе доказательной базы, изобличению всех виновных в совершении преступления, установлении способов и средств хищения, блокирования банковских счетов, с помощью которых производятся незаконные транзакции с похищенными денежными средствами, блокирования незаконных интернет-сайтов и ресурсов с целью пресечения дальнейшего совершения преступлений, и несомненно, максимально полное возмещение причиненного потерпевшим вреда.

Помимо ряда принимаемых мер в этом направлении, по мнению автора, одной из существенных проблем, встающих на пути достижения обозначенных целей, остается необходимость пересмотра способов организации работы служб и подразделений ОВД РФ, задействованных в борьбе с мошенничествами.

Основными критериями для успешного раскрытия и пресечения мошенничеств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и сети Интернет, являются следующие:

1) максимально короткий временной промежуток между совершением преступления и заявлением о данном факте в полицию;

2) установление принадлежности всех номеров телефонов, задействованных в совершении преступления, как со стороны потерпевшего, так и преступников;

3) быстрое получение детализаций телефонных переговоров и банковских выписок о движении денежных средств по счетам клиентов;

4) установление точного способа перевода похищаемых денежных средств (самостоятельное с собственной банковской карты через банкомат, онлайн-кабинет, терминал и т.п.);

5) установление наличия аудиозаписывающих программ в мобильном телефоне потерпевшего, позволяющих прослушать телефонные разговоры и в дальнейшем изъять образцы голоса преступника;

6) принятие мер к блокированию счетов, виртуальных кошельков, сайтов, объявлений и иных средств совершения преступления, с целью пресечения их дальнейшего совершения;

7) своевременное проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий;

8) проведение качественного анализа полученной информации по конкретному преступлению, а также совокупного анализа совершенных преступлений (по аналогии) на территории региона расследования на предмет совпадения способов совершения, используемых номеров телефонов, банковских карт и иных данных;

9) совместное обсуждение полученной информации, составление дополнительных планов взаимодействия, постановка задач исполнителям и сроков их исполнения;

10) разработка единого алгоритма выявления, раскрытия, расследования и пресечения мошенничеств рассматриваемого вида для использования всеми службами и подразделениями ОВД РФ;

11) налаживание электронного документооборота с операторами сотовой связи, интернет-провайдерами, банками, для сокращения сроков исполнения различных запросов и т.п.

Основываясь на собственном опыте работы в органах предварительного следствия и подразделениях уголовного розыска, а также мнению ряда ученых, в том числе Р.В. Кудрявцева, который в своей научной статье «Организация деятельности по раскрытию дистанционных мошенничеств» привел ряд примеров организации качественного взаимодействия [5. С. 218–221], предлагаем подробнее остановиться на такой форме взаимодействия, как проведение комиссионных заслушиваний расследуемых уголовных дел.

Попытаемся ответить на ряд вопросов: Что же предполагается при данной форме взаимодействия? Какова ее цель? Кто будет ее участниками? Каким документом оформляется начальный этап взаимодействия? Кто руководит процессом? Какова периодичность и порядок оформления решения таких совещаний?

Для начала следует дать определение понятию «взаимодействие». По мнению Д.Г. Шашина и П.В. Афанаскина, «взаимодействие» – это оказание следователями и сотрудниками оперативных подразделений взаимопомощи в решении общих, совместных задач уголовного судопроизводства [6. С. 33].

Автор согласен с таким определением, ввиду чего речь далее будет идти о возбужденных уголовных делах, по которым предварительное следствие обязательно с различным сроком следствия.

Что же такое «комиссионное рассмотрение уголовных дел» и какова их цель как формы взаимодействия? Предлагаем понимать это словосочетание как регулярное проведение неких совещаний руководством Следственного управления и Управления уголовного розыска субъекта РФ с участием и заслушиванием сведений из материалов уголовных дел, находящихся в производстве районных отделов полиции.

Правовой основой таких заслушиваний может послужить распоряжение или приказ начальника ГУ МВД России по субъекту или его заместителей, в ведении которых находится контроль за деятельностью следственных и оперативных подразделений.

В данном документе необходимо указать обоснование проведения комиссионных заслушиваний уголов-

ных дел о мошенничествах, определить и закрепить состав такой комиссии, назначить дату, место и время проведения совещания, определить проблемные вопросы и форму доклада.

К назначенной дате заслушивания ответственный сотрудник по линии работы как от следственного, так и от оперативного подразделения с участием своих руководителей должен провести детальный анализ находящихся в производстве уголовных дел и дел оперативного учета, подготовив при этом обзорные справки.

На самом комиссионном рассмотрении уголовных дел помимо сведений, указанных в обзорных справках, могут быть рассмотрены вопросы о новых способах взаимодействия с операторами сотовой связи, банками и т.п.; установление пробелов в организации работы в том числе по исполнению отдельных поручений следователя; ускорение получения ответов на запросы из организаций, обладающих интересующей следствие информацией; а также возможность привлечения их руководителей к административной ответственности ввиду неисполнения запросов правоохранительных органов; выработка новых решений и методов совместной работы.

Цель таких заслушиваний очевидна и состоит в обмене полученной информацией, а также выработке новых мер по выявлению, предупреждению, раскрытию и расследованию мошенничеств. Например, по ряду уголовных дел будет выяснен вопрос длительного исполнения (месяц и более) банками постановлений суда о выемке сведений, составляющих государственную и иную охраняемую законом тайну, в виде выписки движения денежных средств по счетам клиента с указанием дальнейших транзакций и личных сведений о других клиентах банка и т.п.

Действенной новой мерой, по результатам обсуждения, станет проработка вопроса о внедрении электронного документооборота с рядом российских банков, который позволит сократить сроки направления и получения соответствующих запросов и постановлений, касающихся предоставления информации, имеющей значение для уголовного дела.

Далее следует отметить, что на таких совещаниях происходит обмен информацией по всем уголовным делам, находящимся в производстве следователей под-

разделения на уровне района, и присутствие руководителей соответствующих управлений, при поочередном докладе, показывает общую картину проблем и недостатков на территории всего вверенного им субъекта. Это также позволяет выстраивать взаимодействие на должном уровне, уделяя особое внимание слабым местам, в том числе организовывая служебные командировки наиболее подготовленных сотрудников следствия и уголовного розыска для оказания практической помощи в отстающие подразделения.

На таких комиссионных рассмотрении уголовных дел выясняется специфика совершенных мошенничеств, например по способу хищения средств или общения с потерпевшим, использования одних и тех же номеров мобильных телефонов и т.п., что позволяет после доработки материалов ставить на рассмотрение вопрос о возможном соединении ряда уголовных дел (при наличии установленных законом оснований).

По итогам такого совещания возможно поставить задачи углубленного анализа уголовных дел при выраженном аналогичном способе совершения преступлений, для выявления фактов использования преступниками одной карты для хищения денежных средств, использования одного виртуального кошелька типа QIWI и т.п., использования одной SIM-карты или телефонного аппарата с одним IMEI.

Результаты комиссионного рассмотрения уголовных дел о мошенничествах предлагается оформлять соответствующим протоколом, в котором прописывать итоговые решения с назначением исполнителей, а также установлением сроков исполнения задач. Кроме того, назначается ответственное лицо, на которое возлагается контроль за исполнением принятых решений, из числа руководителей подразделений на уровне субъекта. Подписывают указанный протокол руководители заинтересованных подразделений, копия его направляется для исполнения на места.

Таким образом, по мнению автора, данный вид взаимодействия следственных и оперативных подразделений приведет к должной организации работы по противодействию мошенничествам, совершенным с использованием средств связи и сети Интернет, позволит повысить раскрываемость уголовных дел и увеличить количество задержанных лиц, их совершающих, в том числе на территории иных субъектов РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Осипенко А.Л.* Сетевая компьютерная преступность: теория и практика борьбы. Омск : Омская академия МВД России, 2009. С. 109–110.
2. *Муратова Н.Г., Сергеев М.С.* Правовое регулирование применения электронной информации и электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве: отечественный и зарубежный опыт. М. : Юрлитинформ, 2019. 264 с.
3. *Портал* правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 19.04.2021).
4. *Казинская С.Н.* Актуальные проблемы расследования мошенничества // Таврический научный обозреватель. 2015. № 2. С. 119–125.
5. *Кудрявцев Р.В.* Организация деятельности по раскрытию дистанционных мошенничеств // Молодой ученый. 2019. № 24 (262). С. 218–221.
6. *Шагин Д.Г., Афанаскин П.В.* Сущность и назначение взаимодействия следственных и оперативных подразделений при расследовании преступлений // Научный компонент. 2019. № 2 (2). С. 33–41.

Статья принята к публикации 24.05.2021.

Topical Issues of Interaction Between Services and Departments of Internal Affairs Bodies in the Investigation of Fraud Committed Using Information and Telecommunication Technologies

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 17, pp. 58–61. DOI: 10.17223/23088451/17/12

Olga V. Khanineva, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Krasnodar, Russian Federation).

E-mail: hanineva83@mail.ru

Keywords: fraud, organization of investigation, interaction

In the article, the author analyzes the growing problem of fraud committed using communications and the Internet in Russia and describes the interaction between the investigative and operational units of the Internal Affairs Departments of the Russian Federation aimed at detection, disclosure and investigation of this type of crimes. The author proposes certain quality improvements in the interaction between the units concerned to fight against crime, including electronic document flow with various organizations and institutions, as well as commission consideration of criminal cases in order to develop effective measures to combat fraud.

References

1. Osipenko, A.L. (2009) *Setevaya komp'yuternaya prestupnost': teoriya i praktika bor'by* [Network computer crime: combat theory and practice]. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. pp. 109–110.
2. Muratova, N.G. & Sergeev, M.S. (2019) *Pravovoe regulirovanie primeneniya elektronnoy informatsii i elektronnykh nositeley informatsii v ugovnom sudoproizvodstve: otechestvennyy i zarubezhnyy opyt* [Legal regulation of the use of electronic information and electronic media in criminal proceedings: Russian and foreign experience]. Moscow: Yurlitinform.
3. The General Prosecutor's Office of the Russian Federation. (n.d.) *Portal of legal statistics of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation*. [Online] Available from: <http://crimestat.ru/analytics> (Accessed: 19th April 2021).
4. Kazinskaya, S.N. (2015) Aktual'nye problemy rassledovaniya moshennichestva [Topical problems of fraud investigation]. *Tavricheskiy nauchnyy obozrevatel'*. 2. pp. 119–125.
5. Kudryavtsev, R.V. (2019) Organizatsiya deyatelnosti po raskrytiyu distantsionnykh moshennichestv [Organization of activities to uncover remote fraud]. *Molodoy uchenyy*. 24(262). pp. 218–221.
6. Shashin, D.G. & Afanaskin, P.V. (2019) Essence and importance of the collaboration between investigative and operational divisions in the investigation of crimes. *Nauchnyy component*. 2(2). pp. 33–41. (In Russian).

Received: 24 May 2021.

УДК 343.126.4

DOI: 10.17223/23088451/17/13

А.И. Цыреторов, А.Г. Анисимов

**ЗАЛОГ КАК МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
И ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ**

Залог как мера пресечения, являясь реальной альтернативой содержанию под стражей и имеющий перед последней ряд неоспоримых преимуществ, к сожалению, не смог занять заметного места в отечественной правоприменительной практике. Предпринята попытка определить эффективность залога как меры пресечения в уголовном судопроизводстве с учетом отечественного опыта сделаны предложения по совершенствованию института залога.

Ключевые слова: *залог, мера пресечения, эффективность залога, обвиняемый*

В России залог как мера пресечения предусмотрена уголовно-процессуальным законодательством (ст. 106 УПК РФ). Существование этой меры пресечения, по сути – экономического стимула, не противоречит сложившимся в обществе экономическим отношениям. На фоне продолжающейся гуманизации отечественного уголовного судопроизводства приобретает особую актуальность расширение практики применения мер пресечения, не связанных с изоляцией лица от общества, в том числе залога, однако этот процесс во многом замедляет несовершенство нормативной базы.

Залог в соответствии со ст. 97 УПК РФ призван пресечь вероятность того, что подозреваемый или обвиняемый скроется от дознания, предварительного следствия или суда; продолжит заниматься преступной деятельностью; будет угрожать свидетелю и (или) иным участникам уголовного судопроизводства; может уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. Исходя из структуры совершаемых в России преступлений, где больше половины составляют такие имущественные преступления, как кражи и мошенничества, избрание меры пресечения в виде залога, когда это возможно, видится логичным решением и теоретически должно быть популярной мерой в силу нескольких обстоятельств.

Во-первых, мотивация большинства корыстных преступлений связана с незаконным получением имущества или денег. Следовательно, залог как мера пресечения в теории воздействует именно на корыстную мотивацию подозреваемого или обвиняемого и часто тождествен по направленности тому вреду, который он причинил обществу.

Во-вторых, существенной проблемой в ходе восстановления социальной справедливости (ч. 2 ст. 43 УК РФ) при разрешении большинства уголовных дел является возмещение вреда, причиненного преступлением, который в большинстве случаев измеряется в денежном и имущественном эквиваленте. Залог в таком случае мог бы стать реальным механизмом возмещения такого вреда, потому что деньги или имущество в случае применения залога уже имеются на момент судебного разбирательства и могли бы быть обращены в счет возмещения вреда, причиненного преступлением. Между тем в реальности такое возмещение не используется.

Обращение залога в доход государства в случае нарушения обвиняемым или подозреваемым обязательств, связанных с применением залога (ст. 118 УПК РФ), не способствует решению указанной проблемы.

В-третьих, залог является более мягкой мерой пресечения по сравнению, например, с домашним арестом или заключением под стражу. При этом залог может быть применен совместно с запретом определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ). Благодаря этому можно воздействовать на подозреваемого и обвиняемого комплексно и более избирательно, не сводя меры пресечения только к формату «откупа» от правосудия. Это вытекает из духа и логики уголовного процесса, однако на практике указанные обстоятельства реализуются редко. При этом вопросы эффективности применения залога как меры пресечения в уголовном процессе долгие годы вызывают дискуссию как в среде теоретиков, так и практиков [1, 2].

По-прежнему нет достаточной ясности в том, насколько существующая нормативная модель данной меры пресечения в отечественном «исполнении» совершенна, т.е. позволяет ли она раскрыть весь свой потенциал.

Институт залога широко распространен. Немецкое уголовно-процессуальное законодательство содержит данную меру пресечения, однако судами залог в качестве меры пресечения назначается редко и в среде практикующих юристов рассматривается в качестве своего рода «привилегии для богатых» [3. С. 38]. В Испании напротив – освобождение под залог наряду с вызовом в суд являются наиболее часто используемыми альтернативами заключению под стражу, хотя в среде испанских судей нет единого мнения относительно эффективности данной меры пресечения [4. С. 54].

В широко практикующих залог как меру пресечения США региональное законодательство, регламентирующее освобождение под залог, не унифицировано, и можно выделить несколько моделей. Например, модель штата Джорджия предусматривает обязательные минимальные суммы залога за тяжкие преступления. Калифорнийская модель, напротив, предусматривает максимальные суммы залога. Для модели Техаса характерно минимальное вмешательство в усмотрение судьи при решении вопроса о размере залога.

Стоит отметить, что в американской юридической литературе можно встретить мнения о неэффективности залога в качестве меры пресечения. Так, например, A. Ouss и M. Stevenson в своем исследовании [5] реформы системы освобождения под залог в Филадельфии не нашли доказательств того, что залог имеет сдерживающий эффект в отношении неявки или совершения нового преступления. Авторы показали, что в условиях неприменения (существенного уменьшения частоты применения) залога, эта политика привела к увеличению на 22% вероятности того, что обвиняемый будет освобожден без каких-либо финансовых или надзорных условий, но не повлияла на показатели применения такой меры пресечения, как заключение под стражу. Затруднительно говорить о справедливости результатов этого исследования, проведенного в иной юрисдикции, применительно к отечественной системе мер пресечения. Тем не менее это дает повод для раздумий.

Заметим, что в последнее время в среде американских правоведов [6] все чаще звучат обвинения системы залога в непоследовательности, расовой предвзятости, нежелательных последствиях для широких слоев населения и произвольности ее применения. Так, A. Gupta, C. Hansman и E. Frenchman в своем исследовании [7] тенденций и закономерностей избрания меры пресечения в виде залога отмечают, что требования залога довольно низки для тех, у кого есть легкий доступ к деньгам, и приходят к выводу, что фактически институциональная структура американской системы денежного залога приводит к существованию двух систем правосудия: одной – для богатых и одной – для бедных.

Вместе с тем в последние несколько лет в ряде штатов стали внедряться алгоритмы освобождения под залог (Bail Algorithms). Как указывает James A. Allen, это предполагает, что «посредством компьютерного программирования оценивают вопросы, на которые отвечает арестованный, и используют этот анализ вместе с данными о судимости арестованного, чтобы определить риски. Алгоритмы освобождения под залог предназначены для более точного определения размеров залога на основе ряда факторов, традиционно оставляемых на усмотрение судей. Представители Фонда Лауры и Джона Арнольдов, который разработал алгоритм освобождения под залог, используемый в тридцати юрисдикциях (штатах), оправдывают его как способ предоставить судьям объективную, основанную на данных, последовательную информацию, которая может использоваться в решениях» [8. С. 667]. «Посредством машинного обучения алгоритм освобождения под залог может обрабатывать данные из 1,5 миллионов уголовных дел, а также другую информацию, а затем предоставлять прогнозные оценки риска, относящиеся к вероятности рецидива обвиняемого или неявки на судебное разбирательство. Алгоритмы залога – относительно новшество, и их реализация идет медленно» [8. С. 668].

Указанный инструмент оценки рисков заключен в форму бесплатно распространяемого программного обеспечения. «Количество факторов риска, включенных в текущие алгоритмы, варьируется от семи до пят-

надцати. В зависимости от числовой оценки риска обвиняемого алгоритмы классифицируют этого человека как человека с низким, средним или высоким уровнем риска. Эти классификации не претендуют на то, чтобы предсказывать индивидуальные результаты с некоторой степенью уверенности. Отнесение к категории высокого риска не означает, что лицо не явится или не будет повторно арестовано, если не будет задержано. Все, что он пытается сделать, – это ранжировать человека А по отношению к остальной части населения, для которой был разработан инструмент. Классификация “высокого риска” фактически утверждает, что человек А принадлежит к группе людей с общими чертами, которые будут иметь более высокие уровни неявки и повторного ареста, чем те, кто не входит в эту группу» [9. С. 509–510].

В уголовном судопроизводстве России, как показывает правоприменительная практика, залог применяется достаточно редко. В последнее время прослеживается тенденция к сокращению его применения. Так, согласно данным управления судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2016 г. залог как мера пресечения был применен к 269 лицам, в 2017 г. – к 133, в 2018 г. – к 108, в первом полугодии 2019 г. – к 44 подозреваемым, обвиняемым и подсудимым. Если экстраполировать указанные данные, то можно предположить, что залог как мера пресечения в уголовном процессе применяется районными судами в среднем около одного раза в год [10]. В этой связи можно ли утверждать, что залог является неэффективной мерой пресечения?

Эффективность любого явления складывается из количественных и качественных характеристик. Количественные показатели применения залога в качестве меры пресечения, как было указано выше, крайне низки. Отчасти это можно объяснить сложившейся судебной следственной практикой и относительной новизной для отечественной системы правосудия данной принудительной меры имущественного характера.

С позиции качественных показателей можно прийти к выводу о том, что залог является более эффективной мерой пресечения, чем другие, поскольку число подозреваемых и обвиняемых, которые скрылись от органов предварительного расследования, при применении данной меры процессуального принуждения крайне мало, удельный вес таких лиц едва превышал в отдельные годы 6% [11]. К примеру схожий показатель, связанный с нарушением условий домашнего ареста, составляет 19–20% [12. С. 26]. В связи с чем залог возможно рассматривать как альтернативу заключению под стражу или домашнему аресту.

Тем не менее в силу указанных причин, как это ни парадоксально, однозначно оценить реальную эффективность залога как меры пресечения в уголовном процессе РФ на сегодняшний день представляется затруднительным, главным образом, в силу редкости избрания данной меры пресечения судами в России.

Недостаточно совершенное законодательное регулирование данной меры пресечения не дает последней раскрыть весь ее потенциал и стать действительно аль-

тернативой самой строгой мере пресечения – заключению под стражу. Хотя применение залога как альтернативы заключению под стражу вписывается в реалии уголовной политики на современном этапе. Так, в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ прямо указано на то, что мера пресечения в виде заключения под стражу не может быть применена при наличии постоянного места жительства в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в некоторых экономических и связанных с экономической сферой преступлениях (например, таких как незаконное предпринимательство и присвоение или растрата).

Помимо неоправданной, на наш взгляд, редкости применения залога в качестве меры уголовно-процессуального пресечения существует и ряд других объективных проблем.

Во-первых, закрепленный в УПК РФ нижний предел сумм залога в зависимости от категории преступлений не совсем удачен, поскольку при закреплении фиксированного нижнего предела в законе законодателем не учтены возможные изменения социально-экономической обстановки страны и уровень инфляции, а также разные уровни дохода залогодателя. Так, например, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по итогам 2019 г., по данным Росстата, составляла в Сибирском федеральном округе 40 815 руб., а в Москве – 93 866 руб. [13]. Очевидно, что применение фиксированных сумм не всегда может быть эффективным и соразмерным, если не учитывать уровень доходов по региону.

Во-вторых, не совсем удачным видится избрание меры пресечения в виде залога по решению суда. Так, распространенность такой меры пресечения, как подписка о невыезде и надлежащем поведении, во многом обусловлена тем, что она избирается следователем или дознавателем самостоятельно.

В этой связи уместно вспомнить отечественный исторический опыт. Известно, что в Российской империи залог избирался следователем [14. С. 423], и его размер не мог быть меньше суммы причиненного ущерба.

Статья 427 Устава уголовного судопроизводства Российской империи [14. С. 424] допускала возможность обращения суммы залога в пользу потерпевшего в случае, если обвиняемый скрылся от правосудия. Изменения уголовно-процессуального законодательства в подобном ключе могли бы решить оба указанных недостатка. При определении размера залога также представляется рациональным учитывать сумму ущерба, причиненного преступлением, что впоследствии может позитивно сказаться на восстановлении социальной справедливости.

В-третьих, существующая практика обращения залога в доход государства не отвечает интересам потерпевшего и ни в коей мере не решает задачу восстановления социальной справедливости. Полагаем, что узкий подход к пониманию этого института, т.е. как направленного исключительно на недопущение скрывательства от правосудия, создания препон органам предварительного расследования и пресечения дальнейшей преступной деятельности, не служит подспорьем в деле возмещения вреда, причиненного преступлением.

В-четвертых, считаем, что практику применения залога можно и нужно расширять. Существенной проблемой может стать недоступность денежных средств для залогодателя. Между тем выдавать такие средства возможно, в том числе за счет финансовых механизмов, например специальных кредитов для обвиняемых и подозреваемых. При этом выдавать такие кредиты имеет смысл только с расчетом на то, что такие деньги могут быть обращены в счет возмещения вреда, причиненного преступлением.

Дальнейшее совершенствование института залога должно быть направлено на раскрытие всего его потенциала как правового инструмента и, как следствие, привести к расширению практики его применения. При этом полагаем, что наряду с обеспечением надлежащего поведения обвиняемого и подозреваемого залог должен способствовать решению вопроса возмещения вреда, причиненного преступлением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нарбикова Н.Г. Проблемы эффективности залога как меры пресечения в уголовном процессе // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2015. № 5 (55). С. 256–257.
2. Мустафина К. Проблемы применения залога в российском уголовном процессе // Вопросы российской юстиции. 2019. № 1. С. 621–629.
3. Morgenstern Ch., Kromrey H. DETOUR – Towards Pre-trial Detention as Ultima Ratio. Greifswald, 2016. P. 52.
4. The Practice of Pre-Trial Detention in Spain // Research report. Noviembre 2015. P. 44.
5. Ouss A., Stevenson M. Bail, Jail, and Pretrial Misconduct: The Influence of Prosecutors (June 20, 2020). URL: <https://ssrn.com/abstract=3335138> (дата обращения: 10.10.2020).
6. Walia M.S. Putting the «Mandatory» Back in the Mandatory Detention Act // St. John's Law Review. 2011. Vol. 85, № 1. P. 177–229. URL: <https://scholarship.law.stjohns.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=&httpsredir=1&article=1013&context=lawreview> (дата обращения: 09.11.2020).
7. Gupta A., Hansman Ch., Frenchman E. The Heavy Costs of High Bail: Evidence from Judge Randomization // Journal of Legal Studies. 2016. Vol. 45, № 2. Columbia Law and Economics Working Paper No. 531. URL: <https://ssrn.com/abstract=2774453> (дата обращения: 10.10.2020).
8. Allen J.A. «Making Bail»: Limiting the Use of Bail Schedules and Defining the Elusive Meaning of «Excessive Bail» // Journal of law and policy. 2017. № 25. P. 637–685.
9. Mayson S.G. Dangerous Defendants // Yale Law Journal. 2018. № 127. P. 490–568.
10. Гаспарян Н. «Беззалоговое» правосудие Судебная практика последних 10 лет превращает залог в «вымирающую» меру пресечения // Адвокатская газета. 2020. 25 марта. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/bezzalogovoe-pravosudie/> (дата обращения: 16.10.2020).

11. Терентьевский П.А. Залог в уголовном праве. URL: http://www.terentevsky.ru/adv_ist_sov/zal.html (дата обращения: 06.11.2020).
12. Антонов И.А., Берзин О.А., Каширин Р.М. К вопросу об исполнении меры пресечения «Домашний арест» в условиях несовершенства уголовно-процессуального законодательства // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 2. С. 25–28.
13. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников в целом по экономике Российской Федерации в 1991–2020 гг. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 10.11.2020).
14. Свод законов Российской империи : в 5 кн. / под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского ; сост. Н.П. Балканов, С.С. Войт, В.Э. Герценберг. СПб., 1912. Кн. 5, т. XVI. 1030 с.

Статья принята к публикации 24.05.2021.

Bail as a Preventive Measure: Some Problems and Ways to Improve Effectiveness

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 17, pp. 62–65. DOI: 10.17223/23088451/17/13

Aleksey I. Tsyretorov, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: Alex.tsi@mail.ru

Andrey G. Anisimov, Irkutsk Institute (branch) of The All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia) (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: 7821@mail.ru

Keywords: bail, preventive measure, effectiveness of bail, accused

The bail serves to reduce the likelihood of the situation when the suspect or the accused flees from inquiry, preliminary investigation or trial, continues the criminal activity; threatens a witness and (or) other participants in criminal proceedings, destroys evidence, or otherwise obstructs a criminal case proceedings. Drawing on the structure of crimes committed in Russia, with more than half being property crimes such as theft and fraud, choosing bail as a preventive measure, if possible, seems to be a logical and apparently popular measure due to several circumstances. Most of the mercenary crimes are motivated by the illegal acquisition of property or money. Consequently, bail as a restraint measure affects the lucrative motivation of the suspect or the accused and is often adequate to the damage caused. A significant problem of social justice restoration in most criminal cases is the compensation for damage or harm, which in most cases is measured in monetary and property terms. In this case, the bail could become a real mechanism for compensation for such harm, because money or property in the case of bail is already available at the time of the trial and could be used to compensate for the harm caused. However, in reality, such compensation is not used. The conversion of bail to state revenue in case of violation by the accused or suspect of obligations related to the bail does not contribute to the solution of this problem.

References

1. Narbikova, N.G. (2015) Problems of bail effectiveness as a preventive measure in criminal proceedings. *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. 5(55). pp. 256–257. (In Russian).
2. Mustafina, K. (2019) Problemy primeneniya zalogu v rossiyskom ugolovnom protsesse [Problems of application of bail in the Russian criminal process]. *Voprosy rossiyskoy yustitsii*. 1. pp. 621–629.
3. Morgenstern, C. & Kromrey, H. (2016) *DETOUR – Towards Pre-trial Detention as Ultima Ratio*. Greifswald, October 2016. p. 52.
4. Asociación Pro Derechos Humanos de España. (2015) *The Practice of Pre-Trial Detention in Spain (Research report, November 2015)*. [s.l.; s.n.]. pp. 44.
5. Ouss, A. & Stevenson, M. (2020) *Bail, Jail, and Pretrial Misconduct: The Influence of Prosecutors (June 20, 2020)*. [Online] Available from: <https://ssrn.com/abstract=3335138> (Accessed: 10th October 2020).
6. Walia, M.S. (2011) Putting the “Mandatory” Back in the Mandatory Detention Act. *St. John’s Law Review*. 85(1). pp. 177–229. [Online] Available from: <https://scholarship.law.stjohns.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=&httpsredir=1&article=1013&context=lawreview> (Accessed: 9th November 2020).
7. Gupta, A., Hansman, C. & Frenchman, E. (2016) The Heavy Costs of High Bail: Evidence from Judge Randomization. *Journal of Legal Studies*. 45(2). DOI: 10.1086/688907.
8. Allen, J.A. (2017) “Making Bail”: Limiting the Use of Bail Schedules and Defining the Elusive Meaning of “Excessive Bail”. *Journal of Law and Policy*. 25. pp. 637–685. DOI: 10.2139/ssrn.3217711
9. Mayson, S.G. (2018) Dangerous Defendants. *Yale Law Journal*. 127. pp. 490–568. DOI: 10.2139/ssrn.2826600
10. Gasparyan, N. (2020) “Bezzalogovoe” pravosudie. Sudebnaya praktika poslednikh 10 let prevrashchaet zalog v “vymirayushchuyu” meru presecheniya [Justice without bail. The last decade judicial practice turns the bail into an “extinct” measure of restraint]. *Advokatskaya gazeta*. 25th March. [Online] Available from: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/bezzalogovoe-pravosudie/> (Accessed: 16th October 2020).
11. Terentievskiy, P.A. (n.d.) *Zalog v ugolovnom prave* [Bail in criminal law]. [Online] Available from: http://www.terentevsky.ru/adv_ist_sov/zal.html (Accessed: 6th November 2020).
12. Antonov, I.A., Berzin, O.A. & Kashirin, R.M. (2017) On the execution of “house arrest” in the imperfect law of criminal procedural. *Problemy pravookhranitel’noy deyatel’nosti*. 2. pp. 25–28. (In Russian).
13. The Russian Federal State Statistics Service. (n.d.) *Srednemesyachnaya nominal’naya nachislennaya zarabotnaya plata rabotnikov v tselom po ekonomike Rossiyskoy Federatsii v 1991–2020 gg.* [Average monthly nominal accrued wages of workers in the whole economy of the Russian Federation in 1991–2020]. [Online] Available from: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (Accessed: 10th November 2020).
14. Mordukhay-Boltovsky, I.D. (1913) *Svod zakonov Rossiyskoy Imperii v 5 kn.* [Code of Laws of the Russian Empire in 5 vols]. Vol. 5. St. Petersburg: [s.n.].

Received: 24 May 2021.

М.А. Шаина

**ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА ПОТЕРПЕВШЕМУ В СЛУЧАЕ СМЕРТИ ЛИЦА, ВИНОВНОГО
В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, И ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ**

Предлагается дополнить действующую правовую систему институтом бесплатной юридической помощи со стороны профессиональных участников рынка юридических услуг потерпевшим от преступлений. Необходимо разработать механизм назначения им советника по правовым вопросам, который бы оказывал квалифицированную юридическую помощь потерпевшим, обеспечивал сбор необходимых документов, составление процессуальных документов, сопровождение в ходе рассмотрения дела судом. Полагаем целесообразной организацию правовой помощи потерпевшим за счет средств федерального бюджета с последующим обращением требований о компенсации понесенных расходов к виновным лицам.

Ключевые слова: *права и свободы потерпевшего лица, защита прав лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, гражданский иск, уголовное судопроизводство*

В соответствии со ст. 52 Конституции РФ потерпевшему от преступления лицу гарантируется право на возмещение причиненного ему ущерба.

В силу ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РФ уголовное судопроизводство имеет своим назначением в том числе защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. То есть государство прежде всего ставит перед собой задачу по защите общества от последствий совершенного уголовно наказуемого деяния, а именно обеспечить максимально быстрое восстановление имущественных прав потерпевших лиц.

Данная задача весьма успешно реализуется при постановке обвинительного приговора, когда среди прочих вопросов суд разрешает вопрос о порядке компенсации причиненного вреда потерпевшему.

Однако случается, что виновное лицо либо не доживает до разрешения дела по существу, либо еще на этапе проверки заявления о совершенном преступлении становится известно о смерти виновного лица. Если уголовное дело уже было возбуждено, то в соответствии с требованиями УПК РФ, уполномоченное лицо, в производстве которого находится уголовное дело, будь то дознаватель, следователь или суд, выносит постановление о прекращении уголовного дела по основаниям п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ – смерть подозреваемого или обвиняемого, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего. При прекращении уголовного дела по указанным основаниям всегда истребуется согласие близких родственников умершего. Именно такой юридический факт, как согласие близких родственников на прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, в последующем ложится в основу обязанности данных лиц компенсировать все те имущественные и неимущественные потери, которые понесло потерпевшее лицо в результате совершенного деяния.

В соответствии с предписаниями норм действующего уголовно-процессуального закона (ч. 4 ст. 213 УПК РФ) в разрезе реализации правовой позиции Конституционного Суда РФ [1], следовательно, при вынесе-

нии постановления о прекращении уголовного дела по названным основаниям, обязан разъяснить потерпевшему право на обращение в суд в порядке гражданского судопроизводства, причем такое разъяснение не должно носить формальный характер. Следовательно надлежит разъяснить потерпевшему о наименовании суда, в который ему следует обратиться, а именно разъяснить правила подсудности; срок, в течение которого данное право потерпевшего может быть реализовано; виды вреда, о возмещении которого может ходатайствовать потерпевший в соответствии с действующим законодательством. Если производство по уголовному делу прекращает суд, он оставляет гражданский иск без рассмотрения в порядке ч. 2 ст. 309 УПК РФ.

Справедливости ради следует отметить, что действующий УПК РФ не содержит оснований для сохранения действия обеспечительных мер, наложенных на имущество причинителя вреда, в ходе производства по делу. То есть с даты вынесения постановления о прекращении уголовного дела в порядке п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, прекращают свое действие все постановления о наложении арестов на имущество подозреваемого, обвиняемого лица, в обеспечение исполнения решения об удовлетворении гражданского иска.

В данном случае следует признать, что имеет место пробел законодателя, поскольку ввиду подобного поправки не только права и интересы конкретных потерпевших лиц, но и интересы государства в целом, так как Конституция РФ, равно как и УПК РФ, провозглашает основной задачей уголовного судопроизводства именно защиту от негативных последствий в результате совершенных преступлений и восстановление прав и интересов потерпевших лиц.

К сожалению, рекомендациями высшего правоприменителя в лице Пленума Верховного Суда РФ в постановлении № 23 от 13 октября 2020 г. «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» вопрос восстановления нарушенных имущественных прав оставлен без внимания, никаких указаний в части действий судов по разрешению имеющихся гражданских исков в случае смерти подсудимого не содержит. Представляется, что единственно верным

решением данного вопроса надлежит считать применение аналогии закона, т.е. при вынесении постановления о прекращении уголовного дела в связи со смертью подсудимого, гражданский иск подлежит оставлению без рассмотрения в порядке ч. 2 ст. 309 УПК РФ, потерпевшему должны быть разъяснены права и порядок заявления иска о компенсации причиненного преступлением вреда в порядке гражданского судопроизводства.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, факт привлечения к уголовной ответственности лица, совершившего преступление, есть юридически значимое обстоятельство, с которым закон связывает возможность реализации компенсаторной функции – возмещение ущерба от преступления. То есть при обсуждении судом вопроса о возможности прекращения производства по уголовному делу по не реабилитирующим основаниям с привлечением к участию в деле родственников умершего обвиняемого лица, суд констатирует возможность возложения имущественной ответственности на наследников в порядке ст. 1175 ГК РФ. Так, все в том же определении Конституционного Суда РФ сказано, что способы и средства защиты прав потерпевших от преступления лиц избираются исходя из принципов демократического правового государства и с учетом гарантированных основным законом прав на доступ к правосудию на компенсацию причиненного ущерба.

Аналогичные правовые позиции действуют и в международном праве. Европейский Суд по правам человека высказал суждение о том, что «в отличие от уголовного процесса, который не может быть продолжен после смерти обвиняемого, гражданский иск с требованием о выплате компенсации может быть подан в отношении имущества умершего обвиняемого и дело может быть разрешено на основании общих правил гражданского процесса о стандартах доказывания, действующих в гражданском судопроизводстве» [2].

Следует отметить, что в доктрине мнения относительно возможности обращения требований к наследникам виновного лица разнятся. В частности, Д. Дедов полагает, что никакой вид ответственности не может пережить ответственного лица [3]. Однако данное суждение не основано на требованиях закона. Так, в силу положений ст. 418 Гражданского кодекса РФ со смертью должника прекращаются лишь те обязательства, которые тесно и неразрывно связаны с личностью должника. Например, обязанность компенсировать моральный вред в результате преступления переходит к наследникам только при наличии вступившего в законную силу решения суда [4], без наличия такового это недопустимо [5].

При этом в доктрине высказано суждение о необходимости дополнения действующего УПК РФ нормой о возможности постановки обвинительного приговора в отношении умершего без назначения наказания, дабы в последующем данный обвинительный приговор мог быть положен в основу гражданского иска [6]. И.О. Гаврилов же предлагает ставить вопрос о судьбе гражданского иска в ходе судебного заседания при обсуждении вопроса о прекращении уголовного дела в связи со смертью. Это, по его мнению, позволит рас-

сматривать часть гражданских исков в ходе уголовного производства [7]. Однако представляется, предложенное не обеспечит надлежащим образом реализацию восстановительно-компенсаторной функции, ибо вряд ли наследники будут готовы принять на себя обязательства по погашению долгов наследодателя. Кроме того, для разрешения вопроса о судьбе гражданского иска суду придется устанавливать круг наследников по закону, наследственную массу и прочее. Как показала изученная судебная практика, именно подобная необходимость установления дополнительных обстоятельств и была положена всякий раз в основу постановлений о передаче гражданского иска на самостоятельное рассмотрение.

Полагаем, что в настоящее время возможность компенсации причиненного вреда потерпевшим может быть реализована посредством обращения в суд в порядке гражданского судопроизводства, в основу может быть положено постановление о прекращении уголовного дела. Данное постановление (будь оно вынесено дознавателем, следователем либо судом) надлежит приобщить к делу как письменное доказательство в порядке ч. 4 ст. 61 ГПК РФ.

Соответственно, в силу положений названной нормы Гражданско-процессуального кодекса РФ, истцы освобождаются от бремени доказывания обстоятельств совершенного в отношении них деяния, предметом доказывания будет лишь величина заявленных требований.

Представляется, что аналогичной юридической силой обладает и постановление органа дознания либо следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела в связи со смертью лица, причастного к совершенному деянию.

Презюмируя сказанное, считаем необходимым отметить, что при кажущейся простоте института гражданского иска в уголовном процессе, при обсуждении данной темы по существу напрашивается вывод о необходимости реформирования системы правоприменения данного вопроса. Так, действующая судебная практика показывает, что, несмотря на предписание высшего правоприменителя о рассмотрении гражданских исков непосредственно при отправлении правосудия по уголовным делам, большая часть гражданских исков оставлена на самостоятельное рассмотрение. Данное неизбежно в случае смерти виновного лица. А поскольку лицо, потерпевшее от преступления, итак понесло негативные последствия в результате совершенного деяния, то повторное обращение в суд в защиту своих прав и интересов с негарантированной перспективой исполнения решения суда приведет к несостоятельности гарантированного Конституцией РФ права каждого на компенсацию причиненного преступлением вреда.

Подводя итог, в преодоление сложившегося правового коллапса предлагается дополнить действующую правовую систему институтом бесплатной юридической помощи со стороны профессиональных участников рынка юридических услуг потерпевшим от преступлений. Необходимо разработать механизм назна-

чения им советника по правовым вопросам, который бы оказывал квалифицированную юридическую помощь потерпевшим, обеспечивал сбор необходимых документов, составлял процессуальные документы, сопровождал в ходе рассмотрения дела судом. Полагая целесообразной организацию правовой помощи потерпевшим за счет средств федерального бюджета с

последующим обращением требований о компенсации понесенных расходов к виновным лицам. Данное бы способствовало скорейшему восстановлению имущественных прав потерпевших лиц посредством как обращения в суд с соответствующими исковыми заявлениями, так и оказания им содействия в ходе исполнительного производства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Определение Конституционного суда от 18.01.2005 № 11-О «По жалобе гражданина Озерова Владимира Андреевича на нарушение его конституционных прав подпунктом “д” пункта 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года “Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов”, пунктом 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года “О порядке применения Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года “Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов” и частью четвертой статьи 213 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»* // СПС «КонсультантПлюс».
2. *Постановление от 10.01.2012 года «Вулах и другие (Vulakh and others) против России», жалоба № 33468/03.*
3. *Дедов Д.* Особенности судебного процесса в отношении умерших и отсутствующих // Pravo.ru : коллективные блоги.
4. *Постановление Пленума ВС РФ от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства»* // СПС «КонсультантПлюс».
5. *Определение ВС РФ от 03.02.2012 № 53-В11-19* // СПС «КонсультантПлюс».
6. *Фильченко А.П.* Юридическое значение смерти лица, совершившего преступление, в механизме прекращения правоотношения уголовной ответственности // Адвокат. 2012. № 10. С. 25–32.
7. *Гаврилов М.А.* Гражданский иск при прекращении судом уголовного дела в связи со смертью обвиняемого // Российский судья. 2018. № 11. С. 15–21.

Статья принята к публикации 24.05.2021.

Indemnity to a Victim for Harm in Case of Death of the Person Guilty of Crime and Termination of Criminal Proceedings

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 17, pp. 66–68. DOI: 10.17223/23088451/17/14

Maria A. Shaina, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: mshaina@yandex.ru

Keywords: rights and freedoms of victims, protection of rights of persons brought to criminal liability, civil action, criminal proceedings

The article focuses on the problem of restoring the rights and freedoms of the affected people in case of death of the person guilty of committing a crime. The author discusses the variability of the rights of victims, depending on the stage of consideration of an application for a committed crime, and proposes options for amending the current legislation in terms of improving legal regulation of protecting the rights of victims by introducing a new institution of legal assistance to victims. According to the author, the current legal system is to be supplemented with the institution of free legal aid from professional participants in the legal services market and believes that it is necessary to develop a mechanism for appointing a legal adviser who would provide qualified legal assistance to victims, ensure the collection of necessary documents, draw up procedural documents, and accompany the case in the court. It is advisable to provide such legal assistance to victims at the expense of the federal budget with the subsequent appeal of claims for compensation for the costs incurred to the perpetrators.

References

1. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2005) *Decision No. 11-O of the Constitutional Court of January 18, 2005, On the complaint of citizen Vladimir Andreevich Ozerov about violation of his constitutional rights by Subparagraph “e” of Paragraph 8 of the Resolution of the State Duma of May 26, 2000, On the declaration of amnesty in connection with the 55th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945”, Clause 8 of the Resolution of the State Duma of May 26, 2000, “On the procedure for applying the Resolution of the State Duma of May 26, 2000, “On the declaration of amnesty in connection with the 55th anniversary of Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945 years” and Part 4 of Article 213 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.* [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52840/. (In Russian).
2. European Court of Human Rights. (2012) *Postanovlenie ot 10.01.2012 goda “Vulakh i drugie (Vulakh and others) protiv Rossii”, zhaloba №33468/03* [Vulakh and others v. Russia, dated January 1, 2012. Complaint No. 33468/03]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=281678#024418686739733975>
3. Dedov, D. (n.d.) *Osobennosti sudebnogo protsessa v otnoshenii umershih i otsutstvuyushchikh* [Specificity of the trial in relation to the dead and absent]. [Online] Available from: Pravo.ru.
4. The Supreme Court of the Russian Federation. (2015) *Postanovlenie Plenuma VS RF ot 17.11.2015 №50 “O primenении sudami zakonodatel’sтва pri rassmotrenii nekotorykh voprosov, vznikayushchikh v khode ispolnitel’nogo proizvodstva”* [Resolution No. 50 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 17, 2015. On the application of legislation by courts when considering some issues arising in the course of enforcement proceedings]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189010/.
5. The Supreme Court of the Russian Federation. (2012) *Opredelenie VS RF ot 03.02.2012 №53-V11-19* [Resolution No. 53-B11-19 of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 3, 2012]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=252568#0624335990077385>.
6. Filchenko, A.P. (2012) *Yuridicheskoe znachenie smerti litsa, sovershivshogo prestuplenie, v mekhanizme prekrashcheniya pravootnosheniya ugovnoy otvetstvennosti* [The legal effect of the death of the perpetrator for terminating criminal liability]. *Advokat*. 10. pp. 25–32.
7. Gavrilov, M.A. (2018) *A Civil Claim at Termination of a Criminal Case by Court in View of the Death of the Accused. Rossiyskiy sud’ya – Russian Judge*. 11. pp. 15–21. (In Russian).

Received: 24 May 2021.

В.В. Ясельская, А.В. Грищенко

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА ГРАЖДАН НА УЧАСТИЕ В ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ:
ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Рассмотрена проблема реализации конституционного права граждан на участие в отправлении правосудия. На основе анализа результатов реформы по расширению компетенции суда присяжных, а также юридической литературы и мнений практикующих юристов предложены пути наиболее широкого привлечения граждан к осуществлению правосудия.

Ключевые слова: участие граждан в отправлении правосудия, формы народного представительства, реформа суда присяжных, присяжные заседатели, народные заседатели

С принятием Конституции РФ право граждан на участие в отправлении правосудия закреплено на высшем законодательном уровне (ч. 5 ст. 32). Это политическое конституционное право является основополагающим принципом взаимоотношений между правовым государством и гражданами. В качестве одной из форм участия граждан в отправлении правосудия Конституция РФ предусмотрела институт присяжных заседателей (ч. 4 ст. 123). Однако реальное обеспечение судебной защиты прав и свобод человека, ограждение неотъемлемых прав личности от злоупотреблений властью возможны лишь при условии широкого распространения суда присяжных как демократической формы судопроизводства.

Участие «народного элемента» в отечественном уголовном процессе имеет глубокие исторические корни: впервые суд присяжных был сформирован в системе российского правосудия в результате судебной реформы 1864 г., широко определившей его подсудность. Впоследствии компетенция суда присяжных неоднократно пересматривалась: сначала сужалась, затем начала расширяться и в 1917 г. стала наиболее широкой за все время его существования (присяжным была предоставлена возможность рассматривать государственные преступления, которые ранее не были им подсудны). Однако в таком виде суд присяжных работал недолго: декретом о суде № 1 от 24 ноября 1917 г. он был ликвидирован, а присяжных сменили народные заседатели.

Возродиться суд присяжных стал в начале 1990-х гг. В Концепции судебной реформы РСФСР 1991 г. отмечалось, что «по сравнению с обычной формой судопроизводства суд присяжных обладает большей коллегиальностью и независимостью от узковедомственных соображений, стимулирует состязательность уголовного процесса и имеет другие преимущества, уменьшающие риск судебных ошибок и злоупотреблений при осуществлении правосудия» [1]. Спустя неделю после одобрения Концепции судебной реформы РСФСР суд присяжных был введен на конституционном уровне. Осознание значимости этой формы правосудия предопределило действия законодателя по постепенному укоренению суда присяжных: с 1993 г. в девяти субъектах РФ, а с принятием Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РФ – поэтапно на всей территории РФ [2. С. 90].

Воссозданный суд присяжных отличался ограниченной компетенцией. Так, при введении УПК РФ в 2001 г. присяжным отдавалось только 76 составов [3. С. 29] (по реформе 1864 г. они могли рассматривать 410 составов – все преступления, за которые положены наказания, соединенные с лишением или ограничением прав состояния). При определении подсудности присяжных законодатель не воспринял ни положительный исторический опыт, ни положения Концепции судебной реформы РСФСР в части отнесения к ведению присяжных дел обо всех преступлениях, за которые могло быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного года [1]. Компетенция присяжных стала определяться через подсудность областных и приравненных к ним судов: изначально они рассматривали все категории дел, подсудные областному суду; в последующем круг таких уголовных дел стал сужаться.

Так, в 2008 г. составы против общественной безопасности (теракт, захват заложника и т.д.), а также основ конституционного строя и безопасности государства (государственная измена, шпионаж и т.д.) были переданы в юрисдикцию трех профессиональных судов. Такие изъятия из подсудности присяжных Конституционный Суд РФ объяснил направленностью террористической деятельности «на создание реальной угрозы для жизни и здоровья как населения, так и участников уголовного судопроизводства», «способностью оказывать негативное психологическое воздействие и отрицательно влиять на способность входящих в состав суда лиц к принятию адекватных решений» [4].

В 2010 г. из юрисдикции присяжных были изъятые уголовные дела в отношении членов Совета Федерации, депутатов Государственной Думы, судей (п. 2 ч. 3 ст. 31 УПК РФ), а также уголовные дела, в материалах которых содержатся сведения, составляющие государственную тайну (п. 3 ч. 3 ст. 31 УПК РФ). Это обосновывалось необходимостью предотвратить возможный ущерб безопасности государства, если государственная тайна станет достоянием присяжных.

В 2013 г. из компетенции присяжных были исключены дела, касающиеся половой неприкосновенности несовершеннолетних. Изъятие объяснялось «максимальной защитой прав и интересов несовершеннолетних от дополнительных психологических страданий в

связи с публичным рассмотрением дела, неоднократным повторением информации о совершенных в отношении ребенка действиях насильственного характера» [5].

Очевидно, конституционное право участвовать в отправлении правосудия не должно зависеть от распределения уголовных дел между судами. Однако изменение подсудности областных судов неоднократно вело к автоматической утрате присяжными права рассматривать определенные категории дел, причем часто без каких-либо эмпирических обоснований. Так, в 2013 г. в связи с созданием апелляционных инстанций законодатель передал дела, рассматривавшиеся областными судами, в ведение районных, что лишило присяжных возможности рассматривать более двадцати составов (организация преступного сообщества, посягательство на жизнь государственного деятеля и т.д.). Некоторые из них областные суды перестали рассматривать лишь в отношении лиц, которым в качестве наивысшей меры наказания не может быть назначено пожизненное лишение свободы или смертная казнь. В результате право женщин, несовершеннолетних, мужчин, достигших к вынесению приговора 65-летнего возраста, на суд присяжных было ограничено.

Определенная таким образом компетенция суда присяжных вела к нарушению конституционных прав граждан. В 2016 г. Конституционный Суд РФ признал, что такая дифференциация подсудности уголовных дел ограничивает женщин в реализации права на равную с мужчинами судебную защиту [6]. Позже не соответствующим Конституции РФ было признано и лишение права на суд присяжных мужчин, достигших 65-летнего возраста [7].

В результате как прямого, так и косвенного сокращения подсудности присяжных к 2016 г. количество дел, рассматриваемых этим судом, достигло исторического минимума – 31 состав УК РФ [3. С. 29]. Как следствие, доля дел, разрешаемых с участием присяжных, по отношению к общей массе уголовных дел стала ничтожной. Так, по данным Томского областного суда, с момента введения суда присяжных в Томской области (2003 г.) и до проведения реформы 2018 г., расширяющей его компетенцию, с участием присяжных было рассмотрено всего лишь 29 дел, или не более 1%, если взять все уголовные дела, рассматриваемые всеми судами. Общее количество дел, рассматриваемых судом присяжных в России, тоже стало незначительным: в 2013 г. – 609, в 2014 – 351, в 2015 – 262 дела [8. С. 18]. Такое положение поставило под сомнение эффективную реализацию конституционного права граждан на участие в отправлении правосудия.

В соответствии с судебной реформой 2016–2018 гг. компетенция суда присяжных была расширена за счет введения на уровень районных судов [9, 10]. Распространение сферы действия суда присяжных играет положительную роль в деле обеспечения права граждан участвовать в осуществлении правосудия: по статистике, суд присяжных оправдывает чаще судей-профессионалов, что должно стимулировать обвиняемых активнее заявлять ходатайства о рассмотрении их уголовного дела в этой форме правосудия. Так, за второе

полугодие 2018 г. (после вступления в силу положений реформы) оправдательные вердикты присяжные вынесли относительно 16,1% подсудимых на уровне областных судов и в отношении 25,7% подсудимых в районных судах; за 2019 г. – в отношении 17% подсудимых на уровне областных судов и для 24,6% подсудимых на уровне районных судов; профессиональные же судьи выносят не более 0,2% оправдательных приговоров [11]. По мнению подавляющего большинства опрошенных адвокатов Томской и Кемеровской областей (93%), приведенные статистические данные свидетельствуют об обвинительном уклоне российской судебной системы (лишь 7% респондентов такие результаты объяснили негативными последствиями непрофессионализма присяжных заседателей).

Общественный контроль, реализуемый через суд присяжных, ведет к повышению эффективности деятельности не только суда, но и иных участников уголовного процесса. Так, анализ результатов анкетирования адвокатов показал, что большинство из них (77%) положительно отнеслись к введению суда присяжных на уровень районного суда (10% – отрицательно, 13% – нейтрально). При этом, по мнению 77% адвокатов, именно присяжные стимулируют представителей правоохранительных органов работать более качественно, не злоупотреблять своими полномочиями, повышать свою квалификацию.

Несмотря на столь высокую оценку значимости суда присяжных для усиления состязательности уголовного процесса, отношение адвокатов к роли суда присяжных в обеспечении эффективной реализации конституционных прав граждан является более скептическим. Так, при ответе на вопрос о том, является ли суд присяжных гарантом прав и свобод человека и гражданина в современной России, 51,5% адвокатов ответили «да», 41,5% – «нет», 7% затруднились ответить. При этом один из опрошенных адвокатов оставил пояснение к своему ответу: «Несмотря на то что в существующем виде суд присяжных не может являться гарантом прав и свобод человека и гражданина, он все же лучше, чем преобладающий обвинительный уклон профессиональных судей».

Представляется, одной из причин таких нареканий в адрес присяжных стало то, что не все ожидания от судебной реформы оправдались. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2019 г. областные и приравненные к ним суды рассмотрели 255 дел в отношении 470 лиц, районные суды – 504 дела в отношении 625 подсудимых [11]. Несмотря на то что за 2019 г. количество дел, рассмотренных на областном уровне судами присяжных, составило 20,2% от общего числа оконченных производством областными и равными им судами уголовных дел (в 2018 г. – 16,7%) [12], статистические данные показывают, что эффективно право граждан участвовать в отправлении правосудия по-прежнему не реализуется.

Незавершенность реформы подтолкнула к поиску дальнейших путей развития суда присяжных. 30 января 2020 г. был опубликован перечень поручений президента РФ, утвержденный по итогам заседания Совета

по развитию гражданского общества и правам человека. Одним из поручений стала рекомендация рассмотреть вопрос о расширении составов преступлений, подсудных присяжным. На совещании судей в феврале 2020 г. Верховный Суд РФ предложил включить в компетенцию присяжных рассмотрение, во-первых, всех категорий дел по особо тяжким преступлениям, во-вторых, всех дел о преступлениях в сфере предпринимательства (за исключением уголовных дел, содержащих государственную тайну). Оба предложения были положительно оценены большинством опрошенных адвокатов – 77 и 56% соответственно.

Отмеченные предложения не новы и обсуждаются давно. В частности, необходимость отнесения «предпринимательских» составов к компетенции присяжных обосновывалась еще в предреформенный период: распространение юрисдикции присяжных на «предпринимательские» составы эксперты обосновывали большим риском появления в экономической сфере «заказных» дел, инициированных конкурентами; высокой вероятностью провокации и давления на предпринимателей при расследовании данной категории дел [13]. После выступления председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева идея о включении в компетенцию суда присяжных преступлений в сфере предпринимательства была в очередной раз поддержана правозащитниками, представителями адвокатского сообщества [14].

Представляется, отнесение «предпринимательских» составов к компетенции присяжных целесообразно: это защитит предпринимателей от необоснованного уголовного преследования, повысит качество расследования, вызовет большее доверие бизнеса к судебной системе. Для рассмотрения дел в сфере экономической деятельности присяжными на сегодняшний день отсутствуют препятствия: поскольку полномочия присяжных ограничиваются установлением вопросов факта, им не потребуются правовые или экономические познания. К тому же присяжные давно продемонстрировали свою способность разобраться в этих уголовных делах [15].

Поскольку «предпринимательские» составы расположены в разных главах Уголовного кодекса (УК) РФ, представляется необходимым четко перечислить те из них, которые будут относиться к компетенции присяжных. Это позволит избежать широкого усмотрения правоприменителя при решении вопроса об отнесении состава к «предпринимательскому», а значит, предотвратит необоснованное лишение обвиняемого права на суд присяжных. Кроме составов, содержащихся в гл. 22 УК РФ («Преступления в сфере экономической деятельности»), считаем необходимым предусмотреть в таком перечне мошенничество (ст. 159 УК РФ), присвоение и растрату (ст. 160 УК РФ), которые часто не рассматриваются на практике в качестве «предпринимательских».

Кроме дел по экономическим преступлениям к компетенции присяжных можно было бы отнести дела коррупционной направленности. Создание механизмов взаимодействия правоохранительных и иных государственных органов с гражданами и институтами граж-

данского общества законодатель указал в качестве направления деятельности по противодействию коррупции [16]; расширение компетенции присяжных за счет «коррупционных» дел позволит реализовать право гражданского общества противодействовать коррупционным проявлениям. В юридической литературе справедливо отмечается, что участие в отправлении правосудия представителей населения способствует его публичности и открытости, а значит – эффективной реализации мер, предусмотренных российским антикоррупционным законодательством [17. С. 14]. Кроме взятки (ст. 290 УК РФ), которая была ранее подсудна присяжным, расширить их компетенцию можно было бы за счет должностных преступлений (злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий и т.д.), при расследовании которых тоже велик риск провокации со стороны сотрудников правоохранительных органов.

Заслуживают внимания предложения авторов добавить в компетенцию присяжных и ряд других составов [18]. Кроме того, сегодня не все категории лиц имеют право на суд присяжных, даже если обвинение предъявлено по составам, входящим в его компетенцию. Как уже отмечалось, в 2013 г. присяжным запретили рассматривать дела в отношении лиц, которым в качестве наивысшей меры наказания не может быть назначено пожизненное лишение свободы или смертная казнь. Однако если в отношении женщин, мужчин, достигших 65-летнего возраста, такие изъятия были признаны неконституционными, законность такого же ограничения в отношении несовершеннолетних судьи Конституционного Суда РФ подтвердили [19] (в 2019 г. присяжным разрешили рассматривать дела против несовершеннолетних, только если их судят вместе со взрослыми обвиняемыми [20]). Полагаем, что это нарушает равенство граждан перед законом и судом, в связи с чем необходимо вернуть несовершеннолетним право на суд присяжных.

Потребность в дальнейшем реформировании суда присяжных очевидна и практикующим юристам. Так, по мнению 66% опрошенных адвокатов, подсудность присяжных по уголовным делам в настоящее время необходимо расширять. Из них 61% адвокатов полагают, что распространять сферу действия присяжных было бы целесообразно за счет всех составов, связанных с лишением жизни; 37% – экономических составов; 35% – составов коррупционной направленности; 24% – составов, совершенных несовершеннолетними; 13% – разбоя; 13% – вымогательства. Некоторые адвокаты, отвечая на этот вопрос, представили свои варианты расширения компетенции присяжных: за счет всех особо тяжких (тяжких и особо тяжких) преступлений или посредством конкретных составов (были приведены ст. 228.1, ч. 2 ст. 111 УК РФ). Предлагалось также увеличить подсудность присяжных за счет абсолютно всех составов преступлений.

Представляется, что любые инициативы по расширению компетенции суда присяжных следует оценить положительно. Однако, скорее всего, законодательные изменения затронут уголовные дела по тяжким и особо

тяжким преступлениям (именно по этим категориям граждане и сегодня привлекаются к осуществлению правосудия). Такой подход обоснован: поскольку цена судебной ошибки при признании подсудимого виновным в совершении преступлений этих категорий наиболее велика, обвиняемому должна быть предоставлена процессуальная гарантия в виде возможности заявить ходатайство о рассмотрении дела судом присяжных.

В юридической литературе справедливо отмечается, что на сегодняшний день правосудие в большинстве случаев осуществляется судьями единолично, тогда как в суде основополагающим должен быть принцип коллегиальности [21. С. 29]. Однако расширение компетенции присяжных за счет тяжких и особо тяжких преступлений хотя и упрочит возможность граждан участвовать в отправлении правосудия, окончательно проблему привлечения «народного элемента» не решит. Так, в Советской России представители народа (народные заседатели) осуществляли народный контроль за деятельностью профессиональных судей по всем уголовным делам, рассматриваемым по первой инстанции. Прекращение деятельности народных заседателей с 1 января 2004 г. повлекло существенное ограничение коллегиальности при рассмотрении уголовных дел.

Институт народных заседателей различно оценивается в литературе. Некоторые исследователи считают, что суд народных заседателей, в котором представители населения объединены в одну коллегию с профессиональным судьей и все вопросы (и факта, и права) решают совместно, лучше суда присяжных. Так, Ю.К. Якимович полагал необходимым пересмотреть негативное отношение к институту народных заседателей (шеффенов) и внести соответствующие изменения в законодательство, предусмотрев коллегиальное рассмотрение дел с участием одного профессионального судьи и двух народных заседателей [21. С. 32].

Однако есть и иная позиция: считается, что суд присяжных обеспечивает возможность максимально свободного выражения внутреннего убеждения, минимизирует формы давления на присяжных, гарантирует тайну их совещания, создает условия для получения присяжными сведений о деле только из того, что они слышали и увидели в судебном заседании [22. С. 5–6].

Действительно, в отличие от присяжных, народные заседатели находятся в совещательной комнате вместе с судьей, что хотя и не отрицает, но минимизирует сохранение ими самостоятельности. Ознакомление с материалами уголовного дела до судебного заседания влечет доведение до народных заседателей всех доказательств (в том числе и недопустимых), что может формировать предубеждение в отношении подсудимого. В связи с тем что суд присяжных предоставляет больший объем гарантий справедливого судебного разбирательства, думается, полная его замена народными заседателями неприемлема. Большинство опрошенных адвокатов (59%) в качестве наиболее эффективного вида народного представительства указали именно присяжных заседателей.

В то же время, поскольку закрепленное в ч. 5 ст. 32 Конституции РФ право не исключает иные формы участия граждан в отправлении правосудия, представляется возможным сосуществование суда присяжных и суда народных заседателей. Такая идея уже была поддержана Советом при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. Кроме увеличения составов, подлежащих рассмотрению присяжными, Совет предлагал предоставить возможность ходатайствовать о рассмотрении дела судьей и двумя заседателями по любому другому составу, где может быть назначено наказание в виде лишения свободы. По замыслу составителей проекта, введение наряду с классической формой суда присяжных шеффенской модели отправления правосудия позволит учесть предпочтения сторон и создать дополнительные гарантии конституционных прав граждан [23].

Полагаем, что участие народа при осуществлении правосудия в любой форме является институтом демократии. Расширение круга граждан, привлекаемых к осуществлению правосудия, обеспечит его открытость, снизит опасность возникновения судебной ошибки, повысит ответственность судей и эффективность работы сторон в процессе. В свою очередь, спор сторон, повышая надежность судебного познания, будет способствовать достижению объективной истины по делу [24. С. 105]. Широкое привлечение в суд граждан за счет существования разных форм судопроизводства с участием народных представителей приведет и к росту правосознания граждан, поднятию престижа выполнения ими судебных функций.

Не подвергая сомнению необходимость расширять сферу действия присяжных по определенным видам тяжких и особо тяжких преступлений, считаем, что разбирать дела о преступлениях, не обладающих значительной степенью общественной опасности, в усложненном порядке судопроизводства, требующем участия присяжных, нецелесообразно. В связи с этим для рассмотрения дел небольшой и средней тяжести, по которым может быть назначено наказание в виде лишения свободы, считаем возможным возратить в районные суды народных заседателей. В отличие от присяжных, народные заседатели, представляющие с судьей единую коллегию, не столь дорогостоящи; дела с их участием рассматриваются недолго. Не создавая излишних проблем, введение народных заседателей в районных судах привлекло бы значительное количество граждан к осуществлению правосудия.

Таким образом, эффективная реализация конституционного права граждан участвовать в отправлении правосудия может быть достигнута благодаря различным формам такого участия населения. Возможность присяжных заседателей без вмешательства судьи ответить на основной вопрос уголовного процесса о виновности подсудимого обеспечивает наибольшую эффективность суда присяжных, в связи с чем его как правовой институт необходимо развивать. Увеличение количества рассматриваемых присяжными дел сделает суд присяжных реально действующим и позволит сохранить уже достигнутый уровень процессуальных гаран-

тий реализации конституционного права граждан. Однако юрисдикция суда присяжных имеет свои пределы, в связи с чем в качестве дополнительной гарантии конституционного права можно предусмотреть институт народных заседателей. Расширение компетенции суда присяжных за счет предлагаемых в научной литературе

видов тяжких и особо тяжких преступлений, введение народных заседателей при рассмотрении дел небольшой и средней тяжести, по которым может быть назначено наказание в виде лишения свободы, создадут условия наиболее широкого участия граждан в осуществлении правосудия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *О Концепции судебной реформы в РСФСР* : постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 // СПС «КонсультантПлюс».
2. *Дудко Н.А.* Сравнительная характеристика этапов создания и развития суда присяжных в России // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 2-1 (70). С. 90–93.
3. *Решетова Н.Ю.* Участие граждан в отправлении правосудия: суд присяжных и другие возможности // Уголовный процесс. 2015. № 4. С. 22–29.
4. *По делу о проверке конституционности п. 2 и 3 ч. 2 ст. 30 и ч. 2 ст. 325 УПК РФ в связи с жалобами граждан Р.Р. Зайнагутинова, Р.В. Кудяева, Ф.Р. Файзулина, А.Д. Хасанова, А.И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда* : постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2010 г. № 8-П (текст Постановления официально опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».
5. *О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве (не действует)* : пояснительная записка к проекту федер. закона № 173958-6 // СПС «КонсультантПлюс».
6. *По делу о проверке конституционности п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ в связи с жалобой гражданки А.С. Лымарь* : постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2016 г. № 6-П (текст Постановления официально опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».
7. *По делу о проверке конституционности положений п. 2 ч. 2 ст. 30 и п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ, ч. 2 ст. 57 и ч. 2 ст. 59 УК РФ в связи с жалобой гражданина В.Д. Лабусова* : постановление Конституционного Суда РФ от 16.03.2017 № 7-П // СПС «КонсультантПлюс».
8. *Осипов А.Л.* Вопросы формирования коллегии присяжных заседателей // Судья. 2016. № 5. С. 15–19.
9. *О внесении изменений в УПК РФ в связи с расширением применения института присяжных заседателей* : Федеральный закон от 23.06.2016 № 190-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
10. *О внесении изменений в ст. 30 и 31 УПК РФ и ст. 1 ФЗ «О внесении изменений в УПК РФ в связи с расширением применения института присяжных заседателей* : Федеральный закон от 29.12.2017 № 467-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
11. *Итоги суда присяжных* // Федеральная Палата адвокатов РФ. URL: <https://fparf.ru/practical-information/statistics/statistics-of-caseloads-of-district-and-regional-courts-with-participation-of-jurors-in-2018-2019/> (дата обращения: 15.09.2020).
12. *Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2019 году* // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. 2020. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/Obzor_sudebnoy_statistiki_o_deyatelnosti_federalnih_sudov_obshchey_yurisdiksii_i_mirovih_sudey_v_2019_godu.pdf (дата обращения: 15.09.2020).
13. *Тестирование правовой инициативы: суд присяжных за или против предпринимателя*. URL: <http://jurytrial.ru/news/item/164> (дата обращения: 15.09.2020).
14. *Адвокаты поддержали предложение расширить компетенцию суда присяжных экономическими преступлениями* // Адвокатская газета. 2020. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/svoevremennno-i-neobkhodimo/> (дата обращения: 15.09.2020).
15. *12 затравленных обывателей* // Эксперт Online. [Б. м.], 2008. URL: https://expert.ru/russian_reporter/2008/49/sud_prisyazhnyh/ (дата обращения: 15.09.2020).
16. *О противодействии коррупции* : Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
17. *Тарасов А.А., Гарифуллина О.Р.* Народное участие в правосудии: вопросы теории, истории и современного состояния в постсоветских государствах // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2011. № 1 (45). С. 12–25.
18. *Борьба за суд присяжных* // Суд присяжных. [Б. м.], 2016. URL: <http://jurytrial.ru/news/item/455> (дата обращения: 15.09.2020).
19. *По делу о проверке конституционности п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ в связи с жалобой гражданина В.А. Филимонова* : постановление Конституционного Суда РФ от 20 мая 2014 г. № 16-П // СПС «КонсультантПлюс».
20. *По делу о проверке конституционности п. 2.1 ч. 2 ст. 30 УПК РФ в связи с запросом Ленинградского областного суда* : постановление Конституционного Суда РФ от 22.05.2019 № 20-П // СПС «КонсультантПлюс».
21. *Якимович Ю.К.* Выборность судей и коллегиальность рассмотрения уголовных дел в Российской империи, СССР и Российской Федерации; суд присяжных или суд шеффенов? // Уголовная юстиция. 2014. № 2 (14). С. 29–33.
22. *Насонов С.А.* Участие «народного элемента» в уголовной юстиции как гарантия справедливости и равенства в уголовном судопроизводстве // Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве (ч. I) : сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. (20–21 марта 2015 года) : в 2 ч. Ч. 1. СПб. : Петрополис, 2016. 340 с.
23. *Проект ФЗ «Об обеспечении права граждан РФ на участие в отправлении правосудия»* // Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. [Б. м.], 1993–2018. URL: <http://president-sovet.ru/documents/read/350/> (дата обращения: 15.09.2020).
24. *Свиридов М.К.* Задача установления истины и средства ее достижения в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 2. С. 101–106.

Exercise of the Right of Citizens to Participate in the Administration of Justice: Possible Ways of Reforming in the Criminal Process

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 17, pp. 69–75. DOI: 10.17223/23088451/17/15

Veronika V. Yaselskaya, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: yaselskaya@mail.ru

Alena V. Grishchenko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: alyona180497@yandex.ru

Keywords: participation of citizen in the administration of justice, forms of popular representation, jury reform, jurors, lay judges

The Constitution of the Russian Federation considers the jury as a form of citizens' participation in the administration of justice, though it was not widely accepted for a long time. Recreated in the early 1990s, the jury trial suffered from limited powers. Subsequently, the range of criminal cases within its jurisdiction became even more limited. The jury expanded its jurisdiction when introduced to district courts in June 1, 2018. On the one hand, the expanded jurisdiction of the jury improves activities of the court and other participants in the criminal process. On the other hand, the changes did not result in the effective exercise of the right of citizens to participate in the administration of justice, which suggests the necessity of the jury's further expansion. Since it is difficult not to ensure the participation of the jury in minor and medium gravity cases, the increase in the number of cases brought before a jury should occur at the expense of certain types of grave and especially grave crimes. The expansion of the jury competence on grave and especially grave crimes will not be a final solution to the problem of involving citizens in the administration of justice. In contrast to Soviet Russia, where popular representatives (lay judges) exercised control over the judges in all criminal cases at first instance, today, in most cases, justice is administered by judges alone. The people's court has advantages over the sole consideration of the case, as it ensures open justice, increases the responsibility of professional participants in the process, and raises the prestige of performing judicial functions. It is possible to return lay judges to district courts for non-grave and medium-grave cases implying custodial punishment. Thus, the effective implementation of the constitutional right of citizens to participate in the administration of justice can be achieved through various forms. Expanding the jury's competence at the expense of certain types of grave and especially grave crimes, the introduction of lay judges for non-grave and medium-grave crimes implying custodial punishment will promote a broader participation of citizens in the administration of justice.

References

1. The Supreme Council of the RSFSR. (1991) *O Kontseptsii sudebnoy reformy v RSFSR: postanovlenie Verkhovnogo Soveta RSFSR ot 24.10.1991 N 1801-1* [On the Concept of Judicial Reform in the RSFSR: Resolution N 1801-1 of the Supreme Council of the RSFSR dated October 24, 1991]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=221794#032346208472551585>.
2. Dudko, N.A. (2011) *Sravnitel'naya kharakteristika etapov sozdaniya i razvitiya suda prisyazhnykh v Rossii* [The comparative characteristics of the stages of creation and development of the Russian jury]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University*. 2-1(70). pp. 90–93.
3. Reshetova, N.Yu. (2015) *Uchastie grazhdan v otpravlenii pravosudiya: sud prisyazhnykh i drugie vozmozhnosti* [Participation of citizens in the administration of justice: jury trial and other opportunities]. *Ugolovnyy protsess*. 4. pp. 22–29.
4. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2010) *On verification of constitutionality of Paragraphs 2 and 3 of Part 2 of Art. 30 and Part 2 of Art. 325 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens R.R. Zainagutdinov, R.V. Kudaev, F.R. Faizulin, A.D. Khasanov, A.I. Shavaev and the request of the Sverdlovsk Regional Court: Resolution No. 8-P of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 19, 2010 (the text of the Resolution was not officially published)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99733/. (In Russian).
5. Russia. (n.d.) *O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty RF v tselyakh sovershenstvovaniya prav poterpevshikh v ugolovnom sudoproizvodstve (ne deystvuet): poyasnitel'naya zapiska k projektu feder. zakona N 173958-6* [On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in order to improve the rights of victims in criminal proceedings (not valid): Explanatory note to the draft Federal Law N 173958-6]. [Online] Available from: SPS "Konsul'tantPlyus".
6. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2016) *On verification of constitutionality of Paragraph 1 of Part 3 of Art. 31 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen A.S. Lyamar: Resolution No. 6-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 25, 2016 (not officially published)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194577/. (In Russian).
7. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2017) *On verification of constitutionality of the provisions of Paragraph 2 of Part 2 of Art. 30 and Clause 1 of Part 3 of Art. 31 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, Part 2 of Art. 57 and Part 2 of Art. 59 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V.D. Labusov: Resolution N 7-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 16, 2017*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_214138/. (In Russian).
8. Osipov, A.L. (2016) *Voprosy formirovaniya kollegii prisyazhnykh zasedateley* [Questions of the jury formation]. *Sud'ya*. 5. pp. 15–19.
9. Russia. (2016) *O vnesenii izmeneniy v UPK RF v svyazi s rasshireniem primeneniya instituta prisyazhnykh zasedateley: feder. zakon ot 23.06.2016 № 190-FZ* [On amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the expansion of the use of the institute of jurors: Federal Law No. 190-FZ of June 23, 2016]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199974/.
10. Russia. (2017) *O vnesenii izmeneniy v st. 30 i 31 UPK RF i st. 1 FZ O vnesenii izmeneniy v UPK RF v svyazi s rasshireniem primeneniya instituta prisyazhnykh zasedateley: feder. zakon ot 29.12.2017 N 467-FZ* [On amendments to Art. 30 and 31 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and Art. 1 of the Federal Law On Amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in Connection with the Expansion of the Institute of Jurors: Federal Law N 467-FZ of December 29, 2017]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286693/.
11. The Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation. (s.n.) *Itogi suda prisyazhnykh* [Results of the jury trial]. [Online] Available from: <https://fparf.ru/practical-information/statistics/statistics-of-caseloads-of-district-and-regional-courts-with-participation-of-jurors-in-2018-2019/> (Accessed: 15th September 2020).

12. The Supreme Court of the Russian Federation. (2020) *Obzor sudebnoy statistiki o deyatel'nosti federal'nykh sudov obshchey yurisdiktsii i mirovykh sudey v 2019 godu* [Review of judicial statistics on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace in 2019]. [Online] Available from: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/Obzor_sudebnoy_statistiki_o_deyatelnosti_federalnih_sudov_obshchey_yurisdiktsii_i_mirovih_sudey_v_2019_godu.pdf (Accessed: 15th September 2020).
13. Jurytrial.ru. (2015) *Testirovanie pravovoy initsiativy: sud prisyazhnykh za ili protiv predprinimatel'ya* [Testing legal initiative: a jury trial for or against an entrepreneur]. [Online] Available from: <http://jurytrial.ru/news/item/164> (Accessed: 15th September 2020).
14. The Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation. (2020) *Advokaty podderzhali predlozhenie rasshirit' kompetentsiyu suda prisyazhnykh ekonomicheskimi prestupleniyami* [Lawyers supported the proposal to expand the competence of the jury on economic crimes]. [Online] Available from: <https://fparf.ru/news/fpa/svoevremenno-i-neobkhodimo/> (Accessed: 15th September 2020).
15. Anon. (2008) *12 zatravlennykh obyvateley* [12 persecuted people]. [Online] Available from: https://expert.ru/russian_reporter/2008/49/sud_prisyazhnyh/ (Accessed: 15th September 2020).
16. Russia. (2008) *O protivodeystvii korruptsii: feder. zakon ot 25 dek. 2008 g. № 273-FZ* [On countering corruption: Federal Law No. 273-FZ of December 25, 2008]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/
17. Tarasov, A.A. & Garifullina, O.R. (2011) *Narodnoe uchastie v pravosudii: voprosy teorii, istorii i sovremennogo sostoyaniya v postsovetских gosudarstvakh* [People's participation in justice: issues of theory, history and the current state in the post-Soviet states]. *Vestnik Tadzhikskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Seriya obshchestvennykh nauk.* 1(45). pp. 12–25.
18. Jurytrial.ru. (2016) *Bor'ba za sud prisyazhnykh* [Struggle for a jury trial]. [Online] Available from: <http://jurytrial.ru/news/item/455> (Accessed: 15th September 2020).
19. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2014) *On verification of constitutionality of Paragraph 1 of Part Three of Article 31 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V.A. Filimonov: Resolution No. 16-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 20, 2014.* [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163269/ (In Russian).
20. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2014) *On verification of constitutionality of Clause 2.1, Part 2 of Art. 30 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the request of the Leningrad Regional Court: Resolution N 20-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 22, 2019.* [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_325126/ (In Russian).
21. Yakimovich, Yu.K. (2014) Electivity of judges and collegiality of criminal cases in the Russian Empire, the USSR and the Russian Federation; the jury or the court of lay assessors? *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law.* 2(4). pp. 29–33. (In Russian).
22. Nasonov, S.A. (2016) *Uchastie “narodnogo elementa” v ugolovnoy yustitsii kak garantiya spravedlivosti i ravenstva v ugolovnom sudoproizvodstve* [Participation of the “popular element” in criminal justice as a guarantee of justice and equality in criminal proceedings]. In: Kalinovskiy, K.B. & Zashlyapin, L.A. (eds) *Spravedlivost' i ravenstvo v ugolovnom sudoproizvodstve* [Justice and equality in criminal proceedings]. Vol. 1. St. Petersburg: Petropolis.
23. Council under the President of the Russian Federation for the Development of Civil Society and Human Rights. (1993) *Proekt FZ “Ob obespechenii prava grazhdan RF na uchastie v otpravlenii pravosudiya”* [Draft Federal Law “On ensuring the right of citizens of the Russian Federation to participate in the administration of justice”]. [s.l.: s.n.]. [Online] Available from: <http://president-sovet.ru/documents/read/350/> (Accessed: 15th September 2020).
24. Sviridov, M.K. (2013) The task of ascertaining the truth and the means of its achievement in criminal procedure. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law.* 2. pp. 101–106. (In Russian).

Received: 24 May 2021.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.9

DOI: 10.17223/23088451/17/16

Е.С. Витовская

МЕСТО И РОЛЬ СЛЕДСТВЕННОГО ИЗОЛЯТОРА В МЕХАНИЗМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Анализируются правовые основы и ключевые направления противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ в следственном изоляторе. Обращено внимание на необходимость объединения должностей заместителя по оперативной работе и заместителя по режиму, что позволит согласовать усилия, направленные на противодействие незаконному обороту наркотиков в следственных изоляторах.

Ключевые слова: *наркопреступность, следственный изолятор, противодействие, оперативно-розыскная деятельность, взаимодействие*

Трагедией современного общества является наркозизм. Все субъекты общества предпринимают немало усилий для борьбы с наркозизмом и сопутствующей ему преступностью. В последние пять лет четко прослеживается тенденция снижения числа лиц, привлеченных к ответственности за совершение преступлений наркотической направленности. По данным МВД России, ежегодно регистрируется около 200 тыс. преступлений в сфере незаконного наркооборота. Однако к этим показателям следует относиться весьма осторожно, поскольку объективная реальность приводит нас к мысли о том, что условий для снижения наркозизма в стране нет.

Значительная часть лиц, совершивших преступления наркотической направленности, содержится в следственных изоляторах. Более половины заключенных, содержащихся в следственных изоляторах, неоднократно судимы за незаконное наркообращение, состоят на диспансерном учете с диагнозом «наркомания». По данным ФСИН России, в 2019 г. в исправительных учреждениях и следственных изоляторах содержалось 145 358 чел., совершивших преступления в сфере нелегального оборота наркотиков; на профучете как склонный к употреблению наркотиков состоял 12 851 чел.; на территории исправительных учреждений изъято 279,4 кг наркосодержащих веществ; зарегистрировано 1 416 происшествий в сфере незаконного наркооборота, по данным фактам возбуждено 956 уголовных дел. К уголовной ответственности по факту незаконного оборота наркотиков привлечено 225 чел., относящихся к спецконтингенту. Концентрация в учреждениях уголовно-исполнительной системы лиц с ярко выраженной криминальной направленностью негативно отражается на стабильности и управляемости оперативно-режимной обстановки в данных учреждениях.

Статья 8 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» содержит легальное определение следственного изолятора, под которым понимается учреждение, предназначенное для содержания подозреваемых и обвиняемых, в отноше-

нии которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу [1]. Кроме того, к спецконтингенту следственного изолятора следует относить осужденных, в отношении которых исполняется уголовное наказание к лишению свободы, оставленных для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию.

К основным задачам следственного изолятора в сфере противодействия нелегальному наркообороту следует относить:

1) создание условий, исключающих возможность подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений в сфере незаконного наркооборота, в отношении которых избрано содержание под стражей, скрыться от следствия или суда;

2) осуществление мер, препятствующих попыткам подозреваемых и обвиняемых помешать установлению истины по уголовному делу;

3) обеспечение правопорядка и законности в следственном изоляторе, в том числе осуществление комплексных мер по противодействию незаконному обороту наркотиков в указанном учреждении.

Кроме того, особенность деятельности следственного изолятора проявляется в дополнительном закреплении целей, перечисленных в уголовно-процессуальном законодательстве. К числу основных следует отнести:

1) быстрое и полное раскрытие преступлений в сфере незаконного наркооборота;

2) изобличение виновных и их изоляция с тем, чтобы они не скрылись от следствия и суда, не занимались преступной деятельностью и не воспрепятствовали производству по уголовному делу;

3) обеспечение объективности и полноты предварительного расследования преступлений, совершенных в сфере незаконного оборота наркотиков.

Каждая из перечисленных задач и целей находится в тесной взаимосвязи с функциями, возложенными на следственный изолятор. Среди них приоритетное место занимают: обеспечение охраны следственных изоляторов; обеспечение режима содержания и надзора за подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными; осуществление комплексных мер по предупреждению, пресечению и профилактике правонарушений в сфере

нелегального наркооборота среди спецконтингента; выявление и раскрытие наркопреступлений, совершенных лицами из числа спецконтингента; оказание содействия правоохранительным ведомствам в раскрытии правонарушений наркотической направленности; проведение оперативно-розыскных мероприятий; организация и проведение мероприятий по обеспечению безопасности следственного изолятора и соблюдению режимных требований; организация профессиональной подготовки сотрудников следственного изолятора в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков; осуществление воспитательной работы с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными; внедрение научных исследований по борьбе с наркоманией, наркобизнесом в практику следственных изоляторов и др.

По результатам опроса практических сотрудников уголовно-исполнительной системы, проведенного в 2020 г. следует, что на повышение эффективности деятельности следственного изолятора, в том числе в сфере противодействия наркообороту, оказывают следующие факторы: сбалансированная структура и достаточная штатная численность; активное применение методов бесконтактного надзора с использованием средств видеонаблюдения, слежения и контроля на территории следственного изолятора, его зданий и помещений; системы контроля управления доступом, оборудование площадей следственного изолятора инженерно-техническими средствами охраны. Сотрудники из числа руководящего состава, напротив, отмечают, что к числу факторов, положительно влияющих на эффективность деятельности, следует относить прогнозирование, планирование, взаимосвязь единоначалия и коллегиальности, персонализацию ответственности за состояние дел на вверенном участке и выполнение отданных поручений.

Следственный изолятор представляет собой комплексный механизм, состоящий из звеньев (подразделений), каждое из которых предназначено для выполнения специфических задач в рамках общей целевой направленности учреждения. Стандартная структура следственного изолятора представлена следующим образом. Следственный изолятор возглавляет начальник, которому непосредственно подчиняются бухгалтерия, канцелярия и дежурная служба. Остальные отделы и службы подчиняются начальнику через его заместителей по основным направлениям деятельности. Заместителю начальника по оперативной работе подчиняется оперативный отдел. В подчинении заместителя начальника по режиму находятся отдел режима, группа пожарной профилактики. Заместителю начальника по охране подчиняется отдел охраны, группа ИТО, связи и вооружения, кинологическое отделение и т.д. [2].

По мнению сотрудников исправительных учреждений, опрошенных в 2020 г., следует, что имеющаяся организационная структура следственного изолятора не в полном объеме отражает реализацию основных и обеспечивающих функций. В связи с чем одним из направлений совершенствования системы управления, позволяющим улучшить взаимодействие структурных подразделений в сфере борьбы с незаконным нарко-

оборотом, является оптимизация организационной структуры.

Так, заместитель начальника следственного изолятора по оперативной работе руководит только оперативным отделом, у которого есть начальник отдела. Численность этих отделов незначительна, в пределах 4–10 человек. Изложенные выше соображения позволяют прийти к выводу, что целесообразно объединить должности заместителя по оперативной работе и заместителя по режиму. Это позволит координировать и эффективно управлять через начальников отделов деятельностью двух подразделений: оперативного отдела и отдела режима.

В специальной литературе по основам управления в правоохранительных ведомствах отмечается, что вопрос об организации учреждения следует рассматривать с позиции рационализации [3. С. 84]. Средняя величина управляемости следственным изолятором составляет 7–10 человек, в том числе на уровне руководства – 4–5, а при выполнении служебных задач, таких как обыскные мероприятия подозреваемых, обвиняемых и осужденных, сопровождение их на прогулку, в санчасть, норма управляемости может достигать 20–30 и даже большее число подчиненных. Вполне обосновано, что включение в штатную численность следственного изолятора отдельного заместителя по оперативной работе.

Таким образом, объединение должностей заместителя по оперативной работе и заместителя по режиму в одну позволит координировать и эффективно управлять через начальников отделов деятельностью двух подразделений – оперативного отдела и отдела режима; преодолеть проблемы функционального эгоцентризма при организации взаимодействия между оперативным отделом и отделом режима, а также дежурной службой.

Несмотря на указанные противоречия в организационно-функциональной структуре следственного изолятора, единство и взаимопомощь всех структурных подразделений следственного изолятора в борьбе с незаконным оборотом наркотиков должны выражаться в реализации единой антинаркотической стратегии. Речь идет, в частности:

- 1) о проведении комплекса профилактических мер, направленных на предупреждение незаконного оборота наркотиков, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению правонарушений в следственном изоляторе;
- 2) раскрытию фактов незаконного наркооборота среди подозреваемых, обвиняемых, осужденных и иных лиц, содержащихся в следственном изоляторе;
- 3) изобличении преступной деятельности, связанной с незаконным оборотом наркотиков среди персонала, должностных лиц и граждан, находящихся на территории следственного изолятора;
- 4) оказании помощи правоохранительным органам в раскрытии преступлений наркотической направленности, к совершению которых причастны как лица, содержащиеся в следственном изоляторе, так и персонал, должностные лица и граждане, находящиеся на его территории.

Следует отметить, что оказание содействия иным правоохранительным органам в борьбе с наркопреступностью является важнейшим направлением деятельности следственного изолятора. Такое взаимодействие необходимо, поскольку спецконтингент следственного изолятора осведомлен об особенностях организации наркобизнеса в современных условиях. Раскрываемость преступлений зависит от того, насколько слажено взаимодействие между оперативно-розыскными подразделениями правоохранительных органов. Использование преимуществ и возможностей, находящихся в распоряжении оперативных сотрудников следственного изолятора, позволяет оказывать посильную помощь коллегам в раскрытии преступлений, в том числе тех, расследование по которым было безуспешно в течение длительного времени [4. С. 24].

Справедливо мнение о том, что взаимодействие следственного изолятора с иными правоохранительными органами в сфере противодействия незаконному наркообороту выглядит следующим образом: имеются неравные условия реализации своей деятельности; применяются разные методы и средства оперативного воздействия на интересующий объект; наличествует единство объекта оперативного воздействия; используются специальные силы, необходимые для борьбы с преступлениями наркотической направленности; не обеспечивается полное раскрытие преступлений, совершенных вне следственного изолятора и оставшихся не раскрытыми в период расследования; не решены задачи по предупреждению преступлений в сфере незаконного наркооборота [5. С. 15]. Среди предложений по совершенствованию взаимодействия в сфере борьбы с незаконным наркооборотом опрошенные нами сотрудники уголовно-исполнительной системы назвали следующие: нормативное закрепление прав и обязанностей каждого субъекта взаимодействия; наличие преемственности и взаимодополняемости в деятельности субъектов взаимодействия; знание субъектами взаимодействия специфики задач, реализация которых относится к их обязанностям, и возможные пути решения возникающих проблем; добросовестное выполнение запланированных совместных мероприятий всеми субъектами взаимодействия; обеспечение четкой координации указанного взаимодействия; взаимный и фактический контроль за деятельностью взаимодействующих субъектов; наличие между субъектами взаимодействия бесперебойной связи; достаточность ресурсов у взаимодействующих субъектов; укомплектованность субъектов взаимодействия кадрами, их надлежащий профессиональный уровень; возможность повышения уровня профессионализма сотрудников взаимодействующих субъектов; внедрение в практику взаимодействия современных научно-методических разработок и др.

Следует отметить тот факт, что эффективность взаимодействия находится в прямой зависимости от того, насколько правильно выбраны методы и средства оперативной работы. Особенность оперативной работы в следственном изоляторе обусловлена историческим развитием правоохранительных органов российского

государства. По мнению А.В. Агаркова, сыск как прообраз оперативно-розыскной деятельности в системе исполнения наказаний обязан своим появлением делу декабристов, поскольку к представителям аристократических семей нельзя было применять меры физического воздействия [6. С. 5]. Признаки внутрикамерной разработки отражены в некоторых положениях Инструкции по организации и ведению внутренней агентуры, изданной МВД России в 1908 г., в которой указывалось, что способ подсадки в камеры к арестантам своего человека неоднократно давал высокие результаты и применялся в целях склонения заключенных к даче искренних показаний, которые в последующем передавались оперативным сотрудникам учреждения [7. С. 59].

Рассмотрим еще один немаловажный аспект взаимодействия сотрудников оперативного подразделения с иными правоохранительными органами. Теория оперативно-розыскной деятельности говорит о том, что оперативные подразделения выступают в качестве самостоятельных субъектов оперативно-розыскной деятельности. И напротив, согласно ч. 5 ст. 13 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», оперативные подразделения органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, вправе проводить совместно с работниками уголовно-исполнительной системы оперативно-розыскные мероприятия в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы [1].

Автономно проводить оперативно-розыскные мероприятия оперативные подразделения органов внутренних дел, органов ФСБ, таможенные органы и другие на территории следственного изолятора не вправе. Данная норма является правовым основанием осуществления оперативно-розыскной деятельности в следственном изоляторе во взаимодействии с заинтересованным субъектом при обязательном участии оперативного сотрудника следственного изолятора.

Особый интерес вызывает п. 4 ст. 14 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», в котором указано, что при решении задач оперативно-розыскной деятельности органы, уполномоченные ее осуществлять, обязаны информировать другие органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность на территории Российской Федерации, о ставших им известными фактах противоправной деятельности, относящихся к компетенции этих органов, и оказывать этим органам необходимую помощь [1]. В этой норме наиболее полно учтена специфика применяемых методов и средств оперативной работы. Очевидно, что в законе закреплена одна из эффективных форм взаимодействия органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, – это обмен оперативно значимой информацией. Кроме того, взаимодействие может проявляться в форме совместного планирования, ведения различных видов учета, содействия в организации оперативно-розыскных мероприятий, использовании специальной техники и средств.

Таким образом, исследование ряда вопросов, связанных с определением места и роли следственных

изоляторов в механизме противодействия незаконному обороту наркотиков, позволяет сделать следующие выводы.

Реализация единой стратегии по противодействию незаконному обороту наркотиков проявляется в многообразных направлениях деятельности следственного изолятора. Среди них обеспечение комплексных профилактических мер, направленных на предупреждение незаконного оборота наркотиков, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению правонарушений наркотической направленности в следственном изоляторе; раскрытие фактов нелегального наркообращения среди подозреваемых, обвиняемых, осужденных, содержащихся в следственном изоляторе; изобличение преступной деятельности, связанной с незаконным оборотом наркотиков среди персонала, должностных лиц и граждан, находящихся на территории следственного изолятора и др.

На основании проведенного анализа организационной и функциональной структуры следственных изоля-

торов представляется целесообразным объединить должности заместителя по оперативной работе и заместителя по режиму. Это позволит координировать и эффективно управлять через начальников отделов деятельностью двух подразделений – оперативного отдела и отдела режима; преодолеть проблемы функционального эгоцентризма при организации взаимодействия между оперативным отделом и отделом режима, дежурной службой в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ.

Взаимодействие оперативного подразделения следственного изолятора с иными правоохранительными органами является важнейшим направлением деятельности следственного изолятора в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков. В связи с этим специфика учреждений, предназначенных для содержания подозреваемых и обвиняемых, в значительной степени определяет характер рассматриваемого взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1995. № 29. Ст. 2759.
2. *Ведомости уголовно-исполнительной системы*. 2008. № 7.
3. *Веснин В.Р.* Менеджмент. М.: ТК Велби, 2006. 504 с.
4. *Маслихин А.В.* Следственный изолятор как место предварительного заключения. Рязань: Рязанская высшая школа МВД СССР, 1976. 52 с.
5. *Барabanов Н.П., Власов А.Н.* Теоретические, организационные и правовые основы взаимодействия учреждений и органов уголовно-исполнительной системы с органами внутренних дел в борьбе с преступностью. Рязань: Академия права и управления, 2006. 31 с.
6. *Азарков А.В.* Особенности осуществления оперативно-розыскной деятельности в местах лишения свободы // *Вестник Владимирского юридического института*. 2012. № 2 (23). С. 4–7.
7. *Климов И.А., Синилов Г.К., Тузов Л.Л.* Агентурный метод защиты интересов личности, общества, государства и борьбы с преступностью. Калининград: Калининградский юридический институт МВД России, 2002. 334 с.

Статья принята к публикации 24.05.2021.

The Place and Role of a Pre-Trial Detention Center in the Counteraction to Illicit Trafficking in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 17, pp. 76–80. DOI: 10.17223/23088451/17/16

Evgeniya S. Vitovskaya, Federal State Educational Institution of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: Jane-vit@mail.ru

Keywords: drug-related crime, pre-trial detention center, counteraction, operational-search activity, interaction

The article analyzes the role of a pre-trial detention center as a subjects of anti-drug activity and a penal institution. The author uses the official data of the Federal Penitentiary Service of Russia to provide various indicators of illicit narcotics and psychotropic substance trafficking in penal institutions. She also relies on the results of a survey of penitentiary employees on the issue of increasing the detention center effectiveness in counteracting drug trafficking. Criminal-minded people (including those who were engaged in illegal drug trafficking) impinge upon the stability and controllability of the regime in pre-trial detention centers. The author examines the legal foundations and basic directions of countering the illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances in pre-trial detention centers and draws attention to the fact that the operational-search activity carried out in pre-trial detention centers is possible only with the obligatory participation of the operational officer. Among the conditions for the correct organization of interaction between the structural units in the pre-trial detention center, a special place belongs to the organizational and functional structure. Having analyzed the legal norms consolidating the methods and means of operational work, including the exchange of operatively significant information and the works about management in law enforcement agencies, the author concludes that it is necessary to combine the positions of deputy for operational work and deputy for regime to coordinate efforts aimed at countering drug trafficking in pre-trial detention centers. Despite the existing contradictions in the organizational and functional structure of the detention facility, the unity and mutual assistance of all structural units of the detention facility to counteract illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances requires the implementation of a unified state anti-drug strategy.

References

1. Russia. (1995a) *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Legislation Bulletin of the Russian Federation]. 29. Art. 2759.
2. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy*. (2008) 7.

3. Vesnin, V.R. (2006) *Menedzhment* [Management]. Moscow: Velbi.
4. Maslikhin, A.V. (1976) *Sledstvennyy izolyator kak mesto predvaritel'nogo zaklyucheniya* [Pre-trial detention center as a place of preliminary detention]. Ryazan: Ryazan Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR.
5. Barabanov, N.P. & Vlasov, A.N. (2006) *Teoreticheskie, organizatsionnye i pravovye osnovy vzaimodeystviya uchrezhdeniy i organov ugolovno-ispolnitel'noy sistemy s organami vnutrennikh del v bor'be s prestupnost'yu* [Theoretical, organizational and legal foundations of interaction of penal institutions and bodies with internal affairs bodies in the fight against crime]. Ryazan: Academy of Law and Management.
6. Agarkov, A.V. (2012) Osobennosti osushchestvleniya operativno-rozysknoy deyatel'nosti v mestakh lisheniya svobody [Specificity of the implementation of operational-search activities in custodial institutions]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*. 2(23). pp. 4–7.
7. Klimov, I.A., Sinilov, G.K. & Tuzov, L.L. (2002) *Agenturnyy metod zashchity interesov lichnosti, obshchestva, gosudarstva i bor'by s prestupnost'yu* [An undercover method of protecting the interests of the individual, society, the state and the fight against crime]. Kaliningrad: Kaliningrad Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Received: 24 May 2021.

УДК 343.15

DOI: 10.17223/23088451/17/17

Т.В. Зеленская, М.И. Казарина

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ О НАЗНАЧЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

Рассматриваются вопросы, связанные с исполнением постановления суда о назначении принудительных мер медицинского характера невменяемым лицам. Исследуются проблемы применения мер процессуального принуждения после вынесения постановления о назначении принудительных мер медицинского характера, временного промежутка после вынесения постановления до доставления лица в медицинскую организацию, а также вопрос об органе, обеспечивающем доставку таких лиц для принудительного лечения.

Ключевые слова: *принудительные меры медицинского характера, исполнение постановления суда, состояние невменяемости*

В соответствии с Минимальными стандартными правилами обращения с заключенными 1955 г. лиц, которые не несут уголовную ответственность, не следует содержать в тюремных учреждениях, необходимо принимать меры для их возможного скорейшего перевода в психиатрические клиники [1]. Принципы защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи 1991 г. предусматривают, что в отношении лиц, совершивших запрещенные уголовным законом деяния, если предполагается или установлено, что они страдают психическим заболеванием, общие принципы защиты подлежат применению в полном объеме с такими минимальными, необходимыми в данных обстоятельствах изменениями и исключениями, которые не будут наносить ущерб их правам [2].

Основываясь на нормах международного права, опыте других государств, национальное уголовно-правовое законодательство установило правило на неприязнательность государства к лицам, совершившим преступление в состоянии невменяемости. Такие лица не привлекаются к уголовной ответственности (ст. 21 УК РФ), а возбужденные уголовные дела подлежат прекращению (ст. 24 УПК РФ) [3]. Вместе с тем лицам, совершившим преступление в состоянии невменяемости, суд назначает принудительные меры медицинского характера, но только в случаях, когда психические расстройства связаны с возможностью причинения этими лицами иного существенного вреда либо с опасностью для себя или других лиц (ст. 97 УК РФ) [4].

Ежегодно судьи выносят около 8 тыс. постановлений о назначении принудительных мер медицинского характера [5, 6]. Нужно отметить, что принудительные меры медицинского характера регулируются как уголовным, уголовно-процессуальным, так и уголовно-исполнительным законодательством, однако, как отмечают ученые, не в полной степени [7. С. 7; 8. С. 133; 9. С. 29].

В частности, множество проблем возникает непосредственно после вынесения судебного решения в отношении лица, совершившего преступление в состоянии невменяемости, о назначении данных мер на стадии исполнения решения суда [10. С. 5]. Нужно сказать, что исполнение решения суда, в том числе и о назначении принудительных мер медицинского харак-

тера, не все ученые относят к стадиям уголовного судопроизводства, они считают, что урегулирование исполнения судебного решения, в частности приговора суда, должно производиться уголовно-исполнительным, а не уголовно-процессуальным законодательством [11. С. 35; 12. С. 84]. Между тем, анализируя нормы УПК РФ и УИК РФ, следует отметить, что вопросы, возникающие при исполнении постановления суда о назначении принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, совершивших преступление в состоянии невменяемости, в итоге остались без ответов в обоих кодексах.

Прежде всего необходимо отметить проблему правового режима применения меры пресечения в виде заключения под стражу и содержания их под стражей, а также иных мер процессуального принуждения после вынесения постановления о назначении принудительных мер медицинского характера к лицам, ожидающим направления в медицинскую организацию.

Цели принудительных мер медицинского характера в корне отличаются от целей наказания и в силу ст. 98 УК РФ заключаются в излечении или улучшении психического состояния лица, а также предупреждении совершения им новых общественно опасных деяний. Как пишет Б.А. Спасенников, приоритет отдается достижению психического здоровья, а не интересам государства [13. С. 107]. Такие лица не освобождаются, а вообще не привлекаются к уголовной ответственности. В этой связи обращение с лицами, подлежащими принудительному лечению, не должно быть аналогичным обращению с лицами, привлекаемыми к уголовной ответственности. В свою очередь, если время содержания под стражей для подсудимых засчитывается в срок лишения свободы, что представляется справедливым, то содержание под стражей лиц, совершивших преступление в состоянии невменяемости, не засчитывается в наказание (ввиду невозможности его назначения) и в период применения принудительных мер медицинского характера (ввиду отсутствия направленности на излечение). Применение уголовно-процессуальных мер принуждения к душевнобольным лицам представляется необоснованным.

Отметим, что применение иных, не процессуальных мер государственного принуждения к лицу, ожидаю-

щению направления в медицинскую организацию, российским законодательством не предусмотрено. В связи с этим данный вопрос вынужденно регулируется уголовно-процессуальными средствами, по своей природе направленными не на душевнобольных, а вменяемых лиц, привлекаемых к уголовной ответственности.

Итак, в соответствии со ст. 435 УПК РФ, при установлении факта психического заболевания у лица, к которому в качестве меры пресечения применено содержание под стражей, суд принимает решение о его переводе в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях. При этом, учитывая положение п. 8.1. ст. 109 УПК РФ, срок содержания под стражей ограничен принятием судебного решения о применении мер медицинского характера, в том числе и потому, что такое лицо утрачивает статус обвиняемого [14]. Соблюдая букву закона, дальнейшее содержание лица под стражей не допускается, как и применение иных мер процессуального принуждения.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 20 постановления от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» также указывает, что в резолютивной части постановления должно содержаться «решение вопроса об отмене меры пресечения, если она не была отменена ранее» [15].

Между тем прямого законодательного запрета на применение мер пресечения, в том числе содержания под стражей, после вынесения Постановления о назначении принудительных мер медицинского характера УПК РФ не содержит. Анализ судебной практики показал, что суд толкует отсутствие такого запрета как разрешение и фактически после прекращения уголовного дела и отказа от привлечения лица к уголовной ответственности заключает лицо, ожидающее направления в медицинскую организацию, под стражу, т.е., по сути, лишает свободы.

К примеру, в постановлении о назначении принудительных мер медицинского характера по делу № 1-611/2019 Первомайским районным судом г. Ростова-на-Дону указано: «Освободить Ч. от уголовной ответственности за совершение запрещенного уголовным законом деяния... меру процессуального принуждения в виде обязательства о явке отменить, избрать Ч. меру пресечения в виде заключения под стражу, взяв его под стражу в зале суда немедленно, по помещении Ч. в психиатрический стационар общего типа меру пресечения в виде заключения под стражу отменить» [16].

На подобные нарушения обратил внимание Европейский Суд по правам человека в постановлениях по жалобе № 48023/06 «Васенин против России» и № 28869/03 «Прошкин против России» и указал, что содержание под стражей душевнобольного лица является законным только в том случае, «если оно осуществляется в больнице, клинике или ином соответствующем учреждении», если же лицо содержится под стражей в обычной камере для нескольких заключенных и не проходит лечения с целью улучшения или как минимум сохранения его психического состояния, его

камера не может рассматриваться в качестве «учреждения, подходящего для содержания под стражей душевнобольных» [17]. Между тем позиция Европейского Суда по правам человека осталась не воспринятой российским законодательством, лица, ожидающие направления в медицинскую организацию, содержатся в камерах следственных изоляторов.

Вопрос применения иных мер процессуального принуждения к лицам, подлежащим направлению в медицинскую организацию для лечения, также остается открытым. Суды продолжают оставлять меры процессуального пресечения после вынесения постановления о назначении принудительных мер медицинского характера до фактического помещения в медицинскую организацию лицам, совершившим преступления в состоянии невменяемости. Так, в постановлении о назначении принудительной меры медицинского характера по делу № 1-2267/2019 Якутский городской суд в резолютивной части указал: «Меру процессуального принуждения в виде обязательства о явке отменить с момента помещения Л. в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях общего типа» [18]. Таким образом, после прекращения уголовного дела мера процессуального принуждения продолжает безосновательно действовать.

Проблема применения судами мер процессуального принуждения после прекращения уголовного дела и назначения принудительных мер медицинского характера к лицам, ожидающим направления в медицинскую организацию, вызывается объективной необходимостью контроля за поведением таких лиц в течение некоторого периода времени. К примеру, если суд назначает принудительную меру медицинского характера в виде принудительного наблюдения и лечения у врача-психиатра в амбулаторных условиях, обязанность для лица прибыть к врачу-психиатру, по сути, отсутствует, поэтому суд прибегает к незаконному оставлению меры уголовно-процессуального принуждения. В этой связи выявляется проблема наличия промежутка времени между вынесением судьей постановления о назначении принудительных мер медицинского характера и датой доставления лица в медицинскую организацию.

Временной промежуток с момента вынесения решения о прекращении уголовного дела и назначении принудительных мер медицинского характера до получения медицинской организацией копии постановления уголовно-процессуальным законодательством регламентирован абстрактно – «до 5 суток» [3]. Следовательно, правовое основание для определения лица на принудительное лечение возникнет не ранее, чем копия постановления будет передана руководству соответствующего лечебного учреждения.

Некоторое время займет также принятие уполномоченным органом исполнительной власти в сфере охраны здоровья решения о лечении или направлении лица, нуждающегося в психиатрической помощи, в медицинскую организацию. В итоге на весь период с момента вынесения постановления, принятия решения медицинской организацией, доведения решения организации правоохранительным органам до фактического

направления лица в медицинскую организацию к таким лицам безосновательно применяются меры уголовно-процессуального принуждения, в том числе и заключение под стражу.

Между тем Европейский Суд по правам человека подчеркивает, что значительная задержка при принятии душевнобольного лица в клинику и, таким образом, задержка начала лечения «может негативно повлиять на ход лечения и, в некоторых случаях, на перспективы успешного лечения» [17]. В этой связи требуется скорейшее направление лица в медицинскую организацию для лечения.

Статья 29 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» содержит законодательное разрешение о госпитализации лица в психиатрический стационар без его согласия или без согласия его законного представителя по решению врача-психиатра до постановления судьи [19]. Несмотря на это, госпитализация лица в психиатрический стационар сразу же после проведения экспертизы и установления совершения преступления в состоянии невменяемости не является решением обозначенной проблемы. Во-первых, это не отвечает требованиям такого вида принудительных мер медицинского характера, как принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях. Во-вторых, госпитализация до рассмотрения дела в суде не учитывает возможность прекращения уголовного дела без назначения принудительных мер медицинского характера. В-третьих, так или иначе, такая госпитализация требует вынесения судебного решения в течение 24 часов с момента признания комиссией врачей-психиатров госпитализации обоснованной [20].

Однако решить проблему временного промежутка после вынесения постановления о назначении принудительных мер медицинского характера до фактического направления в медицинскую организацию представляется возможным путем устранения 5-дневного срока направления копии постановления и заочного, без участия лица, принятия медицинской организацией решения о лечении или направлении лица в медицинскую организацию. Другими словами, после назначения судьей конкретной принудительной меры медицинского характера лицо незамедлительно должно быть доставлено в медицинскую организацию для принудительного наблюдения и лечения у врача-психиатра в амбулаторных условиях или помещения в психиатрический стационар.

Следующей немаловажной проблемой является проблема компетентного органа, обеспечивающего доставку лиц для принудительного лечения в органы здравоохранения. В пункте 9.2.20 приказа Судебного департамента при Верховном Суде РФ «Об утверждении инструкции по судебному делопроизводству в районном суде» указывается, что суд направляет копию постановления «уполномоченному органу, в компетенцию которого входит обеспечение доставки данного лица для лечения в органах здравоохранения» [21].

На практике вследствие неправильного применения уголовно-процессуального закона сложилось представ-

ление о том, что доставлять лицо на принудительное лечение должен тот орган, под чьей юрисдикцией лицо в данный момент находится. Из ранее представленных примеров видно, что суд после освобождения от уголовной ответственности лица определяет условием, при котором мера процессуального принуждения перестанет осуществляться, момент фактического доставления в медицинскую организацию. Если лицо до этого момента содержалось в следственном изоляторе, доставка осуществляется сотрудниками уголовно-исполнительной системы, если назначена мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении или лицо задержано и находился в изоляторе временного содержания – сотрудниками полиции.

Исходя из направленности принудительных мер медицинского характера на излечение, улучшение психического состояния душевнобольных лиц, а также на предупреждение совершения ими новых преступлений, представляется, что компетентными органами для достижения указанной цели являются органы здравоохранения. Между тем содействие этим органам возложено на полицию. Так, п. 35 ст. 12 Федерального закона «О полиции» предусматривает обязанность органов полиции: участвовать совместно с органами здравоохранения в наблюдении за лицами, страдающими психическими расстройствами и представляющими опасность для окружающих; оказывать содействие медицинским работникам в осуществлении назначенной судом недобровольной госпитализации лиц в медицинские организации [22].

Однако на практике возникают проблемы понимания существа такого содействия, а само содействие органов полиции сведено к минимуму. Как правило, полиция осуществляет розыск лиц, уклоняющихся от интенсивного наблюдения в условиях стационарного лечения, при поступлении сообщения об уклонении от принудительного лечения.

Межведомственный приказ «О мерах по предупреждению общественно опасных действий лиц, страдающих психическими расстройствами» от 30 апреля 1997 г. прямо указывает на взаимодействие органов здравоохранения и органов внутренних дел Российской Федерации, в инструкции к которому указываются обязанности сторон взаимодействовать в части своей компетенции [23]. Между тем нужно отметить, что должностные инструкции заведующего психоневрологическим отделением как таковые не предусматривают какого-либо взаимодействия с полицией.

В этой связи представляется, что указание судом при вынесении постановления о применении принудительных мер медицинского характера в резолютивной части на необходимость сопровождения лица в медицинскую организацию и обязанность заведующего психоневрологическим отделением исполнения судебного решения, а также указание в постановлении органа, который будет осуществлять доставку такого лица, способствовали бы более четкому исполнению постановления суда.

Нельзя не сказать о наличии Федерального закона «Об обеспечении охраны психиатрических больниц

(стационаров) специализированного типа с интенсивным наблюдением», который в ст. 7 в качестве одной из задач предусматривает сопровождение и охрану лиц, находящихся на принудительном лечении в психиатрическом стационаре, при их переводе из стационара в стационар, а ст. 10–13 указанного закона разрешают использование в отношении таких лиц физической силы и специальных средств [24]. В этой связи видится возможным возложение обязанности доставки таких лиц в медицинскую организацию силами и средствами охраны психиатрических стационаров без привлечения уголовно-процессуальных сил и средств, что, как представляется, учитывает статус такого лица и способно обеспечить его права и свободы.

Подводя итоги, нужно отметить, что принудительные меры медицинского характера в отношении лиц, совершивших преступление в состоянии невменяемости, урегулированы уголовно-процессуальным законо-

дательством недостаточно четко. Между тем и уголовно-исполнительное, и уголовное законодательство, также не дает ответов на возникающие при исполнении постановления суда вопросы. Выявлено, что применение иных, не уголовно-процессуальных мер государственного принуждения к лицу, ожидающему направления в медицинскую организацию, российским законодательством не предусмотрено. В связи с этим данный вопрос вынужденно регулируется уголовно-процессуальными средствами, по своей природе направленными не на душевнобольных, а на вменяемых лиц, привлекаемых к уголовной ответственности. Уголовно-процессуальное законодательство на сегодняшний день не способно в полной мере решить все проблемы, возникающие при исполнении постановления суда о назначении мер медицинского характера, и не нарушить при этом права лиц, направляемых на принудительное лечение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Минимальные стандартные правила в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) (пересмотренный текст) (приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 17 декабря 2015 г.) // Информационно-правовой портал «Гарант.ру».
2. Принципы защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи (утверждены Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1991 г. 46/119) // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mental_health_care.shtml (дата обращения: 13.10.2020).
3. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 27 октября 2020 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921 (Ч. 1).
4. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27 октября 2020 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
5. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2018 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (дата обращения: 13.10.2020).
6. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (дата обращения: 13.10.2020).
7. Васеловская А.В. Принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, по Уголовному кодексу Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2020. 212 с.
8. Герасина Ю.А. Принудительные меры медицинского характера: понятие, виды, применение. М. : Юрлитинформ, 2014. 184 с.
9. Кудовба О.Н. Организация и контроль деятельности учреждений и органов, применяющих принудительные меры медицинского характера в отношении осужденных : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2017. 182 с.
10. Коптяев А.Ю. Производство о применении мер медицинского характера : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2010. 23 с.
11. Николюк В.В. Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения. Орёл : ОрЮИ МВД России им. В.В. Лукьянова, 2015. 235 с.
12. Свиридов М.К. Отраслевая принадлежность норм, регулирующих судебную деятельность по исполнению приговора // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 36. С. 83–91.
13. Спасенников Б.А., Эриашвили Н.Д., Кудряшов О.В. Принудительные меры медицинского характера. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2016. 175 с.
14. Воскобойник И.О. К вопросу о необходимости совершенствования уголовно-процессуальной формы производства о применении принудительных мер медицинского характера // СПС «КонсультантПлюс».
15. О практике применения судами принудительных мер медицинского характера: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 6 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsr.ru/documents/own/8236/> (дата обращения: 30.11.2020).
16. Постановление Первомайского районного суда г. Ростова-на-Дону от 21 января 2020 г. № 1-611/2019 // Судебные нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/TnBBL0j8NI6X> (дата обращения: 27.09.2020).
17. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу № 48023/06 «Васенин против России» от 21 июня 2016 г. URL: <https://genproc.gov.ru/documents/espch/document-1157306/> (дата обращения: 30.11.2020).
18. Постановление Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 11 февраля 2020 г. № 1-2267/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/49FEBRoiLxmW/> (дата обращения: 27.09.2020).
19. О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании : Закон от 2 июля 1992 г. № 3185-I // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 33. Ст. 1913.

20. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за 2015 год от 23 декабря 2015 г. № 4 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/practice/15164/> (дата обращения: 30.11.2020).
21. Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 апреля 2003 г. № 36 (ред. от 21.10.2019) // Бюллетень актов по судебной системе. 2018. № 6.
22. О полиции : Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // Российская газета. 2011. № 25.
23. О мерах по предупреждению общественно опасных действий лиц, страдающих психическими расстройствами : Приказ Минздрава РФ № 133, МВД РФ № 269 от 30 апреля 1997 г. // Медицинская газета. 1997. № 73.
24. Об обеспечении охраны психиатрических больниц (стационаров) специализированного типа с интенсивным наблюдением : Федеральный закон от 7 мая 2009 г. № 92-ФЗ // Российская газета. 2009. № 84.

Статья принята к публикации 24.05.2021.

Some Problems of the Execution of a Court Decision on the Appointment of Compulsory Medical Measures

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 17, pp. 81–86. DOI: 10.17223/23088451/17/17

Tatiana V. Zelenskaya, Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: stehha@mail.ru

Marina I. Kazarina, Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: mmmmmint@yandex.ru

Keywords: compulsory measures of a medical nature, execution of a court order, state of insanity

Compulsory measures of a medical nature are regulated by both criminal, procedural and penal legislation, though not to the full extent. In particular, many problems arise immediately after a court decision has been made in relation to a person who has committed a crime in a state of insanity, as well as on the appointment of these measures, and at the stage of a court decision execution. First of all, it is necessary to note the problem of the legal regime for the application of a preventive measure in the form of taking into and keeping in custody, as well as other procedural coercion measures when the decision on the appointment of compulsory medical measures to persons awaiting referral to a medical organization has been made. The application of compulsory procedural measures to the mentally ill seems unreasonable, bearing in mind the purposes of compulsory medical measures, non-counting the time of compulsory medical measures within the term of imprisonment, loss of the indictment period due to the termination of the criminal case. The application of procedural coercion by courts after the termination of a criminal case and appointment of compulsory medical measures against the persons waiting to be sent to a medical institution appear out of the objective need to control the behavior of such persons for a certain period. In this regard, there appears a problem of a time interval between a decision on the appointment of compulsory medical measures and the date when the person is delivered to the medical institution. It seems possible to solve this problem, if we eliminate the 5-day period when a copy of the court resolution is sent to the medical institution and make it possible for a medical institution to make a decision on accepting and treatment of the person in absentia. Another important problem is a competent authority to ensure the delivery of people for compulsory treatment. In practice, due to the incorrect application of the criminal procedure law, there is no clear idea of who should bring a person for compulsory treatment. Meanwhile, since compulsory medical measures are aimed at curing, improving the mental state of mentally ill people as well as preventing them from committing new crimes, health authorities seem to be the most suitable for this role. It seems possible to authorize the security service of psychiatric hospitals operating on the basis of the Federal Law “On ensuring the protection of psychiatric hospitals (hospitals) of a specialized type with intensive supervision” to deliver such persons to medical institutions, without involving criminal procedural forces and means, which seems to take into account the status and mental health of the persons as well as their rights and freedoms.

References

1. UNO. (2015) *Minimal'nye standartnye pravila v otnoshenii obrashcheniya s zaklyuchennymi (Pravila Nel'sona Mandely) (peresmotrennyy tekst) (prinyaty Rezolyutsiei General'noy Assamblei OON 17 dekabrya 2015 g.)* [Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (Nelson Mandela Rules) (revised text) (adopted by the UN General Assembly Resolution on December 17, 2015)]. [Online] Available from: Garant.ru.
2. UNO. (1991) *Printsipy zashchity psikhicheski bol'nykh lits i uluchsheniya psikhiatricheskoy pomoshchi (utverzhdeny Rezolyutsiei General'noy Assamblei OON ot 17 dekabrya 1991 g. 46/119)* [Principles for the Protection of Persons with Mental Illness and the Improvement of Mental Health Care (approved by the UN General Assembly Resolution 46/119 of December 17, 1991)]. [Online] Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mental_helth_care.shtml (Accessed: 13th October 2020).
3. Russia. (2001) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks RF ot 18 dekabrya 2001 g. №174-FZ (red. ot 27 oktyabrya 2020 g.)* [The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001, No. 174-FZ (as amended on October 27, 2020)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 52. Art. 4921 (Part 1).
4. Russia. (1996) *Ugolovnyy kodeks RF ot 13 iyunya 1996 g. №63-FZ (red. ot 27 oktyabrya 2020 g.)* [The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on October 27, 2020)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 25. Art. 2954.
5. The Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. (2018) *Otchet o chisle privilechennykh k ugolovnoy otvetstvennosti i vidakh ugolovnogo nakazaniya. Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2018 god* [Report on the number of persons prosecuted and types of criminal punishment. Summary statistical information on the state of convictions in Russia for 2018]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (Accessed: 13th October 2020).
6. The Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. (2019) *Otchet o chisle privilechennykh k ugolovnoy otvetstvennosti i vidakh ugolovnogo nakazaniya. Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2019 god* [Report on the number of persons prosecuted and types of criminal punishment. Summary statistical information on the state of convictions in Russia for 2019]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (Accessed: 13th October 2020).
7. Vaselovskaya, A.V. (2020) *Prinuditel'noe lechenie v meditsinskoj organizatsii, okazyvayushchey psikhiatricheskuyu pomoshch' v stacionarnykh usloviyakh, po Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Compulsory treatment in a medical organization providing psychiatric care in inpatient conditions, according to the Criminal Code of the Russian Federation]. Law Cand. Diss. Tomsk.

8. Gerasina, Yu.A. (2014) *Prinuditel'nye mery meditsinskogo kharaktera: ponyatie, vidy, primeneniye* [Compulsory measures of a medical nature: concept, types, application]. Moscow: Yurlitinform.
9. Kudovba, O.N. (2017) *Organizatsiya i kontrol' deyatel'nosti uchrezhdeniy i organov, primenyayushchikh prinuditel'nye mery meditsinskogo kharaktera v otnoshenii osuzhdennykh* [Organization and control of the activities of institutions and bodies applying compulsory medical measures in relation to convicts]. Law Cand. Diss. Ryazan.
10. Koptyaev, A.Yu. (2010) *Proizvodstvo o primenении мер медитсинского кхарактера* [Proceedings on the application of medical measures]. Abstract of Law Cand. Diss. Tyumen.
11. Nikolyuk, V.V. (2015) *Zaklyuchenie pod strazhu osuzhdenного, skryvshegosya v tselyakh ukloneniya ot otbyvaniya nakazaniya: doktrina, zakonodatel'naya konstruksiya, tolkovanie i problemy prakticheskogo primeneniya* [Imprisonment of a convicted person evading the sentence: a doctrine, legislative structure, interpretation, and problems of practical application]. Orel: Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
12. Sviridov, M.K. (2020) Branch affiliation of the rules governing judicial activity on the execution of sentences. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 36. pp. 83–91. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/36/8
13. Spasennikov, B.A., Eriashvili, N.D. & Kudryashov, O.V. (2016) *Prinuditel'nye mery meditsinskogo kharaktera* [Compulsory Measures of a Medical Nature]. Moscow: YuNITI-DANA: Zakon i pravo.
14. Voskoboynik, I.O. (n.d.) *K voprosu o neobkhodimosti sovershenstvovaniya ugovno-protsessual'noy formy proizvodstva o primenении prinuditel'nykh мер медитсинского кхарактера* [On the need to improve the criminal procedural form of proceedings on the use of compulsory medical measures]. [Online] Available from: SPS "Konsul'tantPlyus".
15. The Supreme Court of the Russian Federation. (2011) *O praktike primeneniya sudami prinuditel'nykh мер медитсинского кхарактера: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 7 aprelya 2011 g. №6* [On the practice of using compulsory medical measures by the courts: Resolution No. 6 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 7, 2011]. [Online] Available from: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8236/> (Accessed: 30th November 2020).
16. The Pervomaisky District Court of Rostov-on-Don. (2019) *Postanovlenie Pervomayskogo rayonnogo suda g. Rostova-na-Donu ot 21 yanvarya 2020 g. №1-611/2019* [Resolution No. 1-611 / 2019 of the Pervomaisky District Court of Rostov-on-Don dated January 21, 2020]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/TnBBLoj8NI6X> (Accessed: 27th September 2020).
17. The Prosecutor General's Office of the Russian Federation. (2016) *Postanovlenie Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka po delu №48023/06 "Vasenin protiv Rossii" ot 21 iyunya 2016 g.* [Resolution of the European Court of Human Rights on Case No. 48023/06 "Vasenin v. Russia" dated June 21, 2016]. [Online] Available from: <https://genproc.gov.ru/documents/espch/document-1157306/> (Accessed: 30th November 2020).
18. The Yakutsk City Court of the Republic of Sakha (Yakutia). (2019) *Postanovlenie Yakutskogo gorodskogo suda Respubliki Sakha (Yakutiya) ot 11 fevralya 2020 g. №1-2267/2019* [Resolution No. 1-2267 / 2019 of the Yakutsk City Court of the Republic of Sakha (Yakutia) dated February 11, 2020]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/49FEBRoiLxmW/> (Accessed: 27th September 2020).
19. Russia. (1992) O psikhiatricheskoy pomoshchi i garantiyakh prav grazhdan pri ee okazanii: zakon ot 2 iyulya 1992 g. №3185-I [On psychiatric care and guarantees of the rights of citizens in its provision: Law No. 3185-I of July 2, 1992]. *Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov RF i Verkhovnogo Soveta RF*. 33. Art. 1913.
20. The Supreme Court of the Russian Federation. (2015) *Obzor sudebnoy praktiki Verkhovnogo Suda RF za 2015 god ot 23 dekabrya 2015 g. №4* [Review No. 4 of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for 2015 of December 23, 2015]. [Online] Available from: <https://www.vsrfr.ru/documents/practice/15164/> (Accessed: 30th November 2020).
21. The Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2003) Ob utverzhdenii Instruksii po sudebnomu deloproizvodstvu v rayonnom sude: Prikaz Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude RF ot 29 aprelya 2003 g. №36 (red. ot 21.10.2019) [On approval of the Instruction on Judicial Proceedings in the District Court: Order No. 36 of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation dated April 29, 2003 (as amended on October 21, 2019)]. *Byulleten' aktov po sudebnoy sisteme*. 6.
22. Russia. (2011) O politzii: feder. zakon ot 7 fevralya 2011 g. №3-FZ (red. ot 06.02.2020) [On the police: Federal Law No. 3-FZ of February 7, 2011 (as amended on February 6, 2020)]. *Rossiyskaya gazeta*. 25.
23. The Ministry of Health of the Russian Federation. (1997) O merakh po preduprezhdeniyu obshchestvenno opasnykh deystviy lits, stradayushchikh psikhicheskimi rassstroystvami: Prikaz Minzdrava RF №133, MVD RF №269 ot 30 aprelya 1997 g. [On measures to prevent socially dangerous actions of persons suffering from mental disorders: Order No. 133 of the Ministry of Health of the Russian Federation, No. 269 of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of April 30, 1997]. *Meditsinskaya gazeta*. 73.
24. Russia. (2009) Ob obespechenii okhrany psikhiatricheskikh bol'nits (statsionarov) spetsializirovannogo tipa s intensivnym nablyudeniem: feder. zakon ot 7 maya 2009 g. №92-FZ [On ensuring the protection of psychiatric hospitals of a specialized type with intensive supervision: Federal Law No. 92-FZ of May 7, 2009]. *Rossiyskaya gazeta*. 84.

Received: 24 May 2021.

К.В. Каретников

**РЕАЛИЗАЦИЯ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ПРОФИЛАКТИКИ
ГРУППОВЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ
В ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ**

Анализируются положения действующего законодательства относительно вопросов профилактики правонарушений осужденных и групп осужденных, содержащихся в воспитательных колониях. Особое внимание отводится основным направлениям профилактики правонарушений несовершеннолетних, акцентируется внимание на особенности их реализации в условиях пенитенциарного учреждения. Проанализированы отдельные направления профилактической деятельности, описан авторский взгляд на процесс реализации направлений профилактики и охарактеризованы проблемные аспекты.

Ключевые слова: профилактика, правонарушения, несовершеннолетние, осужденные, воспитательные колонии

Одной из точек соприкосновения государства и гражданского общества в условиях установления и проведения курса гуманной правоохранительной политики выступает профилактика правонарушений [1. С. 448]. Важность и значимость приобретает в настоящее время именно профилактика правонарушений такой возрастной категории, как несовершеннолетние. Приоритеты в проводимой политике государства относительно детей провозглашены в Основном законе страны [2]. Немалое значение институту детства уделяет и Президент РФ [3], что обуславливает первостепенное развитие, к примеру, таких направлений, как совершенствование существующей системы профилактики [4], борьба с бедностью, беспризорностью и безнадзорностью несовершеннолетних [5], выявление и пресечение фактов вовлечения детей в совершение правонарушений. В данных условиях актуальность приобретает создание единой системы профилактики преступности [6. С. 242–244], в основе своей – среди несовершеннолетних [7]. Указанные факты позволяют вести речь о том, что особую категорию несовершеннолетних составляют те, кто находится в местах лишения свободы. Поэтому такая категория детей отнесена законодателем к «находящимся в трудной жизненной ситуации» [8].

Нельзя не отметить, что ежегодно с осужденными, поступающими в воспитательные колонии (ВК) для отбывания наказания, становится сложнее наладить работу как в педагогическом плане, так и относительно соблюдения режимных требований. Причин этому множество: увеличение количества несовершеннолетних, осужденных за совершение тяжких и особо тяжких преступлений (порядка 60–65%) [9]; достаточно высокий показатель нарушений установленного порядка отбывания наказания (в 2020 г. – 545, в 2019 г. – 1 086), низкая результативность профилактики на ранних этапах становления развития личности (не имеют должного эффекта применяемые ранее принудительные меры воспитательного воздействия (к 10 осужденным), помещение в специализированные УВУ закрытого типа (к 31 осужденному), уголовные наказания, не связанные с лишением свободы (к 316 осужденным), уголовные наказания, связанные с лишением свободы (к 14 осужденным). Все

больше поступает в ВК нездоровых подростков, имеющих отклонения в психическом развитии, а также больных алкоголизмом или наркоманией [10. С. 185–190]. Вышесказанное свидетельствует о том, что необходимо особое внимание уделять вопросам реализации отдельных направлений профилактики правонарушений осужденных в ВК. Не стоит оставлять без внимания и такие объекты профилактики, как группы осужденных отрицательной направленности. Рассмотрим подробнее основные направления профилактики правонарушений и их реализацию в условиях ВК.

В настоящее время федеральным законодательством предписаны основные направления профилактики правонарушений [11], которые, по мнению А.Н. Варыгина, точнее стоит характеризовать как задачи профилактики [12. С. 57–58]. Однако вне зависимости от трактовки не все из них применимы (или могут быть возложены) для реализации и использования в учреждениях УИС, в частности в ВК (в виду наличия специфического субъекта профилактики – несовершеннолетнего). В целях более подробного изучения охарактеризуем основные, по-нашему мнению, направления профилактической деятельности, реализуемые в ВК.

1. Защита личности, общества и государства от противоправных посягательств [13. С. 61–62; 14. С. 22–24]. ВК (администрация учреждения) в данном случае выступают субъектом обеспечения безопасности осужденных, содержащихся в учреждении, персонала, осуществляющего свою трудовую деятельность на охраняемой и прилегающей к учреждению территории; иных лиц, посещающих учреждение в рамках реализации служебных обязанностей (прокурор, сотрудники территориального органа ФСИН России), для оказания юридической помощи осужденным (адвокат) или прибывшие на свидание (родственники), от различного рода опасностей (в конкретном исследовании – групповое правонарушение со стороны осужденных: групповые неповиновения, массовые беспорядки, захват заложников). Помимо этого, в повседневной деятельности ВК реализуют цели уголовно-исполнительного законодательства, такие как предупреждение совершения новых преступлений, что, безусловно, обеспечива-

ет защищенность общества и, как следствие, государства от криминогенных угроз со стороны потенциальных преступников.

2. Развитие системы профилактического учета лиц, склонных к совершению правонарушений. Бесспорно, указанное направление является весьма актуальным. В действующей Инструкции по профилактике правонарушений в учреждениях УИС [15] из указанных в нормах федерального законодательства форм профилактического воздействия значится и раскрывается достаточно подробно и полно только одно – профилактический учет [16. С. 24–25]. В рамках совершенствования данной деятельности следует отметить предложения, широко обсуждаемые в научной среде [17. С. 25–31]: закрепление данного направления на уровне федерального законодательства (в УИК РФ), расширение оснований постановления осужденных на профилактический учет (создание не исчерпывающего перечня оснований). Численность лиц в ВК, состоящих на профилактическом учете, на конец 2020 г. составляла 523 человека [9].

3. Предупреждение правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних. В рамках федерального законодательства направление видится весьма значимым, так как под правонарушением понимается административное правонарушение и уголовно наказуемое деяние, а к категории антиобщественных действий относятся иные правонарушения, не вошедшие в первую категорию. В условиях ВК вопрос является весьма актуальным, однако, в виду особой категории содержащихся лиц, стоит выделить в числе правонарушений преступления и нарушения установленного порядка отбывания наказания (дисциплинарная ответственность осужденных). В 18 ВК на конец 2020 г. содержалось 949 человек, при этом осужденными, согласно материалам статистической отчетности, преступления не совершались, однако нарушений УПОН выявлено порядка 545 [9]. В сложившихся обстоятельствах наиболее верным видится рассмотрение процесса совершенствования профилактики и предупреждения правонарушений, поэтому акцентируем внимание на конкретной деятельности. Активно применяются в учреждениях УИС средства бесконтактного надзора за поведением осужденных (стационарные видеокамеры, портативные видеорегистраторы, средства биометрической идентификации личности, система контроля и управления доступом). В научных кругах и между практическими работниками идет дискуссия о возможности использования системы электронного мониторинга за поведением осужденных [18. С. 79–81]. Этот факт позволит не только повысить качество надзора за спецконтингентом, но и совершенствовать профилактическую деятельность в ВК.

4. Противодействие терроризму, экстремистской деятельности и лидерам уголовно-преступной среды. Небезызвестный факт, что несовершеннолетние лица достаточно быстро вовлекаются в национальные, религиозные организации и формирования; если вести речь о современном обществе и мировой политике, актуальность приобретают экстремистские молодежные груп-

пировки (к примеру, АУЕ) [19. С. 152]. Нередки случаи привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних за совершение преступлений экстремистской и террористической направленности, хотя несколько лет назад об этом не могло быть и речи. Борьба с распространением влияния лидеров уголовно-преступной среды на категорию осужденных, содержащихся в ВК, весьма недооценена [20. С. 7–8]. Ввиду малолетнего возраста и психофизиологических показателей несовершеннолетние наиболее склонны к попаданию под влияние криминальных лидеров и групп осужденных отрицательной направленности. А с теми, кто еще не знаком с криминальной субкультурой, проводится «работа» в следственном изоляторе. При отсутствии внимания к данной проблеме криминальное «заражение» грозит всем без исключения ВК.

5. Противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ их прекурсоров. Указанное направление, включающее в себя доставку, сбыт, хранение и употребление, как видится, эффективно может быть реализовано только в условиях взаимодействия с подразделениями МВД РФ [21. С. 35]. В виду того что указанные предметы относятся к числу запрещенных к получению в посылках, передачах и бандеролях, хранению и употреблению [22], обнаружены они могут быть при проведении обыскных и досмотровых мероприятий сотрудниками ВК.

6. Обеспечение пожарной безопасности [23]. Чрезвычайные ситуации в учреждениях УИС не являются редкостью, поэтому характеризующее направление занимает особое место. Возгорание может возникнуть как самостоятельно, так и быть следствием совершенного противоправного деяния осужденных (массовые беспорядки), в связи с чем наличие эвакуационных выходов в общежитиях отрядов, готовность (исправность) средств пожаротушения и грамотные действия сотрудников дежурной смены позволят минимизировать нанесенный вред и ликвидировать последствия.

7. Повышение уровня правовой грамотности и развития правосознания граждан. Данное направление занимает одно из ключевых мест в рассматриваемой системе направлений. Организация и проведение социальной и правовой работы с несовершеннолетними позволяет предупредить возможное правонарушение со стороны осужденного, выявить потенциального нарушителя и принять по отношению к нему меры превентивного характера до того момента, когда его потенциальное желание или возможность (пассивная фаза) совершить правонарушение не перерастет в противоправное действие (активную фазу). Формы и методы профилактической работы в данном направлении могут различаться и носить массовый, групповой или индивидуальный характер [19. С. 153–154]. Среди них одно из ведущих мест должны занимать разработка инновационных программ по правовому, гражданскому и патриотическому воспитанию детей, а также организация и проведение социально-досуговых мероприятий, направленных на привитие правил и норм человеческого общежития.

Помимо указанных выше направлений профилактической работы в ВК, по мнению Ж.В. Эстерлейн, к

ключевым направлениям профилактики противоправной (криминогенной) деятельности подростков следует отнести совершенствование нормативно-правового регулирования рассматриваемого явления, повышение эффективности координации взаимодействия субъектов предупредительной деятельности, а также подготовку должностных лиц, принимающих участие в процессе профилактики, в педагогическом и морально-психологическом плане [24. С. 151–152].

Исследования в области профилактики правонарушений несовершеннолетних, отбывающих наказание в ВК, достаточно важны для отечественной науки и практики. Этот факт подтверждают и положения, закрепленные в Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. Правительство РФ подчеркивает необходимость развития институтов воспитания, задает вектор на обновление воспитательного процесса [25].

Необходимо отметить, что при реализации основных направлений профилактики групповых правонарушений в ВК стоит обращать внимание на наличие эффективности этого процесса, также при реализации субъектами одного направления должен усиливаться эффект от работы по иным направлениям профилактики [26. С. 51]; при оказании влияния на члена группы отрицательной направленности должна прослеживаться положительная динамика поведения и противоправной деятельности всей группы [27. С. 126]. Только в этом случае будет положительный результат.

Весьма актуально в условиях современного функционирования УИС и по истечении десяти лет прове-

денное в 2010 г. исследование коллектива авторов под руководством В.А. Уткина, касающееся характеристики осужденных, направляемых из ВК в исправительные колонии общего режима. Как справедливо отмечено, около 50% осужденных, отбывающих наказание в ВК, характеризуются отрицательно, в основе своей данная тенденция усиливается к моменту достижения осужденным 18 лет [28. С. 19–22]. Этот факт связан с наличием психических и поведенческих отклонений, низкой правовой грамотностью, желанием осужденного получить авторитет «отрицательно настроенного» по отношению к администрации ИУ, для последующего использования его в своих корыстных целях по прибытии в ИК общего режима. Указанным положениям сопутствует повышенный уровень криминальной «зараженности» несовершеннолетних.

Таким образом, функционирующим в УИС ВК отведена достаточно значимая роль. Не стоит ее уменьшать, так как ВК включает в себя всю совокупность функций и задач, возложенных уголовно-исполнительным законодательством на учреждения, исполняющие наказание в виде лишения свободы, и также имеют целью предупреждение совершения осужденными новых преступлений. Цель профилактики – выявление и устранение детерминант правонарушений, наряду с этим – оказание воспитательного воздействия на осужденных с целью превенции. Возраст содержащихся в ВК лиц дает возможность наиболее продуктивно повлиять на них в плане исправления, осуществить коррекцию поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малько А.В., Нырк В.В. Социальный контроль как приоритетное направление профилактики правонарушений и инструмент правоохранительной политики (через призму анализа ряда законодательных новелл) // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 3. С. 447–459.
2. Конституция Российской Федерации (с изм. и доп. на 14.03.2020 года) от 12.12.1993 // Российская газета. № 144. 04.07.2020.
3. Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства : Указ Президента Российской Федерации № 240 от 29.05.2017 // Российская газета. № 115. 30.05.2017.
4. Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года и плана мероприятий на 2021–2025 годы по ее реализации (с изменениями на 18.03.2021 год) : Распоряжение Правительства Российской Федерации № 520-р от 22.03.2017 // Собрание законодательства Российской Федерации. № 14. 03.04.2017. Ст. 2088.
5. Об основных системах профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : Федеральный закон № 120-ФЗ от 24.06.1999 // Российская газета. № 121. 30.06.1999.
6. Невский С.А. Профилактика правонарушений в современной России: состояние, проблемы, основные направления развития // Теория и практика общественного развития. 2009. № 3–4. С. 241–248.
7. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации № 683 от 31.12.2015 // Собрание законодательства Российской Федерации. № 1 (ч. II). 04.01.2016. Ст. 212.
8. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации : Федеральный закон № 124-ФЗ от 24.07.1998 // Собрание законодательства Российской Федерации. № 31. 03.08.1998. Ст. 3802.
9. Сайт ФСИН России. URL: <http://www.fsin.ru/structure/inspector/iao/statistika> (дата обращения: 25.04.2021).
10. Прокументов Л.М. Групповая преступность несовершеннолетних и ее предупреждение : дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2001. 318 с.
11. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федеральный закон № 182-ФЗ от 23.06.2016 года // Российская газета. № 139. 28.06.2016.
12. Варыгин А.Н. Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»: плюсы и минусы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 1 (40). С. 56–59.
13. Денисенко В.В. Организация деятельности в сфере профилактики правонарушений среди несовершеннолетних и направления ее совершенствования // Актуальные проблемы административной деятельности органов внутренних дел : материалы межвуз. науч.-практ. конф. 2018. С. 60–63.
14. Доцкевич М.В. Защита прав и свобод личности в деятельности органов внутренних дел как способ предупреждения правонарушений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 1 (27). С. 20–26.

15. Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы : приказ Минюста России № 72 от 20.05.2013 // Российская газета. № 119. 05.06.2013.
16. Гирько С.И., Лосева С.Н. Профилактика правонарушений в уголовно-исполнительной системе в контексте федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» и основные направления взаимодействия с органами внутренних дел в этой сфере // Научный портал МВД России. 2017. № 4 (40). С. 21–26.
17. Горбань Д.В., Стрелков Д.О., Кутаков Н.Н. Профилактический учет в системе мер предупреждения пенитенциарной преступности: проблемные вопросы и пути их решения // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 4 (30). С. 25–31.
18. Дергачев А.В., Смирнов А.М., Бабаян С.Л. Совершенствование надзора в системе профилактики правонарушений среди осужденных в исправительных колониях // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 1 (19). С. 77–83.
19. Каландаршвили З.Н. Профилактика правонарушений среди молодежи как важное направление совершенствования правовой культуры российского социума // Юридическая наука и практика. Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России / гл. ред. Р.А. Ромашов. 2014. С. 151–154.
20. Уткин В.А. Об уголовно-правовых средствах обеспечения правопорядка в исправительных учреждениях // Вестник Кузбасского института. 2013. № 1 (14). С. 7–13.
21. Емельянова Е.В., Червонных Е.В., Боровая С.А. Перспективные направления развития межведомственного взаимодействия в сфере профилактики правонарушений (на примере МВД России и ФСИН России) // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 3 (35). С. 34–38.
22. Об утверждении Правил внутреннего распорядка воспитательных колоний уголовно-исполнительной системы : Приказ Минюста России № 311 от 06.10.2006 // Российская газета. № 233. 18.10.2006.
23. Об утверждении Правил пожарной безопасности на объектах учреждений и органов Федеральной службы исполнения наказаний : Приказ ФСИН России № 214 от 30.03.2005 // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2008. № 1-3.
24. Эстерлейн Ж.В. Государственная политика в области профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в России: общие направления и перспективы развития // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. № 1 (11). С. 150–152.
25. Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации № 996-р от 29.05.2015 // Российская газета. № 122. 08.06.2015.
26. Сергеев А.В., Антонов А.А. Проблемные вопросы программы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетними // Ежедневник науки. 2019. № 11 (35). URL: http://dnevniknauki.ru/images/publications/2019/11/law/Sergeev_Antonov.pdf (дата обращения: 30.04.2021).
27. Шеслер А.В. Дифференциация и индивидуализация уголовного наказания как методы реализации уголовно-правовой политики // Вестник Кузбасского института. 2018. № 3 (36). С. 123–128.
28. Уткин В.А., Киселев М.В., Баров Ю.А., Козловский С.Н., Алфимова О.А., Михеенков Е.Г., Прохорова М.В. Аналитическая справка-обзор по результатам исследования «Характеристика осужденных, направляемых из воспитательных колоний в исправительные колонии общего режима» // Вестник Кузбасского института. 2013. № 2 (15). С. 7–23.

Статья принята к публикации 24.05.2021.

Main Directions of Prevention of Group Offenses among Juvenile Convicts in Young Offender Institutions

Ugolovnyaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 17, pp. 87–92. DOI: 10.17223/23088451/17/18

Konstantin V. Karetnikov, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: kostya_385@mail.ru

Keywords: prevention, offenses, minors, convicts, young offender institution

The federal legislation views the prevention of juvenile delinquency and antisocial actions as very significant, since an offense is understood as an administrative offense and a criminal offense, and antisocial actions include other offenses. This issue is topical for young offender institutions; however, the special category of detainees implies a special category of crimes and violations of the established order of serving the sentence (disciplinary responsibility of convicts). By the end of 2020, there were 949 people in 18 young offender institutions. According to the statistics, the convicts did not commit crimes, yet there were more than 545 other violations. In the current circumstances, it is necessary to improve the prevention of offenses by focusing on specific activities in penal institutions, including active use of non-contact supervision over the behavior of convicts (stationary video cameras, portable video recorders, biometric identification means, access control and management systems). The researchers and practitioners are discussing the possibility of using electronic monitoring systems to supervise the behavior of convicts. This will allow a better quality of supervision over the special contingent and more effective preventive activities in young offender institutions.

References

1. Malko, A.V. & Nyrkov, V.V. (2015) Social control as a priority direction of crime prevention and a law enforcement policy tool (through the analysis of a number of legislative novels). *Kriminologicheskii zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava – Russian Journal of Criminology*. 9(3). pp. 447–459. (In Russian). DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(3). 447–459.
2. Russia. (2020) Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (s izm. i dop. na 14.03.2020 goda) ot 12.12.1993 [The Constitution of the Russian Federation (as amended and supplemented on March 14, 2020) of December 12, 1993]. *Rossiyskaya gazeta*. 144.
3. The President of the Russian Federation. (2017) Ob ob'yavlenii v Rossiyskoy Federatsii Desyatiletiya detstva: ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii № 240 ot 29.05.2017 [On the announcement of the Decade of Childhood in the Russian Federation: Decree No. 240 of the President of the Russian Federation dated May 29, 2017]. *Rossiyskaya gazeta*. 115. 30th May.
4. The Government of the Russian Federation. (2017) Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiya sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarusheniy nesovershennoletnikh na period do 2025 goda i plana meropriyatiy na 2021–2025 gody po ee realizatsii (s izmeneniyami na 18.03.2021 god): rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii № 520-r ot 22.03.2017 [On the approval of the Con-

- cept for the development of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency for 2025 and the action plan for its implementation in 2021–2025 (as amended on March 18, 2021): Order No. 520-r of the Government of the Russian Federation dated March 22, 2017]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii – Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 14th March. Art. 2088.
5. Russia. (1999) Ob osnovnykh sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarusheniy nesovershennoletnikh: federal'nyy zakon № 120-FZ ot 24.06.1999 [On the main systems for the prevention of neglect and juvenile delinquency: Federal Law No. 120-FZ of June 24, 1999]. *Rossiyskaya gazeta*. 121. 30th June.
 6. Nevskiy, S.A. (2009) Profilaktika pravonarusheniy v sovremennoy Rossii: sostoyanie, problemy, osnovnye napravleniya razvitiya [Prevention of offenses in modern Russia: state, problems, main directions of development]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 3-4. pp. 241–248.
 7. President of the Russian Federation. (2015) O strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii: ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii № 683 ot 31.12.2015 [On the national security strategy of the Russian Federation: Decree No. 683 of the President of the Russian Federation dated December 31, 2015]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii – Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 1(2). Art. 212.
 8. Russia. (1998) Ob osnovnykh garantiyakh prav rebenka v Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon № 124-FZ ot 24.07.1998 [On the basic guarantees of children's rights in the Russian Federation: Federal Law No. 124-FZ of July 24, 1998]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii – Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 31. Art. 3802.
 9. The Federal Penitentiary Service of Russia. [Online] Available from: <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika> (Accessed: 25th April 2021).
 10. Prozumentov, L.M. (2001) *Gruppovaya prestupnost' nesovershennoletnikh i ee preduprezhdenie* [Group juvenile delinquency and its prevention]. Law Dr. Diss. Tomsk.
 11. Russia. (2016) Ob osnovakh sistemy profilaktiki pravonarusheniy v Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon № 182-FZ ot 23.06.2016 goda [On the basics of the crime prevention system in the Russian Federation: Federal Law No. 182-FZ of June 23, 2016]. *Rossiyskaya gazeta*. 139. 28th June.
 12. Varygin, A.N. (2017) Federal law “On the basis of the crimes (offences) prevention system in the Russian Federation”: advantages and disadvantages. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii – Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry's Digest*. 1(40). pp. 56–59. (In Russian).
 13. Denisenko, V.V. (2018) Organizatsiya deyatelnosti v sfere profilaktiki pravonarusheniy sredi nesovershennoletnikh i napravleniya ee sovershenstvovaniya [Organization and improvement of activities in prevention of delinquency among minors]. *Aktual'nye problemy administrativnoy deyatelnosti organov vnutrennikh del* [Topical Problems of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies]. Proc. of the International Conference. [s.l.]. pp. 60–63.
 14. Dotskevich, M.V. (2014) Zashchita prav i svobod lichnosti v deyatelnosti organov vnutrennikh del kak sposob preduprezhdeniya pravonarusheniy [Protection of the rights and freedoms of the individual in the activities of internal affairs bodies as a way to prevent offenses]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika – Legal Science and Law Enforcement Practice*. 1(27). pp. 20–26.
 15. Ministry of Justice of Russia. (2013) Ob utverzhdenii Instruksii po profilaktike pravonarusheniy sredi lits, soderzhashchikhsya v uchrezhdeniyakh ugovno-ispolnitel'noy sistemy: prikaz Minyusta Rossii № 72 ot 20.05.2013 [On the approval of the Instructions for the Prevention of Offenses among Persons in Penal Institutions: Order No. 72 of the Ministry of Justice of Russia dated May 20, 2013]. *Rossiyskaya gazeta*. 119. 5th June.
 16. Girko, S.I. & Loseva, S.N. (2017) Profilaktika pravonarusheniy v ugovno-ispolnitel'noy sisteme v kontekste federal'nogo zakona ot 23 iyunya 2016 g. № 182-FZ “Ob osnovakh sistemy profilaktiki pravonarusheniy v Rossiyskoy Federatsii” i osnovnye napravleniya vzaimodeystviya s organami vnutrennikh del v etoy sfere [Prevention of offenses in the penitentiary system under Federal Law No. 182-FZ of June 23, 2016, “On the foundations of the system for the prevention of offenses in the Russian Federation” and the main directions of interaction with the internal affairs bodies in this area]. *Nauchnyy portal MVD Rossii*. 4(40). pp. 21–26.
 17. Gorban, D.V. Strelkov, D.O. & Kutakov, N.N. (2018) Profilakticheskiy uchet v sisteme mer preduprezhdeniya penitentsiarnoy prestupnosti: problemnye voprosy i puti ikh resheniya [Preventive accounting in the system of measures for the prevention of penitentiary crime: issues and solutions]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*. 4(30). pp. 25–31.
 18. Dergachev, A.V., Smirnov, A.M. & Babayan, S.L. (2015) Sovershenstvovanie nadzora v sisteme profilaktiki pravonarusheniy sredi osuzhdennykh v ispravitel'nykh koloniyakh [Improving supervision in the system of crime prevention among convicts in correctional colonies]. *Ugovno-ispolnitel'noe pravo – Penal Law*. 1(19). pp. 77–83.
 19. Kalandarishvili, Z.N. (2014) Profilaktika pravonarusheniy sredi molodezhi kak vazhnoe napravlenie sovershenstvovaniya pravovoy kul'tury rossiyskogo sotsiuma [Prevention of delinquency among young people as an important direction of improving the legal culture of the Russian society]. In: Romashov, R.A. (ed.) *Yuridicheskaya nauka i praktiki* [Legal Science and Practice]. Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. pp. 151–154.
 20. Utkin, V.A. (2013) About criminal legal means of ensuring of the law and order in correctional facilities. *Vestnik Kuzbasskogo instituta – Bulletin of the Kuzbass Institute*. 1(14). pp. 7–13. (In Russian).
 21. Emelyanova, E.V., Chervonnykh, E.V. & Borovaya, S.A. (2015) Prospective Lines of Development Concerned with Interdepartmental Co-operation in Crime Prevention (Ministry for Internal Affairs of Russia and Federal Service for Executive of Punishment). *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii – Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 3(35). pp. 34–38. (In Russian).
 22. The Ministry of Justice of Russia. (2006) Ob utverzhdenii Pravil vnutrennego rasporyadka vospitatel'nykh koloniy ugovno-ispolnitel'noy sistemy: prikaz Minyusta Rossii № 311 ot 06.10.2006 [On the approval of the Internal Regulations of educational colonies of the penal system: Order No. 311 of the Ministry of Justice of Russia dated October 6, 2006]. *Rossiyskaya gazeta*. 233. 18th October.
 23. The Federal Penitentiary Service of Russia. (2008) Ob utverzhdenii Pravil pozharnoy bezopasnosti na ob"ektakh uchrezhdeniy i organov Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy: prikaz FSIN Rossii № 214 ot 30.03.2005 [On the approval of the Fire Safety

- Rules at the facilities of the institutions and bodies of the Federal Service for the Execution of Punishments: Order No. 214 of the Federal Penitentiary Service of Russia dated March 30, 2005]. *Vedomosti ugovno-ispolnitel'noy sistemy*. 1-3.
24. Esterlein, Zh.V. (2011) State Policy of Prevention of Neglect and Juvenile Offence in Russia: General Tendencies and Perspectives. *Vestnik permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 1(11). pp. 150–152. (In Russian).
25. The Government of the Russian Federation. (2015) Ob utverzhdenii Strategii razvitiya vospitaniya v Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda: rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii № 996-r ot 29.05.2015 [On the approval of the Strategy for the development of education in the Russian Federation up to 2025: Order No. 996-r dated 05/29/2015 of the Government of the Russian Federation]. *Rossiyskaya gazeta*. 122. 8th June.
26. Sergeev, A.V. & Antonov, A.A. (2019) Problemnye voprosy programmy profilaktiki beznadzornosti i pravonarusheniy nesovershennoletnimi [Issues of the program for the prevention of neglect and juvenile delinquency]. *Dnevnik nauki*. 11(35). [Online] Available from: http://dnevniknauki.ru/images/publications/2019/11/law/Sergeev_Antonov.pdf (Accessed: 30th April 2021).
27. Shesler, A.V. (2018) Differentiation and individualization of criminal penalty as methods of realization of criminal and legal policy. *Vestnik Kuzbasskogo institute – Bulletin of the Kuzbass Institute*. 3(36). pp. 123–128. (In Russian).
28. Utkin, V.A., Kiselev, M.V., Barov, Yu.A., Kozlovskiy, S.N., Alfimova, O.A., Mikheenkova, E.G. & Prokhorova, M.V. (2013) The analytical reference review on the subject “The characteristic condemned, directed from educational colonies in corrective standard regime penal colonies”. *Vestnik Kuzbasskogo institute – Bulletin of the Kuzbass Institute*. 2(15). pp. 7–23. (In Russian).

Received: 24 May 2021.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

УДК 347.963

DOI: 10.17223/23088451/17/19

О.В. Воронин

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В МЕСТАХ ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА

Понятие «правовые средства прокурорского надзора» включает в себя полномочия прокурора, акты прокурорского надзора, а также порядок их реализации, представляющий собой методы их применения. Для правовых средств прокурорского надзора в местах принудительной изоляции от общества характерна высокая степень нормативной регламентации и более комплексное содержание основных элементов. Их реализация регламентируется как Законом о прокуратуре, так и иным специальным законодательством. При внешнем сходстве с традиционными правовыми средствами прокурорского надзора они рассчитаны на немедленное исполнение и служат формой реализации, в том числе распорядительно-властных полномочий прокурора.

Ключевые слова: *прокурорский надзор, правовые средства пенитенциарного надзора, полномочия прокурора, акты прокурорского надзора и реагирования*

Правовые средства прокурорского надзора в местах принудительной изоляции от общества закрепляются как в Законе РФ «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре), так и ином специальном законодательстве. При этом если их реализация в рамках отраслевого надзора носит комплексный характер (прокурор реализует как общеназорные, так и специальные правовые возможности), то в рамках специального надзора – особенный в силу специфичности предмета и пределов данного надзора. Именно поэтому ст. 33 и 34 Закона о прокуратуре отдельно закрепляют специальные правовые средства или же раскрывают специфику реализации общих полномочий прокурора при осуществлении надзора за законностью принудительной изоляции. Кроме того, специальные правовые средства устанавливаются в ином федеральном законодательстве: УИК РФ; ФЗ РФ № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (далее – Закон о содержании под стражей); ФЗ РФ № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД); Законе РФ № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (далее – Закон о психиатрической помощи) и др. В этой связи правовое регулирование реализации прокурорского надзора в местах принудительной изоляции от общества происходит на базовом – общеназорном и специальном – отраслевом уровнях.

Действующее законодательство устанавливает инициативную форму реализации правовых средств прокурорского надзора в местах принудительной изоляции от общества, поскольку прокурор выступает в роле основного гаранта соблюдения прав и свобод лиц, находящихся в принудительной изоляции, куда свободный доступ иных субъектов, осуществляющих контроль и правозащитную деятельность, существенно ограничен. Инициативный характер обусловлен зависимым положением лиц, отбывающих принудительную

изоляция, а также наложением на них значительного стеснения и ограничения их правового положения. В таких условиях они не всегда самостоятельно могут отстаивать свои права и законные интересы, а также обращаться за их защитой и обеспечением.

Надзирая за законностью принудительной изоляции, прокурор обладает распорядительной властью. Однако властно-распорядительный характер его полномочий специфичен: он не обладает правовыми возможностями по непосредственной реализации принудительной изоляции, и поднадзорные органы и учреждения не подчинены ему. Властно-распорядительный характер выражается в том, что он вправе выносить обязательные для поднадзорных лиц требования и постановления относительно исполнения установленных законом порядка и условий содержания задержанных, заключенных под стражу, осужденных, лиц, подвергнутых мерам принудительного характера либо помещенных в судебно-психиатрические учреждения, подлежащие обязательному исполнению независимо от их обжалования и оспаривания (ст. 34 Закона о прокуратуре).

Правовые средства прокурорского надзора в местах принудительной изоляции имеют целью предотвращение возможных нарушений закона и рассчитаны на применение прокурором при личном, непосредственном ознакомлении с деятельностью поднадзорных лиц, поскольку в большинстве своем направлены на немедленное устранение выявленных нарушений законности.

Действующее законодательство предоставляет прокурору следующие полномочия:

Согласно ст. 33 Закона о прокуратуре, ст. 7 Закона о содержании под стражей, ст. 24 УИК РФ прокурор вправе посещать в любое время органы и учреждения, исполняющие меры принудительной изоляции. Так, ст. 24 УИК РФ предусматривает право Генерального прокурора РФ, прокуроров субъектов Федерации, подчиненных им прокуроров, а также прокуроров, непосредственно осуществляющих надзор за исполнением

наказаний на соответствующих территориях, без специального разрешения посещать учреждения и органы, исполняющие наказания.

Указание в законе на беспрепятственный характер означает, что к прокурорам не применимы правила пропускного режима, требующие предварительного согласования и выписывания пропуска. Кроме того, на них не распространяются правила личного досмотра, а также досмотра находящегося при них имущества и материалов. Для попадания на поднадзорный объект ему достаточно предъявить служебное удостоверение. Продолжительность прокурорского посещения не ограничена временем. Периодичность устанавливается либо директивами Генерального прокурора РФ, либо самим надзирающим прокурором (как правило, не реже одного раза в месяц или в квартал в зависимости от вида учреждения и целей посещения). При этом посещение предполагает обход, осмотр и обследование всех помещений поднадзорного объекта.

Статья 33 Закона о прокуратуре предоставляет прокурору право опрашивать задержанных, заключенных под стражу, осужденных и лиц, подвергнутых мерам принудительного характера. Поскольку наличие указанного полномочия в большей степени обусловлено надзорной властью, его реализация носит самостоятельный характер и не связана с правами опрашиваемых на рассмотрение и разрешение их обращений, хотя и не исключает последних. Опрос представляет собой специальное право прокурора и предполагает первичное, общее, но, вместе с тем, инициативное и оперативное получение информации в ходе непосредственного ознакомления с состоянием законности у лица, находящегося в местах принудительной изоляции. При этом закон устанавливает именно форму опроса, а не получения или истребования объяснения, что предполагает, помимо более гибкой формы реализации, также добровольность получения информации. Это означает, что по усмотрению прокурора опрос может быть произведен в более приемлемой для опрашиваемого форме, например конфиденциально или на более понятном и доступном для него языке. Вместе с тем, если будет получена информация, имеющая процессуальное или иное юридическое значение, прокурор в пределах полномочий, предоставленных ему действующим законодательством, обязан использовать соответствующую форму фиксации юридически значимых обстоятельств – объяснение, заявление или жалобу и т.п. В литературе справедливо подчеркивается, что круг вопросов не ограничен и, как правило, включает в себя выяснение условий и оснований содержания лиц в органах и учреждениях принудительной изоляции [1. С. 89]. Несмотря на отсутствие существенных проблем при реализации данного полномочия, представляется оправданным закрепить на уровне ведомственных директив как письменную, так и устную форму опроса, а также подчеркнуть более гибкий характер его реализации.

Одним из наиболее часто используемых правовых средств прокурорского надзора служит рассмотрение и разрешение прокурором обращений лиц, находящихся в принудительной изоляции. При этом прокурор руко-

водствуется как общими положениями ФЗ РФ от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», ст. 10, ч. 1 ст. 27 Закона о прокуратуре, так и специальными – закрепленными в ст. 21 Закона о содержании под стражей, ст. 12, 15 УИК РФ, ст. 37 Закона о психиатрической помощи. Несмотря на то что формы реализации данного полномочия достаточно полно раскрываются в соответствующих директивах Генерального прокурора РФ, представляется оправданным продублировать в ст. 33 Закона о прокуратуре право прокурора рассматривать и разрешать обращения лиц, находящихся в местах принудительной изоляции, а на уровне профильного приказа Генерального прокурора РФ о порядке разрешения обращений предусмотреть отдельный порядок рассмотрения и разрешения обращений указанной категории лиц.

Статья 33 Закона о прокуратуре предоставляет прокурору право знакомиться с документами, на основании которых лица задержаны, заключены под стражу, осуждены либо подвергнуты мерам принудительного характера, с оперативными материалами в местах принудительной изоляции от общества. Несмотря на некоторое сходство с общенадзорным правом прокурора иметь доступ к документам и материалам, статистическим и иным сведениям (ст. 6, п. 1 ст. 22 Закона о прокуратуре), по своему содержанию это самостоятельное специальное полномочие прокурора, поскольку предусматривает немедленный допуск прокурора к конкретным документам с особым содержанием в условиях ограниченного доступа. В этой связи в рамках надзора за законностью принудительной изоляции указанные полномочия могут быть реализованы самостоятельно без исключения одного другим. Прокурор вправе знакомиться с документами и оперативными материалами по собственной инициативе независимо от наличия сигнала о нарушении закона. Исходя из смысла закона ознакомление в подобном режиме может проходить исключительно в местах принудительной изоляции, поскольку предполагается соблюдение необходимых условий их хранения и предоставления. Поэтому в случае необходимости направления документов в прокуратуру прокурору следует прибегать к полномочию, предусмотренному ст. 22 Закона о прокуратуре, с соблюдением порядка их предоставления, закрепленному в ст. 6 Закона о прокуратуре. Несмотря на то что ст. 33 Закона о прокуратуре не оговаривает порядок предоставления оперативных материалов, исходя из требований Закона об ОРД, иного федерального законодательства и профильных директив Генерального прокурора РФ, доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, может быть лишь у прокурора, имеющего соответствующий допуск. Аналогичный принцип касается и предоставления прокурору сведений о лицах, оказывающих содействие органам, осуществляющим ОРД: в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 21 Закона об ОРД такие сведения могут быть предоставлены прокурору только с письменного согласия этих лиц, за исключением случаев, требующих их привлечения к уголовной ответственности.

Существует мнение, что, знакомясь в порядке осуществления надзора с документами, на основании которых лица содержатся в местах принудительной изоляции, прокурор выясняет не только наличие указанных документов, но и оценивает их законность и обоснованность, в частности насколько законно и обоснованно применена та или иная мера принудительной изоляции к конкретному лицу [2. С. 354]. Едва ли стоит разделять подобную позицию. Прежде всего, подавляющее большинство мер принудительной изоляции применяется на основании решения суда. Для их применения действующее законодательство устанавливает отдельный процессуальный порядок с обязательным участием прокурора, высказывающего суду свое мнение и использующего в случае несогласия с решением суда специальные процессуальные механизмы оспаривания незаконного и необоснованного, по его мнению, судебного решения. Этого механизма вполне достаточно для обеспечения законности и обоснованности судебных решений о принудительной изоляции. Осуществляя надзор за законностью принудительной изоляции, прокурор не обладает достаточным процессуальным инструментарием для оценки законности и обоснованности уже принятого судебного решения о применении данных мер. Предоставление же ему таких возможностей излишне, поскольку может в определенной степени умалить авторитет суда и негативно отразиться на практике применения мер принудительной изоляции от общества. Кроме того, оценка законности и обоснованности принятого судебного решения не входит в предмет надзора прокурора.

Статья 33 Закона о прокуратуре предоставляет прокурору право требовать от администраций соответствующих органов и учреждений создания условий, обеспечивающих права задержанных, заключенных под стражу, осужденных и лиц, подвергнутых мерам принудительного характера. По своей природе данное требование представляет собой отдельное специальное полномочие прокурора, реализуемое как устно, так и письменно и служащее, как уже было отмечено, формой реализации распорядительной власти. В связи с этим его необходимо отличать от требований прокурора, выносимых в порядке ст. 6 и 22 Закона о прокуратуре: требование в порядке ст. 33 Закона о прокуратуре выносится непосредственно при обнаружении несоответствующих условий отбывания принудительной изоляции, подлежит немедленному, безусловному и обязательному исполнению со стороны поднадзорных лиц (ст. 34 Закона о прокуратуре).

По своему содержанию специальные требования прокурора могут быть направлены на немедленное устранение выявленных нарушений закона, на восстановление прав и законных интересов лиц, находящихся в местах принудительной изоляции, на пресечения незаконных действий администрации. При этом в одном случае они представляют собой полномочия прокурора, в другом – в случае реализации в письменной форме – отдельные акты прокурорского надзора. Практика показывает, что письменные требования прокурора, как правило, включаются в акты, составляемые по ито-

гам проверок мест принудительной изоляции. В литературе подчеркивается, что правовая сила этих актов такова, что их невыполнение влечет за собой последствия, что и невыполнение требований, содержащихся в протесте или представлении [3. С. 174]. Поддерживая выводы о существенном значении данных требований, полагаем возможным высказать предложение о закреплении в Законе о прокуратуре отдельных положений, которые могли бы регламентировать вынесение письменных требований прокуроров при осуществлении надзора за законностью принудительной изоляции с указанием порядка, оснований, сроков их обжалования и установления ответственности за их невыполнение по аналогии со ст. 9.1 Закона о прокуратуре.

В литературе отмечается, что невыполнение требований прокурора в порядке ст. 33 Закона о прокуратуре может повлечь за собой ответственность в соответствии с действующим законодательством. Механизм ее реализации аналогичен предусмотренному для неисполнения требований прокурора в общенадзорном порядке и, как правило, заключается в инициировании прокурором административного или процессуального производства в компетентном органе с требованием о привлечении виновного лица к соответствующему виду ответственности. При этом сам прокурор в силу специфики осуществления общего надзора лишен права привлечения к какому-либо виду юридической ответственности. Вместе с тем если в надзоре за исполнением законов такой подход допустим, то применительно к надзору за законностью принудительной изоляции требуются дополнительные оперативные возможности обеспечения обязательности исполнения требований прокурора. Полагаем, при сохранении сложившегося общенадзорного порядка обеспечения обязательности исполнения требований прокурора в виде исключения и в силу отмеченной специфики необходимо предоставить прокурору дополнительно право привлечения к дисциплинарной ответственности сотрудников органов и учреждений, исполняющих принудительную изоляцию, допустивших виновное неисполнение требований прокурора.

Статья 33 Закона о прокуратуре возлагает на прокурора специальную обязанность проверять соответствие законодательству РФ приказов, распоряжений, постановлений администрации соответствующих органов и учреждений. Практика показывает, что указанное полномочие реализуется прокурором как в общей, так и в инициативной форме. При этом допускается ознакомление с актами соответствующих администраций как непосредственно в поднадзорных органах и учреждениях, так и в прокуратуре. Рассматриваемое полномочие реализуется с учетом специфики предмета и пределов пенитенциарного надзора прокуратуры, включающих в себя надзор за соответствием актов поднадзорных органов требованиям, содержащимся как в общепризнанных нормах международного права, Конституции РФ, федеральных законах, ратифицированных международных договорах, так и подзаконных нормативно-правовых актах высших органов власти и ведомственных нормативно-правовых актах федеральных исполнительных

органов власти, исполняющих меры принудительной изоляции от общества. При этом общий порядок предоставления проверяемых актов в данном случае неприменим. Специфика реализации правовых средств предполагает немедленное, безусловное и полное представления необходимых прокурору документов, что, в свою очередь, должно найти отражение в соответствующих положениях Закона о прокуратуре и профильных приказах Генерального прокурора РФ.

Статья 33 Закона о прокуратуре предоставляет прокурору специальное право требовать объяснения от должностных лиц органов и учреждений, исполняющих принудительную изоляцию от общества. В отличие от ст. 22 Закона о прокуратуре, прокурор вправе истребовать объяснения только от должностных лиц органов и учреждений, исполняющих принудительную изоляцию. С учетом предмета и пределов пенитенциарного надзора такой подход абсолютно оправдан: объяснения могут быть получены только от поднадзорных прокурору лиц. Истребование же объяснений от граждан в порядке общего надзора в соответствии со ст. 22 Закона о прокуратуре возможно лишь для уточнения интересующих прокурора обстоятельств, ранее изложенных в обращении или уже известных прокурору из других источников, и не может быть использовано в качестве самостоятельного средства прокурорского надзора. В этой связи для получения информации от лиц, отбывающих меры принудительной изоляции, ст. 33 Закона о прокуратуре закрепляет опрос прокурора.

Дача объяснений прокурору служит обязанностью должностных лиц, неисполнение которой влечет за собой соответствующую ответственность. При этом применять меру такой ответственности вполне может сам прокурор. В этой связи вполне оправдано предоставление ему соответствующих полномочий в рамках рассматриваемого направления.

Согласно ст. 33 Закона о прокуратуре прокурор вправе отменять дисциплинарные взыскания, наложенные на лиц, отбывающих принудительную изоляцию от общества. Наличие этого специального полномочия служит прямым отражением распорядительной власти прокурора и обусловливается необходимостью оперативного реагирования на наиболее «чувствительные» для лиц, отбывающих принудительную изоляцию, нарушения закона. Самостоятельная отмена прокурором дисциплинарного взыскания позволяет избежать более сложного порядка опротестования или процедуры вынесения требования. Прокурор может отменить любое взыскание, наложенное на лицо, отбывающее принудительную изоляцию.

Одним из ключевых полномочий прокурора служит проведение прокурорской проверки. Закон о прокуратуре не содержит прямых специальных требований о проведении проверок в местах принудительной изоляции: ст. 33 лишь говорит о праве прокурора проверять соответствие законодательству актов администраций органов и учреждений, исполняющих принудительную изоляцию.

Продолжительный период Закон о прокуратуре не регламентировал порядок проведения прокурорских

проверок. В результате, несмотря на положения ст. 22 Закона о прокуратуре, в науке возникла дискуссия, является ли проведение прокурорской проверки самостоятельным полномочием или же служит лишь формой или методом реализации иных правовых средств прокурорского надзора. В 2017 г. эти вопросы нашли свое окончательное разрешение в Законе о прокуратуре, и в настоящий момент, с учетом положений ст. 6, 21, 22 и 27, проведение прокурорских проверок признается отдельным полномочием прокурора. В этой связи при проведении прокурорских проверок в местах принудительной изоляции прокурор руководствуется общими положениями Закона о прокуратуре. Учитывая удовлетворительный уровень существующего правового регулирования, представляется вполне достаточным отразить специфику проведения проверок в местах принудительной изоляции лишь на уровне директив Генерального прокурора РФ.

Одним из направлений реализации прокурорского надзора служит надзор прокурора за осуществлением ведомственного контроля в местах принудительной изоляции от общества. При реализации данного направления прокурор руководствуется общими положениями ст. 22 Закона о прокуратуре, закрепляющими за ним право требовать от руководителей и иных должностных лиц поднадзорных органов и учреждений проведения проверок по поступившим в органы прокуратуры материалам и обращениям, ревизии деятельности подконтрольных или подведомственных им организаций.

В литературе довольно часто в качестве отдельного права прокурора при осуществлении надзора за законностью принудительной изоляции рассматривается личный прием лиц, отбывающих меры принудительной изоляции. Действующее законодательство прямо не предусматривает такую возможность. Это объясняется тем, что личный прием представляет собой метод реализации отдельных полномочий, например, опроса или лиц, находящихся в местах принудительной изоляции. Действительно, по своему содержанию личный прием в большей степени представляет собой одну из форм реализации правовых средств прокурорского надзора, однако в условиях принудительной изоляции его организация и проведение могут вызвать определенные трудности и не всегда лояльное отношение со стороны соответствующих администраций, а учитывая его высокую эффективность – и широкое распространение; представляется уместным перевести его в разряд полномочий путем закрепления права прокурора проводить прием лиц, отбывающих принудительную изоляцию, в ст. 33 Закона о прокуратуре, а на уровне директив Генерального прокурора РФ установить формы реализации данного полномочия.

Часть 2 ст. 186 УИК РФ предписывает прокурору присутствовать при исполнении приговора в виде смертной казни. С учетом позиции Российской Федерации, международно-правовых соглашений решения Конституционного Суда по этому вопросу, есть все основания полагать, что данный вид уголовного наказания применяться и исполняться не будет. Кроме того, не совсем понятная роль прокурора в этом случае. Едва

ли ее можно свести к обеспечению законности, а присутствие его в качестве соблюдения требования своеобразного ритуала придания легитимности или публичности лишению жизни вызывает определенные морально-этические сомнения. В этой связи есть все основания отказаться от данной нормы.

Статья 33 Закона о прокуратуре устанавливает, что при осуществлении прокурорского надзора за законностью принудительной изоляции прокурор выносит протесты и представления, постановления об освобождении, возбуждает производства об административных правонарушениях. Вынесение специальных актов прокурорского реагирования при осуществлении надзора за законностью принудительной изоляции предусматривается УПК РФ, УИК РФ, Законом о содержании под стражей. Кроме того, в рамках данного направления деятельности прокурор также руководствуется общими положениям Закона о прокуратуре и вправе выносить иные акты прокурорского надзора и реагирования при наличии соответствующих оснований.

Статья 33 Закона о прокуратуре ограничивает специфику принесения протеста лишь приостановлением действия оспариваемого акта поднадзорного лица акта, в остальных аспектах применяются общие положения: протест прокурора вносится, когда требуется отменить или изменить не соответствующий закону акт администрации органа или учреждения, осуществляющего принудительную изоляцию, и восстановить нарушенные им права и законные интересы.

В свое время Б.М. Спиридонов рассматривал в качестве самостоятельного средства прокурорского надзора приостановление исполнения опротестованного акта [4. С. 191]. С учетом современного состояния теории и практики прокурорского надзора едва ли приостановление необходимо считать самостоятельным средством. Скорее, речь должна идти об особенностях внесения и исполнения протеста при осуществлении надзора за законностью принудительной изоляции. Другая особенность заключается в сокращенных сроках рассмотрения и удовлетворения протеста, обусловленных сложившейся практикой судебного обжалования действий, решений и актов администрации, а также особенностями реализации правовых средств прокурорского надзора за законностью принудительной изоляции.

Среди актов прокурорского надзора, выносимых в рамках данного направления, ст. 33 Закона о прокуратуре предусматривает вынесения представления. Так же, как и в предыдущем случае, его вынесение регулируется общими положениями Закона о прокуратуре (ст. 24): представление вносится в случаях, когда наряду с устранением нарушений возникает необходимость в принятии мер по ликвидации причин и условий, их порождающих. Как правило, внесение представления основывается на обобщенных данных о состоянии законности в поднадзорных учреждениях, анализе практики прокурорского надзора, материалах ранее проведенных проверок, ведомственного и судебного контроля, жалоб, заявлений и иных обращений, поступивших в прокуратуру.

В литературе спорным является вопрос о праве прокурора приносить предостережение в данном направлении надзора. По мнению некоторых ученых, прокурор не вправе приносить предостережение, поскольку специальные нормы, закрепляющие право прокурора вносить протест и представление в ходе надзора за законностью принудительной изоляции в Закон о прокуратуре, прямо не предусматривает такой возможности. С учетом специфики правового регулирования реализации правовых средств такие аргументы едва ли можно признать в полной мере обоснованными. Другой вопрос, существуют ли подобная практика и объективные основания для внесения данного акта прокурорского надзора. С позиции действующего законодательства прокурор вправе вносить предостережение (ст. 25.1 Закона о прокуратуре), но в силу специфики осуществления надзора и наличия в его арсенале других средств, позволяющих более гибко предотвращать и реагировать на нарушение закона (например, требования прокурора), внесение предостережения служит маловостребованным на практике средством прокурорского надзора.

Руководствуясь ст. 25 Закона о прокуратуре, прокурор вправе возбуждать производство об административных правонарушениях. Такое производство возбуждается путем вынесения соответствующего постановления в случаях установления в действиях сотрудников и должностных лиц, осуществляющих полномочия по исполнению принудительной изоляции. Осуществлять административное преследование иных лиц, находящихся в местах принудительной изоляции, прокурор не вправе в силу требований закона, определяющих предмет и пределы надзора. К тому же, с учетом того что прокурор лишь возбуждает производство о допущенном административном правонарушении, а решение по существу принимают компетентные органы и лица, уполномоченные законом на наложение наказания в условиях исполнения принудительной изоляции, реализовывать административное преследование прочих субъектов практически невозможно. Вместе с тем объективное ограничение возможностей прокурора по административному преследованию может быть компенсировано предоставлением ему возможности дисциплинарной практики в отношении сотрудников и должностных лиц, осуществляющих принудительную изоляцию от общества.

В соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 37, п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ, ст. 22, ч. 2 ст. 27 Закона о прокуратуре прокурор вправе направлять материалы в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании путем вынесения соответствующего постановления. При этом закон не устанавливает, каким образом эти материалы могут быть получены прокурором. Как правило, признаки преступления выявляются по результатам прокурорских проверок. В этой связи применительно к сфере принудительной изоляции происходит объективное сужение круга субъектов, в отношении которых прокурор вправе направить такое постановление, до сотрудников и должностных лиц администраций мест принудитель-

ной изоляции. В случае выявления признаков преступления в поведении иных лиц, в отношении которых прокурор не вправе провести проверку в силу ограничения предмета и пределов надзора, он полномочен внести в орган уголовного преследования лишь рапорт.

В литературе решение этой проблемы видится в возвращении прокурору права возбуждения уголовных дел. На сегодняшний день в науке сложились три основных подхода по этому вопросу. Сторонники первого подхода считают необходимым сохранить сложившуюся ситуацию [5. С. 22]; второго – вернуть прокурору право безусловного возбуждения уголовных дел [6. С. 102]. Третьи выступают за предоставление такого права прокурору при определенных условиях (например, возбуждать уголовные дела при очевидных признаках преступления [7. С. 23–25]; исключительно в отношении специальных субъектов [8. С. 545–548]; в случае уголовного преследования конкретного лица и т.п.). Не вдаваясь в полемику, отметим, что наиболее приемлемый вариант с учетом сложившихся реалий правового регулирования процессуальной и надзорной деятельности прокурора – последний: предоставление ему права возбуждения уголовных дел при определенных условиях. В нашем случае оптимальным вариантом было бы наделение прокурора правом возбуждать уголовные дела только по результатам проведенных прокурорских проверок в целом, а применительно к сфере принудительной изоляции – предоставление ему исключительного права возбуждения уголовных дел как по фактам совершения преступлений в местах принудительной изоляции, так и в отношении любых субъектов (сотрудников, должностных лиц, осужденных, заключенных и т.п.), находящихся в указанных местах в силу решения судов или по служебной необходимости и совершивших преступления.

Наделение прокурора правом возбуждения уголовных дел в таком формате позволило бы снять проблему реализации функции уголовного преследования органами и учреждениями, исполняющими принудительную изоляцию, нивелировало бы объективные организационные трудности, возникающие при возбуждении уголовных дел в местах принудительной изоляции органами предварительного расследования, создало бы дополнительные гарантии правовой объективности принимаемых решений и способствовало бы профилактике укрытия преступлений.

К числу специальных актов, выносимых в ходе надзора за законностью принудительной изоляции, относятся постановления прокурора об отмене дисциплинарных взысканий, наложенных в нарушение закона на лиц, задержанных, заключенных под стражу, или осужденных; постановления о немедленном освобождении указанных лиц из штрафных изоляторов, ПКТ, карцера, одиночной камеры, дисциплинарного изолятора. Согласно ст. 33 Закона о прокуратуре данные постановления представляют собой форму реализации властно-распорядительных полномочий прокурора, служащей наиболее оперативным правовым средством реагирования и восстановления нарушенной законно-

сти и правового положения лиц, отбывающих принудительную изоляцию.

Универсальный характер постановлений прокурора, выносимых в порядке ст. 33 Закона о прокуратуре, позволяет на практике облекать в эту форму требования прокурора по наиболее важным и не терпящим отлагательства вопросам. Отчасти такое положение вещей объясняется отсутствием нормативного разграничения требования прокурора как акта и полномочия. Внесение отдельной нормы, регулировавшей принятие требования прокурора в ходе осуществления надзора за законностью принудительной изоляции, позволило бы упорядочить практику вынесения прокурорских постановлений в порядке ст. 33 Закона о прокуратуре, ограничив их вынесение случаями, прямо устанавливаемыми в законе, отмены незаконной дисциплинарной практики и освобождения лиц, незаконно содержащихся в местах принудительной изоляции. Постановление, в отличие от требования или представления, как правило, служит правоприменительным актом, реализующим властно-распорядительные полномочия прокурора, порождающим конкретные юридические последствия и применяемым на основании оценки юридически определенного фактического состава. В этой связи представляется более правильным скорректировать положения ст. 51 Закона о содержании под стражей, устанавливающей, что администрация мест содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых обязана выполнять постановления соответствующего прокурора, касающиеся порядка содержания под стражей, заменив его на вынесение требования прокурора.

Часть 2 ст. 10 УПК РФ и ст. 33 Закона о прокуратуре устанавливают, что прокурор обязан немедленно освободить своим постановлением каждого содержащегося без законных оснований в учреждениях, исполняющих наказания и меры принудительного характера, либо в нарушение закона подвергнутого задержанию, предварительному заключению или помещенного в судебно-психиатрическое учреждение.

Статья 49 Закона о содержании под стражей устанавливает, что одним из оснований освобождения подозреваемого и обвиняемого из-под стражи является постановление прокурора, осуществляющего надзор за исполнением законов в местах содержания под стражей, об освобождении указанного подозреваемого или обвиняемого в связи с истечением срока содержания под стражей.

Отсутствие законных оснований означает нахождение указанных лиц за пределами сроков или же без достаточных юридических оснований (например, без необходимых документов), подтверждающих правомерность их пребывания в местах принудительной изоляции. При этом прокурор не вправе в порядке осуществления надзора оценивать законность и обоснованность принятых решений о применении указанных мер. Пределами его надзора охватывается только законность их исполнения. В случае же возникновения сомнений он обязан задействовать иные механизмы восстановления нарушенной, по его мнению, законности: поставить об этом в известность вышестоящего

прокурора, инициировать соответствующие контрольно-надзорные судебные производства и т.п. С учетом суровости последствий незаконного нахождения лиц в местах принудительной изоляции, интенсивности ведомственного и судебного контроля на данном направлении случаи применения данного средства прокурорского надзора крайне редки. Вместе с тем для повышения эффективности надзора считаем возможным закрепить положения, аналогичные ст. 49 Закона о содержании под стражей, в иных законах, регулирующих исполнение принудительной изоляции от общества.

Действующее законодательство, регулирующее исполнение принудительной изоляции, предусматривает случаи получения санкции и согласия прокурора на принятие отдельных решений и совершения некоторых действий соответствующими администрациями. В частности, прокурор дает согласие на отдельные действия администрации исправительных органов и учреждений, которые затрагивают права, свободы и законные интересы осужденных, а также находящихся под стражей подозреваемых и обвиняемых (ст. 77-1, 85, ч. 1 ст. 131, ч. 3 ст. 139 УИК РФ, ст. 32, 33 и 38 Закона о содержании под стражей и др.).

Практика принятия этих решений достаточно стабильна, полемика главным образом ведется относительно необходимости их существования в современных условиях, а также расширения возможных случаев получения санкций и согласий прокурора. Как правило, противники наличия у прокурора полномочий по даче согласия или санкционирования отдельных действий

администраций выступают за сужение властно-распорядительных полномочий прокурора в сфере реализации принудительной изоляции, в том числе выступая за отмену необходимости получения санкций и согласий прокурора, мотивируя это возникновением в этом случае фактического дублирования полномочий и, как следствие этого, размытием ответственности субъектов, принимающих соответствующие решения. Кроме того, по их мнению, санкции и согласия прокурора на сегодняшний день с учетом уровня развития ведомственного и прочих видов контроля фактически представляют собой рудимент ранее существовавшего механизма сдерживания и контроля, прежде всего лагерной исправительно-трудовой системы, в современном правовом регулировании принудительной изоляции. Отчасти разделяя данные взгляды, на сегодняшний день представляется все же излишним полностью лишать прокурора права санкционирования и дачи согласий на совершение отдельных действий администраций мест содержания под стражей. Например, получение согласия прокурора на мотивированное постановление начальника тюрьмы о содержании подозреваемого или обвиняемого в одиночной камере (ч. 1 ст. 131 УИК РФ) или же санкции прокурора на постановление начальника воспитательной колонии об оставлении воспитательной колонии осужденных, достигших 18 лет (ч. 3 ст. 139 УИК РФ), вполне оправданы. В других случаях достаточно уведомить прокурора о принятых решениях. Поэтому необходим избирательный подход в разрешении данного вопроса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Настольная книга прокурора. Ч. 2 : практ. пособие / под общ. ред. О.С. Капинус, С.Г. Кехлерова. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2020. 434 с.*
2. *Настольная книга прокурора. М. : НИИ проблем укрепления законности и правопорядка ; Экслит, 2003. 850 с.*
3. *Комментарий к Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации» С приложением ведомственных нормативных актов / под общ. ред. и с предисл. Генерального прокурора Российской Федерации Ю.И. Скуратова. М. : НОРМА, 1996. 736 с.*
4. *Спиридонов Б.М. Прокурорский надзор за соблюдением законности в исправительно-трудовых учреждениях. М. : Изд-во МГУ, 1978. 204 с.*
5. *Багмет А.М. Процессуальная самостоятельность следователя в ходе уголовного процесса как гарантия соблюдения конституционных прав граждан // Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14 ноября 2013 г.) : в 3 ч. / под ред. А.И. Бастрыкина. М., 2013. Ч. 1. С. 22–24.*
6. *Соловьев А.Б., Токарева М.Е. Необходимо восстановить властно-распорядительные полномочия прокурора в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2011. № 4. С. 98–104.*
7. *Морозова О.С. Участие прокурора на стадии возбуждения уголовного дела // Правовестник. 2018. № 4 (6). С. 23–25.*
8. *Тафинцева И.С. О порядке возбуждения уголовного дела в отношении следователя как специального субъекта // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 4 (34). С. 545–548.*

Статья принята к публикации 24.05.2021.

Legal Remedies of Prosecutor's Supervision in Places of Forced Isolation from Society

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 17, pp. 93–100. DOI: 10.17223/23088451/17/19

Oleg V. Voronin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Keywords: prosecutor's supervision, legal remedies of penitentiary supervision, powers of prosecutor, acts of prosecutor's supervision and response

The concept “legal remedies of prosecutor's supervision” includes the powers of the prosecutor, acts of prosecutor's supervision, as well as the procedure for their implementation, which is the methods of their application. The legal remedies of prosecutor's supervision have a high degree of normative regulation and a more complex content of the main elements. Their implementation is regulated by both the Law on the Prosecutor's Office and other specific laws. While superficially similar to the traditional remedies of prosecutor's super-

vision, they are designed for immediate execution and serve as a form of implementation of the prosecutor's powers, including the administrative ones. The prosecutor's powers are understood as the totality of the rights and duties of the prosecutor granted to them by the Law on the Prosecutor's Office and other federal laws for the implementation of the functions and for the achievement of the goals and objectives assigned to the prosecutor's office. Traditionally, all powers of the prosecutor are divided into two main groups: general (exercised in all areas) and special (used in certain areas of prosecutor's activities). Acts of the prosecutor's response are documented law enforcement decisions of the prosecutor; they contain a legal assessment of the state of legality in each specific case, as well as the requirements of the prosecutor arising from their powers and aimed at ensuring the legal state of the supervised environment. From the acts of the prosecutor's response, acts of prosecutor's supervision are separately distinguished; they serve as a form of implementation of the exclusively supervisory function of the prosecutor's office: protest, presentation and warning. Article 33 of the Law on the Prosecutor's Office establishes that when exercising prosecutor's supervision over the legality of compulsory isolation, the prosecutor makes protests and proposals, orders for release, and initiates proceedings on administrative offenses. If signs of a crime are found, the prosecutor sends the investigative jurisdiction materials to decide on the criminal prosecution of the perpetrators. The issuance of special acts of the prosecutor's response when exercising supervision over the legality of forced isolation is provided for by the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the Penal Code of the Russian Federation, and the Law on Detention. Special acts include the prosecutor's resolutions on release from places of compulsory isolation, on exemption from serving illegally imposed disciplinary sanctions, consents and sanctions. In addition, within the framework of these activities, the prosecutor is also guided by the general provisions of the Law on the Prosecutor's Office and has the right to issue other acts of prosecutor's supervision and response if there are appropriate grounds.

References

1. Kapinus, O.S. & Kekhlerov, S.G. (eds) (2020) *Nastol'naya kniga prokurora* [Handbook of the prosecutor]. Pt. 2. 5th ed. Moscow: Yurayt.
2. Gerasimov, S.I. (2002) *Nastol'naya kniga prokurora* [Handbook of the prosecutor]. Moscow: NII problem ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka, izdatel'stvo "Ekslit".
3. Skuratov, Yu.I. (ed.) (1996) *Kommentariy k Federal'nomu zakonu "O prokurature Rossiyskoy Federatsii" S prilozheniem vedomstvennykh normativnykh aktov* [Commentary to the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" With attached departmental regulations]. Moscow: Izdatel'stvo NORMA.
4. Spiridonov, B.M. (1978) *Prokurorskiy nadzor za soblyudeniem zakonnosti v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyakh* [Prosecutor's supervision over the observance of legality in correctional labor institutions]. Moscow: Moscow State University.
5. Bagmet, A.M. (2013) [Procedural independence of the investigator during the criminal trial as a guarantee of the observance of the constitutional rights of citizens]. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii kak garant prav i svobod cheloveka i grazhdanina pri rassledovanii prestupleniy* [The Constitution of the Russian Federation as a guarantor of human and civil rights and freedoms in the investigation of crimes]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 14 November 2013. In 3 parts. Pt. 1. Moscow. pp. 22–24. (In Russian).
6. Solov'ev, A.B. & Tokareva, M.E. (2011) Authoritative and administrative powers of prosecutors in pre-trial criminal proceedings in Russia to be restored. *Ugolovnoe pravo – Criminal Law*. 4. pp. 98–104. (In Russian).
7. Morozova, O.S. (2018) Uchastie prokurora na stadii vzbuzhdeniya ugovnogo dela [The prosecutor's participation in the initiation of a criminal case]. *Pravovednik*. 4 (6). pp. 23–25.
8. Tafintseva, I.S. (2018) Initiation of criminal case procedure against investigator as a special subject. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia*. 4 (34). pp. 545–548. (In Russian).

Received: 24 May 2021.

А.Ю. Мариничева

**НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА
ЗА ЗАКОННОСТЬЮ ЗАКУПОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Под правовыми средствами прокурорского надзора следует понимать предусмотренные законом полномочия прокуроров, а также порядок и форму их реализации. Правовые средства прокурорского надзора за законностью закупочной деятельности классифицируются по традиционным критериям: средства, направленные на выявление нарушений в области закупочной деятельности; средства, направленные на устранение нарушений; и средства, направленные на привлечение к ответственности виновных лиц. Практика показывает, что наиболее часто применяемым и эффективным средством служит обращение прокурора в суд с иском с заявлением.

Ключевые слова: *прокурорский надзор в контрактной сфере, правовые средства прокурорского надзора, прокурорская проверка*

Принятие Федерального закона № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе) послужило толчком для усиления прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере публичных закупок. На сегодняшний день данное направление деятельности является приоритетным для органов прокуратуры.

Под правовыми средствами понимаются предусмотренные законом полномочия прокуроров, а также порядок и форма их реализации. Иначе говоря, это предусмотренные законодательством формы реализации полномочий прокурора, направленные на выявление, устранение и предупреждение нарушений закона [1. С. 140; 2. С. 163]. Отличительная особенность правовых средств прокурорского надзора заключается в том, что в результате его применения всегда возникают правоотношения между прокуратурой и поднадзорным лицом [3. С. 78; 4].

С учетом традиционных для науки критериев классификации правовые средства прокурорского надзора за законностью закупочной деятельности можно разграничить следующим образом:

1. Правовые средства, направленные на выявление нарушений в сфере закупочной деятельности, а также выявление причин и условий, способствующих этому.

Основным правовым средством служит проведение прокурорской проверки. Прокуроры проводят проверочные мероприятия на основании поступивших сведений о нарушении закона. Такие сведения содержатся как в заявлениях граждан и иных лиц, так и в других источниках, например в сообщениях средств массовой информации.

При проведении проверки прокурор имеет доступ к документам и другим сведениям, имеющим отношение к проверяемой закупочной деятельности. Кроме того, ему обеспечивается беспрепятственный доступ на территорию и помещения проверяемого лица. Прокурор также вправе пригласить специалиста для выяснения возникающих вопросов, вызвать должностных лиц для получения объяснений в связи с проводимой проверкой

(п. 1 ст. 22 Закона РФ «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре)).

2. Правовые средства, направленные на устранение выявленных нарушений в сфере закупочной деятельности, включающие принесение традиционных актов прокурорского надзора – протестов и представлений.

В России с 2015 по 2020 г. было принесено свыше 40 000 протестов прокуроров при осуществлении надзора о закупках товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Только за последние шесть лет прокуратурой Томской области было внесено более 550 протестов на незаконные правовые акты в контрактной сфере, Кемеровской области – 39, Новосибирской области – более 863.

К примеру, по протесту прокурора г. Кедрового Томской области приведены в соответствие с Постановлением Правительства РФ № 476 требования к порядку разработки и принятия правовых актов о нормировании в сфере закупок, содержанию указанных актов и обеспечению их исполнения, утвержденные администрацией города. В Александровском районе Томской области прокурором опротестованы четыре постановления администраций сельских поселений, в которых в нарушение требований ст. 21 Закона о контрактной системе и Постановления Правительства РФ № 554 за пределами предоставленных полномочий были утверждены требования к форме планов-графиков закупок товаров, работ, услуг.

Другим востребованным практикой правовым средством восстановления нарушенной законности в сфере закупочной деятельности служит представление прокурора. В представлении, в отличие от протеста, как правило, ставится вопрос не только о фактическом устранении допущенных нарушений законодательства, но и о привлечении к соответствующей ответственности виновных лиц.

Так, прокуратурой Томского района Томской области были выявлены факты искусственного «дробления» закупок в деятельности администраций сельских поселений, а именно были заключены три договора на приобретение оборудования для спортивных площадок. Из содержания контрактов следовало, что преду-

смотренные ими работы были абсолютно идентичными. В этой связи по результатам проверки прокурором в адрес глав сельских поселений были внесены представления, по результатам рассмотрения которых виновные должностные лица были привлечены к дисциплинарной ответственности.

3. Правовые средства прокурорского надзора, направленные на привлечение к ответственности виновных лиц в сфере закупочной деятельности.

Наиболее часто выносимыми актами прокурорского реагирования служат постановления прокурора о возбуждении производства об административном правонарушении и направление материалов проверки, содержащие признаки преступления для решения вопроса об уголовном преследовании в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ.

С 2015 по 2020 г. наблюдается тенденция увеличения случаев привлеченных к административной ответственности лиц в сфере закупочной деятельности по постановлению прокурора (таблица).

Прокурорская практика привлечения лиц к административной ответственности по постановлениям прокуроров

Страна/область	По постановлению прокурора привлечено лиц к административной ответственности					
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Российская Федерация	10 034	11 685	12 585	13 597	14 407	14 980
Новосибирская область	78	123	110	190	141	207
Кемеровская область	12	15	17	57	95	77
Томская область	81	161	190	197	194	164

Вместе с тем, как показывает практика, самым эффективным правовым средством продолжает оставаться обращение прокуроров в суды с исковыми заявлениями. В судах общей юрисдикции, как правило, это требования об оспаривании сделок в защиту прав неопре-

деленного круга лиц; в арбитражных судах – требования о признании сделок недействительными и применения последствий их недействительности; о признании недействительной процедуры определения поставщика; о признании процедуры способа определения поставщика и контракта, заключенного в результате определения поставщика, недействительными.

Судебный порядок – наиболее результативный: он позволяет в полной мере оказать воздействие на нарушителя и обеспечить защиту прав и законных интересов предпринимателей или государства.

Основными целями участия прокурора в суде служит обеспечение: эффективности в расходовании средств бюджета, широкого участия в закупочной деятельности различных субъектов, добросовестной конкуренции, прозрачности закупочных процедур, устранение коррупциогенных факторов, предотвращении правонарушений в закупочной деятельности со стороны участников закупки. Для достижения поставленных целей Генеральный прокурор РФ в Приказе от 14.01.2021 № 6 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере закупок» предписывает прокурорам: принимать исчерпывающие меры реагирования по фактам несоблюдения заказчиками (организаторами) торгов, запроса котировок, запроса предложений национального режима при осуществлении закупок; создания заказчиками (организаторами) торгов, запроса котировок, запроса предложений преимущественных условий для каких-либо участников; неправомерных закупок у единственного поставщика; заключения картелей и иных ограничивающих конкуренцию соглашений; завышения цен и незаконного изменения условий контрактов; поставки некачественной продукции (товаров, работ, услуг); нарушений сроков исполнения контрактов и иных предусмотренных ими обязательств; неосуществления заказчиком и уполномоченными органами надлежащего контроля (надзора).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Настольная книга прокурора* / под ред. С.И. Герасимова. М. : Эколит, 2002. 840 с.
2. *Прокурорский надзор : курс лекций и практикум* / под ред. Ю.Е. Винокурова. М. : Экзамен, 2004. 490 с.
3. *Воронин О.В.* Прокурорский надзор в Российской Федерации: вопросы Общей части : учеб. пособие: Томск : Изд-во НТЛ, 2007. 192 с.
4. *Мельников Н.В.* Прокурорский надзор – самостоятельная форма осуществления прокурорской власти // Государство и право. 2003. № 5. С. 34–41.

Статья принята к публикации 24.05.2021.

Some Legal Remedies of Prosecutor's Supervision over the Legality of Procurement Activities

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 17, pp. 101–103. DOI: 10.17223/23088451/17/20

Anna Yu. Marinicheva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Keywords: prosecutor's supervision in contract field, legal remedies of prosecutor's supervision, prosecutor's check

Legal remedies of prosecutor's supervision should be understood as the powers of prosecutors provided for by law, as well as the procedure and form of their implementation. A distinctive feature of the legal remedies of prosecutor's supervision is that, as a result of their application, there always arises a legal relationship between the prosecutor's office and the supervised person. The legal remedies of prosecutor's supervision over the legality of procurement activities are classified according to traditional criteria: remedies aimed at identifying violations in the field of procurement activities – the powers of the prosecutor provided for by Art. 22 of the Law on the Prosecutor's Office; remedies aimed at eliminating violations of the law – protests and proposals; and remedies aimed at bringing the perpetrators to justice – decisions on the initiation of administrative proceedings and sending materials containing signs of a crime to the

criminal prosecution body to resolve the issue of initiating a criminal case. Practice shows that the most frequently used and effective means is the prosecutor's appeal to the court with a statement of claim. The judicial order is the most effective: it allows fully influencing the offender and ensuring the protection of the rights and legitimate interests of entrepreneurs or the state. The main objectives of the prosecutor's participation in trials are to ensure efficiency in spending budget funds, broad participation in procurement activities of various entities, fair competition, transparency of procurement procedures, elimination of corruption-generating factors, prevention of violations in procurement activities by procurement participants.

References

1. Gerasimov, S.I. (2002) *Nastol'naya kniga prokurora* [Handbook of the prosecutor]. Moscow: NII problem ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka, izdatel'stvo "Ekslit".
2. Vinokurov, Yu.E. (ed.) (2004) *Prokurorskiy nadzor. Kurs leksiy i praktikum* [Prosecutor's supervision. Lectures and workbook]. Moscow: Ekzamen.
3. Voronin, O.V. (2007) *Prokurorskiy nadzor v Rossiyskoy Federatsii: voprosy Obshchey chasti: Uchebnoe posobie* [Prosecutor's supervision in the Russian Federation: Issues of the General Part: Textbook]. Tomsk: Izd-vo NTL.
4. Mel'nikov, N.V. (2003) *Prokurorskiy nadzor – samostoyatel'naya forma osushchestvleniya prokurorskoy vlasti* [Prosecutor's supervision as an independent form of exercising prosecutorial power]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 5. pp. 34–41.

Received: 24 May 2021.

КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.3/7

DOI: 10.17223/23088451/17/21

А.Ю. Олимпиев, И.А. Стрельникова

КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ И ЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Исследуются проблемные вопросы обеспечения кибербезопасности в РФ. На основе анализа юридической литературы и нормативных правовых актов о преступлениях в сфере компьютерной информации высказано несколько суждений: состояние преступности в сфере компьютерной информации определяется уровнем экономического развития; компьютерная информация как общественное отношение охраняется уголовным законодательством РФ; противодействие в сфере компьютерной информации предполагает формирование специальных подразделений в ряде правоохранительных органов.

Ключевые слова: уголовное законодательство, Уголовный кодекс Российской Федерации, состав преступления, преступление, общественное отношение, компьютерная информация, безопасность, кибербезопасность

Введение

Предметом данной статьи является безопасность в сфере информационных технологий (кибербезопасность). Актуальность исследования определяется широким распространением данной разновидности преступности в развитых государствах, в том числе и в Российской Федерации. Законодательные органы правовых государств вынуждены реагировать на формирующие общественные отношения, в том числе посредством новых форм уголовно-правовой охраны вновь формирующихся общественных отношений.

Сейчас в Российской Федерации стремительно развиваются информационные технологии и интернет, что стало одним из ключевых факторов, определяющих эти перемены [1. С. 287].

Успешное экономическое и социальное развитие Российской Федерации во многом зависит от эффективности государственного управления.

В настоящее время на территории нашей страны успешно реализуется специальная программа, которая получила название «Цифровая экономика Российской Федерации» (Распоряжение Правительства РФ № 1632-р от 28 июля 2017 г.). Она должна сделать экономику, государственное управление, социальную сферу эффективными и конкурентоспособными и являться основным вектором развития всех сфер социальной жизни.

Независимо от совершаемых действий (снятие наличных денежных средств, использование электронной почты и системы электронного документооборота), уязвимость Российской Федерации в информационном пространстве очевидна. Поэтому информационная безопасность, в особенности в управленческом процессе (в частности в системе МВД РФ), несомненно, актуальна. С возникновением новых киберугроз, появляются ранее не известные процессы, которые от руководителей любого уровня требуют новых компетенций.

Необходимо учитывать, что количество угроз в информационном пространстве Российской Федерации и в мире в целом продолжает расти, нанося националь-

ным экономикам значительный ущерб. В этой связи необходимо обратиться к существующей статистике: так, например, потери мировой экономики за 2016 г. от деятельности киберпреступников, согласно представленным данным World Economic Forum, составляют 445 млрд долл.; в Российской Федерации потери 2017 г. в экономике – около 600 млрд руб. (мнение аналитиков); потери за 2018 г. составляют около 1 трлн руб. Аналитики Всемирного экономического форума считают, что потери мировой экономики составляют в год около триллиона долларов. В Российской Федерации не уделяется должного внимания данной области обеспечения национальной безопасности [2. С. 47].

Актуальным проблемам трансформации в государственных органах и экономике уделено внимание и в послании Президента РФ В.В. Путина; так, он указывал на тот факт, что само по себе эффективное развитие государства в цифровой среде может основываться исключительно на принципах цифровой свободы. Президент подчеркнул, что любые барьеры должны быть устранены, а прогресс нельзя сдерживать. Вместе с тем следует обращать внимание и на существующие и потенциальные риски, вызовы и угрозы, возникающие в цифровой среде, а каждый пользователь должен осознавать свою ответственность. Об этом заявил Президент РФ на Международном конгрессе по киберпреступности в июле 2018 г. [3].

Справочная информация и методология

Первоначально о состоянии теории.

Так, например, В. Буряк закономерно утверждает, что при минимизации межгосударственных конфликтов наиболее действенной мерой становится оптимизация кибербезопасности [4. С. 119].

К схожим идеям пришли и другие авторитетные исследователи, такие как А.А. Корниенко, А.П. Глухов и С.В. Диасамидзе. В своих трудах авторы не только определили требуемое содержание правовой базы в сфере кибербезопасности, но и установили, что в

нашем государстве кибербезопасность напрямую связана с осуществлением надлежащей безопасности автоматизированных систем по управлению технологическими процессами, а также производственными базами на важнейших объектах инфраструктуры Российской Федерации [5. С. 2].

Продолжая исследование, следует также обратиться и к трудам А.А. Евдокимова; так, автор подробно исследовал закономерности, которые напрямую связаны с процессами стандартизации и регулирования информационной безопасности на территории Российской Федерации. На основе проведенного анализа ученый указал, что информационная безопасность в нашей стране и за рубежом развивается весьма динамично, однако в большей своей части непредсказуемо, если говорить о России; в европейских государствах подобные процессы происходят более стабильно, так как все происходящие процессы продиктованы потребностями предпринимателей, а также лояльностью граждан государств, что позволяет полноценно прогнозировать развитие данной отрасли. Проблема же нашего государства связана в первую очередь с тем, что в рамках прошедшего десятилетия были представлены и приняты пакеты разнообразных правовых актов, которые были направлены на защиту информации, чаще всего разнящиеся в деталях. В том числе существенную роль сыграли и принимаемые регуляторы, которые контролируют исполнение подобных правовых актов [6. С. 37].

В.Н. Лопатин, подготовивший статью на основе доклада в рамках VI Международной научно-практической конференции «Информационные технологии и право (Правовая информатизация – 2018)» (Республика Беларусь, г. Минск, 17 мая 2018 г.), высказал обобщающее суждение о том, что, если исходить из закономерности информационного развития, можно прийти к выводу, что повышение уровня организованности социальных систем напрямую влияет на возрастание роли саморегулирования, поэтому в государствах ЕАЭС и БРИКС, чтобы обеспечить единообразие в подходах при сближении национальных правовых систем, выделяют три подобных уровня: высокий уровень саморегулирования, к которому относятся, например, профессиональные кодексы поведения; средний уровень саморегулирования, где преобладают стандарты регулирования в виде мягкой силы и возможности использования потенциалов национального, а также межгосударственного технического комитета по стандартизации, получившего название «Интеллектуальная собственность»; низкий уровень саморегулирования, в рамках которого преобладает регулирование нормативной и правовой базы [7. С. 16].

Е.Г. Багоян в своих трудах анализировал особенности законодательного регулирования информационной безопасности через призму блокчейн-технологий; он затрагивал не только финансовую сферу воздействия, но и сферу защиты авторских прав, а также заключения смарт-контрактов. В частности, он утверждал, что на технологию блокчейн действует правовой режим информационных систем. Кроме этого, структура платформы подразумевает, что изменения состояния запи-

сываются в блокчейн. Все узлы, которые в сети, должны поддерживать копию блокчейна и при этом ограничивать общий размер блокчейнов техническими возможностями оборудования. Скорость обработки транзакций ограничивается протоколом распространения записи и выбора лидера блокчейна и привязана к скорости, с которой новые блоки объявляются ведущими узлами. Новые транзакции могут занять по времени от нескольких минут до нескольких часов. На блок общее количество транзакций ограничивается размером этого блока любого блокчейна. Чтобы дать возможность всем узлам стать лидером в следующем раунде, они должны получить новый объявленный блок примерно в одно и то же время. В связи с этим размер блока обычно ограничен пропускной способностью восходящего канала узлов. От способности любого человека, который может выполнить аудит исходного блока, зависит целостность блокчейна [8. С. 43].

Р.Р. Мазитов отмечает, что информационная безопасность в России, а также существующие проблемы по ее обеспечению в некоторой мере отражаются не только в рамках теоретических исследований российских и иностранных авторов, но и в официальных актах. В качестве примера он приводит такие понятия, как национальная и информационная безопасность, информационная организация государства и многие другие, которые по своей сути являются основами разнообразных программ, доктрин и концепций не только государства, но и большей части политических и общественных организаций. Ключом же автор считает тот факт, что они начали привлекать существенное внимание СМИ. Вместе с тем в процессе развития научного и технического прогресса возрастает и общая роль информационной безопасности не только личности, но и общества, а также государства. Все чаще можно наблюдать ситуации, когда информация приводит к крупным авариям, конфликтам, в том числе и военным, а также способствует дезорганизации органов государственного управления. Влияние информации отчетливо прослеживается и в сфере финансовой системы, а также в научной среде. Основываясь на этих факторах, следует заключить, что с повышением уровня цифровизации общества возрастают опасности, а значит, и информационная безопасность должна становиться более надежной [9. С. 6].

К.М. Керценбаум рассмотрел процесс нарастания сложностей обеспечения информационной безопасности, в связи с развитием и сменой интересов киберпреступников [10. С. 32].

А.В. Тонконовым была разработана дефиниция понятия «кибернетическая безопасность». В своей работе он не только определил структурные угрозы рассматриваемому институту, но и выявил ключевые направления развития отечественной государственной политики в сфере обеспечения информационной безопасности. Автор также отмечал, что реализация кибербезопасности не может обеспечиваться исключительно минимизацией несанкционированного доступа, в некоторых случаях подобный доступ следует полностью исключить. Должна отсутствовать сама возмож-

ность несанкционированного доступа к информационным ресурсам, а препятствование нормальной деятельности информационных механизмов государственного и общественного управления сведено к незначительному минимуму. Основываясь на данных обстоятельствах, под кибернетической безопасностью следует понимать особое состояние защищенности информационных механизмов управления общества и государства, а также устойчивость подобных механизмов к деятельности деструктивных факторов не только внешнего, но и внутреннего проявления. В данной связи кибернетическая безопасность представляется в качестве разновидности национальной безопасности как состояния защищенности не только от внешних, но и от внутренних угроз в условиях повсеместной цифровизации общества и наличия кибернетического пространства. Развитие же подобного пространства возможно только при условии полного и объемного научного осмысления, а также надлежащего уровня правового закрепления, в том числе создания особых структур, которые и занимались бы обеспечением национальной безопасности Российской Федерации [11. С. 40].

А.А. Чеботарева исследовала подходы ученых разных специальностей к определению сущности понятия «информационная безопасность». Проблемы информационной безопасности возможно решить только за счет скоординированных и объединенных единым замыслом политических, организационных, социально-экономических, военных, правовых, информационных, специальных и иных мер [12. С. 3].

А.А. Паненков приводит ряд аргументов в пользу того, что кибертерроризм представляет реальную угрозу национальной безопасности Российской Федерации. В том числе автор отмечает, что увеличивающаяся степень общественной опасности обязывает проводить мероприятия по оптимизации и совершенствованию законодательства в целях реализации должного уровня противодействия угрозам настоящего и будущего в области информационной безопасности [13. С. 12].

В.В. Гришина полагает что безопасность – это продукт власти, обладающий качествами, которые возможно измерить, а также которыми возможно управлять. Как видится, по мнению исследователя, самым точным и надлежащим способом измерения уровня информационной безопасности выступает строго расписанная деятельность в информационной среде, которая имеет публично-правовой характер. К подобной деятельности следует относить, например, документирование и функционирование информационных ресурсов. Ключевыми же свойствами безопасности следует считать такие, как техническая, предметная и правовая совместимость информационных ресурсов, полнота, а также достоверность и актуальность ресурсной информации и защищенность информации [14. С. 12].

По мнению Т.А. Бражник, существующие подходы к толкованию понятия «информационная безопасность» являются не очень корректными и не отвечают основополагающим положениям информационного права. Так, например, само по себе приравнение информационной безопасности к деятельности по реали-

зации мер защиты информации и укреплению суверенитета в информационной среде, а также обеспечению надлежащей деятельности информационных и телекоммуникационных систем в корне неверно и как итог создает условия, при которых развитие всех элементов информационной безопасности невозможно. Следует учитывать, что требуется создание специальной терминологии в области обеспечения информационной безопасности, создание подобной совокупности терминов позволит проводить надлежащее разграничение безопасности личности от информационной безопасности, а также разграничит такие термины, как информационная безопасность и кибербезопасность [15. С. 17].

Обсуждение и результаты

Противоречивые суждения ученых и практиков во многом предопределяют и несовершенство законодательства Российской Федерации о безопасности в сфере информационных технологий в Российской Федерации [16. С. 120].

В первую очередь обращаем внимание на нормативный правовой акт с наивысшей юридической силой – Конституцию РФ от 12 декабря 1993 г. В этом нормативном правовом акте актуальны следующие положения. В первую очередь, это закрепление фактических обстоятельств, которые указывают, что сбор, хранение, а также распространение и использование информации о частной жизни лица возможно исключительно при наличии согласия такого лица. Во-вторых, отмечается, что органы как государственной власти, так и местного самоуправления, а также должностные лица наделяются обязанностью по обеспечению возможности ознакомления с документацией и материалами, которые фактически затрагивают права и свободы граждан.

Положения Конституции РФ, как правило, учитываются и в нормативных правовых актах с меньшей юридической силой.

Первоначально необходимо обратиться к Федеральному закону РФ «О безопасности» от 7 декабря 2010 г. [17]. Так, в рамках данного правового акта указывается, что его действие направлено на определение главенствующих принципов и раскрытие содержания деятельности по реализации безопасности государства. В том числе данный закон направлен на обеспечение общественной, экологической безопасности и безопасности личности, а также иных видов безопасности. Также регулируются полномочия и функции органов государственной власти на федеральном уровне в области обеспечения безопасности. Данное правило относится и к органам местного самоуправления, а также органам государственной власти субъектов нашей страны. В качестве же особого органа выделяется Совет Безопасности Российской Федерации, закрепляются его полномочия и функции.

В ФЗ РФ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26 июля 2017 г. [18] фактически детализированы положения Федерального закона РФ от 7 декабря 2010 г.

В статье 2 Федерального закона РФ от 12 июля 2017 г. определены основные понятия, которые используются в данной сфере. Так, под автоматизированной системой управления понимается комплекс не только программных, но и программно-аппаратных средств, которые предназначены для контроля технологического и производственного оборудования, а также производных от этих средств процессов, в том числе и управления указанными процессами и оборудованием. Безопасность критической информационной инфраструктуры представляется как особое состояние защищенности подобной инфраструктуры, которое направлено на обеспечение ее устойчивого функционирования в условиях проведения компьютерных и информационных атак. В качестве значимого объекта критической информационной инфраструктуры представляется такой объект, который обладает каким-либо критерием значимости и который, соответственно, включен в реестр подобных объектов. Под компьютерной атакой следует понимать целенаправленное воздействие каких-либо программных или аппаратных приспособлений, воздействующих на объекты критической информационной инфраструктуры, а также сети электросвязи. Целью таких атак выступает нарушение или полное прекращение функционирования указанных объектов, также к целям относится создание угрозы безопасности информации, расположенной или обрабатываемой такими объектами. Компьютерный инцидент представляется как факт нарушения или полного прекращения функционирования объекта критической информационной инфраструктуры, а также сетей электросвязи; сюда же относятся и факты нарушения безопасности обрабатываемой информации, основой указанного инцидента выступает компьютерная атака. Под критической информационной инфраструктурой следует понимать такие объекты и сети электросвязи, которые представляют собой структурные элементы данной инфраструктуры. В качестве объектов критической информационной инфраструктуры представляются информационные системы, информационные и телекоммуникационные сети, а также автоматизированные системы управления, используемые субъектами критической информационной инфраструктуры. В данном ключе к таким субъектам следует отнести государственные органы, учреждения, а также российские юридические лица и индивидуальные предпринимателей, которым по различным основаниям принадлежат информационные системы и информационно-телекоммуникационные сети, а также автоматизированные системы управления. При этом данные субъекты должны действовать в сфере здра-

воохранения, науки, транспорта, связи, энергетики, банковской сфере, а также в сферах финансового рынка, топливного и энергетического комплекса. Справедливым будет отнести сюда и представителей атомной энергетики, оборонной, ракетной, космической, добывающей, металлургической и химической промышленности. Также к субъектам будут относиться отечественные юридические лица и индивидуальные предприниматели, обеспечивающие взаимодействие указанных ранее систем и сетей.

В подзаконном нормативном правовом акте утверждена Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, что регламентировано Указом Президента РФ № 646 от 5 декабря 2016 г. [19]. Указанная Доктрина представляется как особая система взглядов официальных представителей государства на вопрос обеспечения национальной безопасности России в области информационного развития. В рамках описываемой доктрины также содержится определение информационной сферы, под которой понимается общая совокупность информации, а также объектов информатизации, информационных систем, сайтов интернета, сетей связи, информационных технологий. В том числе сюда относятся и субъекты, функционирование которых связано с формированием и последующей обработкой информации, а также реализацией указанных технологий.

Заключение

Таким образом, научно-технический прогресс имеет для человечества не только позитивную сторону, но и негативную, что должно побуждать ученых к продолжению научных исследований и позволяет высказать несколько суждений.

Во-первых, состояние преступности в сфере компьютерной информации во многом определяется уровнем экономического развития любого государства, в том числе Российской Федерации как субъекта международного права.

Во-вторых, компьютерная информация как общественное отношение охраняется уголовным законодательством Российской Федерации.

В-третьих, противодействие в сфере компьютерной информации предполагает формирование специальных подразделений в ряде правоохранительных органов (в первую очередь, в органах государственной безопасности и органах внутренних дел), укомплектованных сотрудниками, обладающими дополнительными компетенциями в сфере компьютерных технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Олимпиев А.Ю., Мышко Ф.Г., Стрельникова И.А. Цифровизация экономики в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика. Революция в управлении: новая цифровая экономика или новый мир машин : материалы II Междунар. науч. форума / под ред. П.В. Терелянского. М., 2018. С. 287–293.
2. Олимпиев А.Ю., Михайленко Н.В. Актуальные тренды реорганизации органов внутренних дел в условиях цифровой экономики // Вестник экономической безопасности. 2019. № 4. С. 46–47.
3. Выступление Президента России В.В. Путина на международном конгрессе по кибербезопасности (ИСС), Москва, 06.07.2018 г. // Стенограмма выступления опубликована на официальном сетевом ресурсе Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57957> (дата обращения: 12.01.2021).
4. Буряк В.В. Цифровая экономика, хактивизм и кибербезопасность. Симферополь : ИП Зуева Т.В., 2019. 140 с.

5. Корниенко А.А., Глухов А.П., Диасамидзе С.В. Кибербезопасность и защита от компьютерных атак на железнодорожном транспорте : учеб. пособие. СПб., 2015. 49 с.
6. Евдокимов А.А. Информационная безопасность в России: особенности или уникальность? // Право и кибербезопасность. 2013. № 1. С. 36–38.
7. Лопатин В.Н. Информационная безопасность в электронном государстве // Информационное право. 2018. № 2. С. 14–19.
8. Багоян Е.Г. Информационная безопасность и применение технологии блокчейн: зарубежный опыт и необходимость правового регулирования в Российской Федерации // Юрист. 2019. № 3. С. 42–49.
9. Мазитов Р.Р. Информационная безопасность Российской Федерации на современном этапе // Российская юстиция. 2009. № 11. С. 4–7.
10. Керценбаум К.М. Информационная безопасность, или Просто о сложном // Право и кибербезопасность. 2012. № 1. С. 30–32.
11. Тонконогов А.В. Кибернетическая безопасность: понятие и сущность феномена // Право и кибербезопасность. 2013. № 2. С. 36–43.
12. Чеботарева А.А. Научные подходы к определению понятия «информационная безопасность» // Информационное право. 2011. № 1. С. 3–5.
13. Паненков А.А. Кибертерроризм как реальная угроза национальной безопасности России // Право и кибербезопасность. 2014. № 1. С. 12–19.
14. Гришина В.В. Правовое обеспечение информационной безопасности // Административное и муниципальное право. 2008. № 5. С. 10–14.
15. Бражник Т.А. Правовые вопросы обеспечения информационной безопасности личности // Информационное право. 2018. № 4. С. 17–21.
16. Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119–123.
17. Федеральный закон РФ «О безопасности» от 7 декабря 2010 г. // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2.
18. Федеральный закон РФ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 12 июля 2017 г. // СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4736.
19. Указ Президента РФ № 646 от 5 декабря 2016 г. // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

Статья принята к публикации 24.05.2021.

Cybersecurity and Its Maintenance in the Russian Federation

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 17, pp. 104–109. DOI: 10.17223/23088451/17/21

Anatoly Yu. Olimpiev, Institute of Social Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: a.olimpiev@yandex.ru

Irina A. Strelnikova, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: irina.a.strelnikova@mail.ru

Keywords: criminal legislation, Criminal Code of Russian Federation, corpus delicti, crime, social interaction, computer information, security, “cybersecurity”

The problematic issues of ensuring cybersecurity in the Russian Federation are investigated in the article. Based on the analysis of legal literature and normative legal acts on crimes in the field of computer information in the criminal legislation of the Russian Federation and countering them, several judgments are made. The state of crime in the field of computer information is largely determined by the level of economic development of any state, including the Russian Federation as a subject of international law. Computer information, as social interaction, is protected by the criminal legislation of the Russian Federation. Counteraction in the field of computer information involves the formation of special units in a number of law enforcement agencies (first of all, in the state security bodies and in the internal affairs bodies) staffed with employees with additional competencies in the field of computer technology.

References

1. Olimpiev, A.Yu., Myshko, F.G. & Strel'nikova, I.A. (2018) [Digitalization of the economy in the Russian Federation: State and development prospects]. *Shag v budushchee: iskusstvennyy intellekt i tsifrovaya ekonomika. Revolyutsiya v upravlenii: novaya tsifrovaya ekonomika ili novyy mir mashin* [Step into the future: Artificial intelligence and digital economy. A revolution in management: A new digital economy or a new world of machines]. Proceedings of the II International Scientific Forum. Moscow: State University of Management. pp. 287–293. (In Russian).
2. Olimpiev, A.Yu. & Mikhaylenko, N.V. (2019) The current trends in the reorganization of the internal affairs bodies in the digital economy. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. 4. pp. 46–47. (In Russian).
3. Kremlin.ru. (2018) *Speech by the President of Russia, V.V. Putin, at the International Cybersecurity Congress (ICC), Moscow, July 06, 2018*. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57957> (Accessed: 12th January 2021). (In Russian).
4. Buryak, V.V. (2019) *Tsifrovaya ekonomika, khaktivizm i kiberbezopasnost'* [Digital Economy, Hacktivism and Cybersecurity]. Simferopol: IP Zueva T.V.
5. Kornienko, A.A., Glukhov, A.P. & Diasamidze, S.V. (2015) *Kiberbezopasnost' i zashchita ot komp'yuternykh atak na zheleznodorozhnom transporte* [Cybersecurity and protection against computer attacks on railway transport]. St. Petersburg: St. Petersburg State Transport University.
6. Evdokimov, A.A. (2013) Informatsionnaya bezopasnost' v Rossii: osobennosti ili unikal'nost'? [Information security in Russia: features or uniqueness?]. *Pravo i kiberbezopasnost'*. 1. pp. 36–38.
7. Lopatin, V.N. (2018) Information security in an electronic state. *Informatsionnoe pravo – Informational Law*. 2. pp. 14–19. (In Russian).

8. Bagoyan, E.G. (2019) Information security and application of blockchain technologies: Foreign experience and the need for legal regulation in the Russian Federation. *Yurist – Jurist*. 3. pp. 42–49. (In Russian). DOI: 10.18572/1812-3929-2019-3-42-49
9. Mazitov, R.R. (2009) Informatsionnaya bezopasnost' Rossiyskoy Federatsii na sovremennom etape [Information security of the Russian Federation at the present stage]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 11. pp. 4–7.
10. Kertsenbaum, K.M. (2012) Informatsionnaya bezopasnost', ili Prosto o slozhnom [Information Security, or On the complex in simple words]. *Pravo i kiberbezopasnost'*. 1. pp. 30–32.
11. Tonkonogov, A.V. (2013) Kiberneticheskaya bezopasnost': ponyatie i sushchnost' fenomena [Cybersecurity: concept and essence of the phenomenon]. *Pravo i kiberbezopasnost'*. 2. pp. 36–43.
12. Chebotareva, A.A. (2011) Nauchnye podkhody k opredeleniyu ponyatiya “informatsionnaya bezopasnost'” [Scientific approaches to defining “information security”]. *Informatsionnoe pravo – Informational Law*. 1. pp. 3–5.
13. Panenkov, A.A. (2014) Cyber terrorism as a real menace to the national security of Russia. *Pravo i kiberbezopasnost'*. 1. pp. 12–19. (In Russian).
14. Grishina, V.V. (2008) Pravovoe obespechenie informatsionnoy bezopasnosti [Legal issues of ensuring information security of the individual]. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo – Administrative and Municipal Law*. 5. pp. 10–14.
15. Brazhnik, T.A. (2018) Legal Issues of Ensuring Information Security of an Individual. *Informatsionnoe pravo – Informational Law*. 4. pp. 17–21. (In Russian).
16. Galuzo, V.N. (2010) Konstitutsionno-pravovoy status Rossii: problema imenovaniya gosudarstva [Constitutional and legal status of Russia: the problem of naming the state]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 5. pp. 119–123.
17. Russian Federation. (2011) Federal'nyy zakon RF “O bezopasnosti” ot 7 dekabrya 2010 g. [Federal Law of the Russian Federation “On Security” of December 7, 2010]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 1. Art. 2.
18. Russian Federation. (2017) Federal'nyy zakon RF “O bezopasnosti kriticheskoy informatsionnoy infrastruktury Rossiyskoy Federatsii” ot 12 iyulya 2017 g. [Federal Law of the Russian Federation “On the Security of the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation” of July 12, 2017]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 31 (I). Art. 4736.
19. Russian Federation. (2016) Ukaz Prezidenta RF № 646 ot 5 dekabrya 2016 g. [Decree of the President of the Russian Federation No. 646 of December 5, 2016]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 50. Art. 7074.

Received: 24 May 2021.

О.В. Филиппова

О СОСТОЯНИИ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Значимой качественной характеристикой российской преступности последних лет выступает ее рецидивоопасность. Среди расследованных в 2019 г. преступлений свыше половины совершены лицами, ранее совершавшими преступления. Наиболее высокие показатели рецидива регистрируются в Дальневосточном федеральном округе. Показаны состояние, уровень, структура и динамика рецидивной преступности в ДФО, ее особенности и тенденции; отмечены факторы, обуславливающие высокую рецидивную пораженность региона.

Ключевые слова: *преступность, рецидив, состояние, региональные особенности, Дальний Восток*

Значимой качественной характеристикой российской преступности последних лет выступает ее рецидивоопасность. В общей массе расследованных преступлений значительную долю (около 60%) составляют те, которые совершены лицами, ранее совершавшими преступления. Их удельный вес вырос за последние десять лет более чем на 20%. Одновременно показатели рецидивной преступности неодинаковы на всей территории страны, поэтому в целях выявления закономерностей ее распространения имеет смысл изучить региональные особенности рецидивной преступности.

Одним из наиболее неблагополучных регионов России с наибольшим удельным весом рецидивных преступлений является Дальневосточный федеральный округ (ДФО). В 2019 г. преступления лиц, ранее совершавших преступления, занимали 64,7% от расследованных. Уровень рецидивной преступности на 100 тыс. чел. составляет 660,5, что в 1,6 раз выше среднего показателя по стране.

Следует отметить, что Дальний Восток характеризуется высокими показателями не только рецидивной, но и общей преступности. При среднероссийском уровне 1 379,2 преступления на 100 тыс. чел. в ДФО он достигает 1 898,9 (в 2019 г.). Криминальная ситуация здесь также отличается высоким уровнем наркопреступлений, контрабанды ценных пород леса, морепродуктов, полезных ископаемых. Более высокую долю по сравнению с общероссийской преступностью имеют преступления, совершенные в состоянии опьянения и лицами, не имеющими постоянного источника дохода.

Как отмечают исследователи, территориальные различия преступности являются закономерным следствием различий комплекса экономических, социальных, социально-психологических характеристик регионов во взаимосвязи с особенностями просчетов в организованно-управленческой деятельности, включая практику борьбы с преступностью [1. С. 10]. Криминологическая ситуация дальневосточного региона определяется и такими особенностями, как территориальное расположение, климат, природно-ресурсный потенциал.

Дальневосточный федеральный округ является уникальным и не сравнимым по своим социально-экономическим, геополитическим, демографическим, природно-климатическим и иным показателям, кото-

рые имеют крайне противоречивые характеристики [2. С. 273]. ДФО – крупнейший по размерам территории федеральный округ и в то же время самый малонаселенный. Территория региона занимает площадь 6 952 555 км², или 40% территории России. Население округа – чуть более 8,16 млн чел., плотность – 1,17 чел./км². Дальневосточный регион относится к территориям, характеризующимся экстремальными природными условиями. Большая часть его территории приравнена к районам Крайнего Севера, отличается суровым климатом, резкими перепадами температуры, атмосферного давления, повышенным уровнем влажности, сильными ветрами.

Дальний Восток имеет самую большую в России протяженность морского побережья. В ДФО сосредоточены большие запасы энергоресурсов, ископаемых, ценных пород дерева, морепродуктов. С этим связан высокий уровень противоправной деятельности в сфере незаконной добычи водных биологических ресурсов, а также незаконного лесопользования, которыми занимаются организованные преступные группы. По данным Счетной палаты РФ, ежегодный объем неучтенного экспорта водных биоресурсов (без учета недополученных налогов, сборов за пользование ими и таможенных пошлин) составляет не менее 15–30 млрд руб. [3].

Территориальная удаленность ДФО от центра страны обуславливает низкий уровень развития инфраструктуры, системы социальных услуг, контроля за деятельностью органов государственной власти, что негативным образом отражается на криминальной ситуации в округе. В сложных климатических и географических условиях в округе наблюдается напряженная ситуация на дорогах, в том числе преступного характера; близость границы с Китаем, Кореей и Японией способствует обострению криминогенной обстановки в приграничных территориях округа.

Как отмечается в Государственной программе «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа», на Дальнем Востоке по-прежнему сохраняется негативная тенденция уменьшения численности населения. Сокращение численности населения Дальнего Востока связано с продолжающимся ростом миграционного оттока населения и снижением уровня рождаемости. Основными факторами негативных миграционных процессов являются слабое развитие связующей и соци-

альной инфраструктуры, дороговизна жизни и ведения бизнеса, удаленность внутренних рынков сбыта, дифференциация доходов населения, а также неблагоприятные климатические условия [4]. Сохраняющийся отток населения порождает дефицит трудовых ресурсов, профессиональных кадров во всех областях.

Критическая социально-криминальная обстановка, сверхвысокий уровень преступности на Дальнем Востоке связаны также со спецификой обустройства жизни в регионе, его историческим прошлым. Территория Дальнего Востока на протяжении многих лет заселялась за счет вербованных лиц, временно прибывших для работы (рыбная путина, строительство важных народнохозяйственных объектов и т.п.) [2. С. 279–280], поэтому населению была присуща психология «временщика» с безразличным отношением к социально-экономической и политической ситуации в регионе, стремлением получить максимальный доход в короткие сроки и поскорее уехать. Трудности жизни в суровых климатических условиях, тяжелый труд жители традиционно компенсировали употреблением алкоголя и наркотических веществ.

Кроме этого, криминологически значим тот факт, что Дальний Восток исторически являлся местом ссылки заключенных, в связи с чем в структуре местного населения образовалась значительная доля лиц с антиобщественной установкой и преступными взглядами. Такой специфический контингент способствовал широкому распространению норм тюремной субкультуры среди населения, что предопределило высокую готовность местных жителей к асоциальному и противоправному поведению [2. С. 279].

Таким образом, высокая криминальная активность на Дальнем Востоке предопределена целым комплексом обстоятельств. К основополагающим факторам можно отнести проблемы социального и экономического характера, которые имеют криминогенное значение и отражаются не только на уровне общей преступности, но и влияют на показатели рецидивной. Рассмотрим их подробнее.

Состояние рецидивной преступности в ДФО в период с 2011 по 2019 г. характеризовалось следующими

показателями: в 2011 г. было зарегистрировано 35 560 преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления, в 2012 г. – 38 815, в 2013 г. – 40 748, в 2014 г. – 41 301, в 2015 г. – 42 568, в 2016 г. – 42 355, в 2017 г. – 40 632, в 2018 г. – 55 957, в 2019 г. – 54 081. То есть на протяжении всего исследуемого периода это количество увеличивалось, за исключением 2016 и 2019 г., когда было зафиксировано его незначительное снижение: в 2016 г. – на 0,5%, в 2019 г. – на 3,4%. Прирост числа рецидивных преступлений в 2019 г. по отношению к началу исследуемого периода составил 52,1%. Существенное увеличение (на 37,7%) произошло в 2018 г. и явилось результатом вхождения в ДФО таких субъектов, как Республика Бурятия и Забайкальский край [5]. Удельный вес рецидивных преступлений в общем массиве расследованных в 2019 г. составил 64,7%; прирост с 2011 г. – 11,3% (табл. 1).

Уровень рецидивной преступности на 100 тыс. чел. в ДФО в рассматриваемый период также демонстрировал ее рост. Так, в 2011 г. его значение было 565,8, в 2015 г. – уже 685,5, в 2016 г. и 2017 г. наблюдалось некоторое его снижение, однако в 2018 г. вновь зафиксировано увеличение, связанное с присоединением к ДФО двух регионов. В 2019 г. коэффициент рецидива достиг 660,4 преступлений, прирост с 2011 г. – на 16,7% (табл. 2).

Данные о количестве рецидивных преступлений, регистрируемых в отдельных субъектах ДФО, показывают, что состояние рецидивной преступности в округе определяется ситуацией в Приморском, Забайкальском, Хабаровском краях, на которые приходится более половины рецидивных преступлений. Доля Приморского края составляет почти 20%, Забайкальского и Хабаровского – 17,5 и 15,2% соответственно. В 2019 г. наибольший удельный вес преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления (от числа расследованных), зафиксирован в Амурской области, Хабаровском и Забайкальском краях и Республике Бурятия (табл. 3).

Таблица 1

Динамика количества предварительно расследованных и преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления, в Дальневосточном федеральном округе с 2011 по 2019 г.

Показатель	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Предварительно расследовано преступлений в ДФО	66 734	65 699	68 357	68 949	70 286	68 166	64 433	88 019	83 588
Количество преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления	35 560	38 815	40 748	41 301	42 568	42 355	40 632	55 957	54 081
Динамика, %	–	+9,2	+5,0	+1,4	+3,1	–0,5	–4,1	+37,7	–3,4
Динамика по отношению к 2011 г., %	–	+9,2	+14,6	+16,1	+19,7	+19,1	+14,3	+47,6	+52,1
Доля в числе расследованных, %	53,3	59,1	59,6	59,9	60,6	62,1	63,1	63,6	64,7

Таблица 2

Динамика уровня рецидивной преступности в Дальневосточном федеральном округе с 2011 по 2019 г.

Показатель	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Уровень рецидивной преступности на 100 тыс. чел.	565,8	619,5	651,8	663,3	685,5	683,7	657,2	683,4	660,4
Динамика, %		9,5	5,2	1,8	3,4	–0,3	–3,9	4,0	–3,4
Динамика по отношению к 2011 г., %		9,5	15,2	17,2	21,2	20,8	16,2	20,8	16,7

Таблица 3

Уровень рецидивной преступности в субъектах Дальневосточного федерального округа в 2019 г.

Показатель	Республика Саха (Якутия)	Республика Бурятия	Забайкальский край	Приморский край	Хабаровский край	Камчатский край	Амурская область	Магаданская область	Сахалинская область	Еврейская автономная область	Чукотский автономный округ
Преступления, совершенные лицами, ранее совершавшими преступления	4 447	8 007	9 459	10 523	8 224	2 045	6 240	1 121	2 831	866	318
Уровень рецидивной преступности на 100 тыс. чел.	459,9	814,3	887,5	553,1	622,3	649,8	786,7	793,7	578,1	541,5	640,3

Динамика удельного веса рецидивных преступных деяний в субъектах ДФО наглядно свидетельствует о том, что на всем протяжении исследуемого периода в Амурской, Магаданской областях, Камчатском, Приморском и Хабаровском краях рецидивные преступления составляли больше половины расследованных. В остальных субъектах ДФО рецидивные стали преобладать в 2014–2015 гг. (табл. 4).

Среди субъектов ДФО по уровню рецидива лидируют Забайкальский край – 892,6 на 100 тыс. чел., Республика Бурятия – 812,0, Магаданская область – 799,6 и Амурская область – 786,7. Самый низкий коэффициент отмечен в Якутии и Еврейской автономной области – 459,9 и 541,5 соответственно.

В структуре преступлений лиц, ранее совершавших преступления, в ДФО, как и в целом по стране преобладают преступления небольшой тяжести – 51,2%, по России несколько больше – 55,8%. Преступления средней тяжести занимают 27,5%, по России – 25,1%. На долю тяжких в ДФО приходится 17,6%, особо тяжких – 3,7%, в среднем по стране – 15,1, и 4,0% соответственно (табл. 5). Таким образом, в дальневосточной рецидивной преступности преступления средней тяжести и тяжкие преступления более распространены, чем в общероссийской.

По видам преступлений структура дальневосточной рецидивной преступности также имеет отличия от общероссийской. Так, в среднем по стране в структуре рецидивных 42,5% занимают преступления против собственности (гл. 21 УК РФ), 16,4% – преступления против жизни и здоровья (гл. 16 УК РФ), 10,9% – преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, сильнодействующих веществ, растений, содержащих наркотические средства, или психо-

тропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ (наркопреступлений), 7,1% – преступления против семьи и несовершеннолетних (гл. 20 УК РФ) [6. С. 25]. В ДФО преступления против собственности занимают меньшую долю – 37,7%, как и преступления против жизни и здоровья – 17,6%, и преступления против семьи и несовершеннолетних – 4,2%. Большую распространенность имеют наркопреступления – 11,8% и преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта (гл. 27 УК РФ) – 11,7%.

Обращает на себя внимание высокая доля повторных преступлений среди лиц, участвующих в незаконном наркообороте. Так, в 2019 г. 68,9% преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков совершили лица, ранее совершавшие преступления. Кроме того, большой удельный вес лиц, ранее совершавших преступления, наблюдается в числе допустивших уголовно наказуемые нарушения правил дорожного движения (ст. 264.1 УК РФ) – 68,3%. Такая криминальная ситуация отражает высокий уровень наркотизации и алкоголизации населения Дальнего Востока.

Как известно, распространение наркотребления в Дальневосточном регионе обеспечивается как за счет возделываемых здесь произрастающих наркосодержащих растений, так и ввозимых из-за границы веществ. Появление среди рецидивистов водителей транспортных средств произошло вследствие криминализации повторного управления транспортным средством в состоянии опьянения.

В исследуемый период на фоне снижения количества выявленных лиц, совершивших преступления, в ДФО, как и в целом по стране, увеличивалась доля лиц, ранее совершавших преступления, на 14,3% в 2019 г. по сравнению с 2011 г. (табл. 6).

Таблица 4

Динамика удельного веса преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления

Субъект ДФО	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Амурская область	55,0	66,8	66,88	68,78	66,98	70,2	71,1	70,3	71,4
Республика Бурятия	44,32555	53,29387	58,21775	61,96922	63,14333	66,51065	64,92989	66,23988	67,86168
Еврейская автономная область	41,02851	41,9175	48,01482	48,09797	52,81073	48,77426	58,0091	56,27397	58,12081
Забайкальский край	36,19738	47,07746	53,67912	57,91959	63,40584	62,99353	64,2895	65,44428	68,37996
Камчатский край	50,3	51,9	52,5	54,3	54,2	53,7	56,9	56,1	57,1
Магаданская область	59,4	59,6	63,8	63,0	57,0	63,1	62,0	61,4	65,5
Приморский край	63,2	63,4	61,4	60,5	60,8	62,0	63,4	63,7	64,2
Республика Саха (Якутия)	24,7	43,1	48,3	48,5	49,1	52,4	52,6	50,7	50,7
Сахалинская область	33,9	44,1	48,0	52,2	54,9	59,9	57,0	59,7	60,2
Хабаровский край	65,76055	66,17121	64,5984	63,84413	67,24215	67,00413	68,73567	67,50184	68,60766
Чукотский автономный округ	41,74397	52,18914	49,91974	54,28571	49,43609	52,03095	55,09499	52,4055	55,11265

Таблица 5

**Структура рецидивной преступности в Российской Федерации и Дальневосточном федеральном округе в 2019 г.
по степени тяжести преступлений**

Удельный вес, %	Преступления небольшой тяжести	Преступления средней тяжести	Тяжкие преступления	Особо тяжкие преступления
Удельный вес по РФ, %	55,8	25,1	15,1	4,0
Удельный вес по ДФО, %	51,1	27,5	17,6	3,7

Таблица 6

**Динамика числа выявленных лиц, совершивших преступления в ДФО, и удельного веса лиц, ранее совершавших преступления
в период с 2011 по 2019 г.**

Показатель	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Всего лиц, совершивших преступления	59 268	58 771	61 445	61 795	63 619	60 674	58 284	80 304	75 188
Из них лиц, ранее совершавших преступления	29 188	32 615	34 588	35 208	36 746	36 015	35 817	49 978*	47 598
Удельный вес лиц, ранее совершавших преступления, %	49,2	55,5	56,3	57,0	57,8	59,4	61,5	62,2	63,3

* – увеличение показателей в 2018 г. связано с территориальными изменением состава ДФО.

Таблица 7

Количество ранее судимых лиц и их доля в числе ранее совершавших преступления в субъектах ДФО (2019 г.)

Показатель	Республика Саха (Якутия)	Республика Бурятия	Забайкальский край	Приморский край	Хабаровский край	Камчатский край	Амурская область	Магаданская область	Сахалинская область	Еврейская автономная область	Чукотский автономный округ
Количество ранее судимых лиц	1 681	2 991	4 426	4 526	3 407	881	2 542	432	1 217	417	113
Доля в числе ранее совершавших преступления, %	44,1	42,6	52,2	49,6	46,4	51,8	46,7	42,8	47,8	52,1	37,0

Среди ранее совершавших преступления в ДФО в последние годы в среднем 46–47% составляют ранее судимые. Следует отметить, что ими совершается половина всех тяжких и особо тяжких преступлений, выявляемых на территории ДФО (51,0% тяжких и 49,3% особо тяжких, по данным 2019 г.). Численность ранее судимых лиц и их доля в структуре лиц, ранее совершавших преступления, в субъектах ДФО показаны в табл. 7.

Завершая анализ показателей рецидивной преступности в ДФО, отметим ее основные тенденции. В последние годы показатели рецидивной преступности растут, как в абсолютных, так и в относительных значениях. Общее число рецидивных преступлений с 2011 г. увеличилось на 52,1%, уровень рецидива вырос на 16,7%, количество выявленных лиц, ранее совершавших преступления, – на 24,1%. Удельный вес преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления, в 2019 г. составил 64,7%.

Более половины всех выявляемых в ДФО рецидивных преступлений приходится на Приморский, Забайкальский, Хабаровский края. По коэффициенту рецидива лидирует все тот же Забайкальский край, а также Республика Бурятия, Магаданская и Амурская области. В структуре рецидивной преступности помимо хищений заметное место занимают наркопреступления и преступные нарушения правил дорожного движения (ст. 264, 264.1 УК РФ).

Высокие показатели рецидивной преступности обусловлены такими факторами: географическое положение (территориальная удаленность округа), сложные социально-экономические условия (низкий уровень жизни населения, высокий уровень безработицы, общая алкоголизации и наркотизации населения), демографические проблемы (отток молодежи трудоспособного возраста в другие регионы страны), пенитенциарная нагруженность (высокая плотность пенитенциарных учреждений).

ЛИТЕРАТУРА

1. Долгова А.И. Региональное изучение преступности и некоторые криминологические проблемы Крайнего Севера // Криминологические проблемы регионов Крайнего Севера России : сб. трудов / отв. ред. А.И. Долгова. М. : Российская криминологическая ассоциация, 2015. С. 123–140.
2. Ролук А.И., Романова Л.И. Наркопреступность: уголовно-правовые и криминологические проблемы. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2016. 448 с.
3. Ментюкова С. Браконьеры рискнули по-крупному // Коммерсант. 20.08.2013. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2259257> (дата обращения: 30.04.2021).
4. Государственная программа «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа», утв. Постановлением Правительства РФ № 308 от 15.04.2014. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/829/events/> (дата обращения: 30.04.2021).

5. Галкин Д.В. О влиянии криминальной субкультуры на состояние преступности (на примере Дальневосточного федерального округа) // Проблемы противодействия криминальной субкультуре : материалы Всерос. науч.-практ. конф. : сб. ст. / науч. ред. Ю.В. Хармаев, Э.Л. Раднаева. М., 2018. С. 50–62.
6. Павловская Н.В. Состояние рецидивной преступности в Российской Федерации // Вестник университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 6 (74). С. 24–28.

Статья принята к публикации 24.05.2021.

On the State of Recidivist Crime in the Far Eastern Federal District

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 17, pp. 110–114. DOI: 10.17223/23088451/17/22

Olga V. Filippova, East Siberia State University of Technology and Management (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: ovalfilippova@yandex.ru

Keywords: crime, recidivism, state, regional features, Far East

The Far Eastern Federal District is one of the most disadvantaged regions of Russia with a high level of recidivism. In 2019, the proportion of crimes committed by persons who had previously committed crimes among those investigated was 64.7%. Recidivism rate per 100 thousand people reached 660.5, which is 1.6 times higher than the national average. More than half of all recurrent crimes detected in the Far Eastern Federal District are in Primorsky, Zabaikalsky, Khabarovsk Krai. Zabaikalsky Krai, the Republic of Buryatia, Magadan and Amur Oblasts are leading in terms of the recidivism rate. In the structure of recidivism, in addition to embezzlement, drug crimes and criminal violations of traffic rules occupy a noticeable place (Art., 264, Art. 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation).

References

1. Dolgova, A.I. (2015) Regional'noe izuchenie prestupnosti i nekotorye kriminologicheskie problemy Kraynego Severa [Regional study of crime and some criminological problems of the Far North]. In: Dolgova, A.I.(ed.) *Kriminologicheskie problemy regionov Kraynego Severa Rossii* [Criminological problems of regions of the Far North of Russia]. Moscow: Rossiyskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya. pp. 123–140.
2. Rolik, A.I. & Romanova, L.I. (2016) *Narkoprestupnost': ugolovno-pravovye i kriminologicheskie problemy* [Drug crime: criminal law and criminological problems]. Vladivostok: FEPU.
3. Mentyukova, S. (2013) Brakon'ery risknuli po-krupnomu [Poachers took a big risk]. *Kommersant*. 20 August. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/2259257> (Accessed: 30th April 2021).
4. Government of the Russian Federation. (2014) *State program "Socio-economic development of the Far Eastern Federal District", approved by Decree of the Government of the Russian Federation No. 308 of April 15, 2014*. [Online] Available from: <http://government.ru/rugovclassifier/829/events/> (Accessed: 30th April 2021). (In Russian).
5. Galkin, D.V. (2018) [On the influence of the criminal subculture on the state of crime (on the example of the Far Eastern Federal District)]. *Problemy protivodeystviya kriminal'noy subkul'ture* [Problems of countering the criminal subculture]. Conference Proceedings. Moscow: Yurisprudentsiya. pp. 50–62.
6. Pavlovskaya, N.V. (2019) State of recidivism criminality in the Russian Federation. *Vestnik universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii*. 6 (74). pp. 24–28. (In Russian).

Received: 24 May 2021.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

УДК 343.843

DOI: 10.17223/23088451/17/23

И.А. Давыдова

СУДЕБНЫЕ СРЕДСТВА ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ВО ФРАНЦИИ

Проведен анализ судебных средств правовой защиты лиц, находящихся в местах лишения свободы во Франции. Обращено внимание на полномочия судьи по исполнению наказаний, а также контрольные функции административных судов, выявлена тенденция расширения направлений их деятельности с учетом влияния решений Европейского суда по правам человека, оценена реальная эффективность судебных средств правовой защиты Франции.

Ключевые слова: *судебный контроль, судья по исполнению наказаний, административный суд, судебная защита прав заключенных, обжалование решений тюремной администрации*

Одной из тенденций развития современной политики России в сфере исполнения уголовных наказаний является расширение средств правовой защиты осужденных к лишению свободы, прежде всего судебной защиты. На протяжении ряда лет ведется научная полемика по вопросу о новых направлениях судебного контроля за исполнением наказаний [1. С. 164], а также о повышении роли судебных органов в процессе исполнения наказаний, введении должности специальных (пенитенциарных) судей [2. С. 243].

В этой связи представляется значимым и актуальным изучение опыта зарубежных государств в рассматриваемой сфере.

Во Франции большую роль в деятельности пенитенциарных учреждений играют судьи по исполнению наказаний. Они обладают широкими полномочиями. Институт судебного контроля в этой стране имеет достаточно продолжительную историю.

Впервые идея введения должности пенитенциарного судьи была высказана Марком Анселем и его сторонниками еще в середине XX в. Они отмечали, что «институт судьи по исполнению наказаний является если не конечным результатом, то, по крайней мере, важным этапом в развитии пенитенциарной науки, которая под влиянием идей новой социальной защиты, распространенных во Франции и во многих странах, стремится к индивидуализации наказания и к обеспечению участия судьи в контроле за его исполнением» [3. С. 216].

Председатель комитета по координации криминологических исследований французского Министерства юстиции П. Амор в докладе «Приговор и роль судьи в исполнении наказаний», сделанном на франко-канадском colloquium в октябре 1972 г., подчеркнул, что условия, сложившиеся во Франции после освобождения страны от немецко-фашистской оккупации, стремление к обновлению, господствовавшее во Франции в тот период, позволили предусмотреть введение в уголовный процесс новой фигуры – судьи по исполнению наказаний [4. Р. 74].

Впервые в официальном порядке судья по исполнению наказаний упоминается в Декрете от 1 апреля 1952 г., урегулировавшем некоторые вопросы условно-по освобождения. О действительном введении судьи по

исполнению наказаний во французское судопроизводство можно говорить лишь начиная с 1958 г., когда его права и обязанности были определены в Уголовно-процессуальном кодексе (УПК) Франции. Декретом от 23 февраля 1959 г. о процедуре исполнения положений УПК Франции 1958 г. устанавливалось, что судья по исполнению наказаний должен «гарантировать индивидуализацию исполнения судебного приговора, внося необходимую ориентацию в условия применения последнего и осуществляя контроль за этим применением, не вмешиваясь в решение иных вопросов» [5. Р. 147].

Помимо наблюдения за исполнением наказаний в тюрьмах УПК Франции 1958 г. возложил на судей по исполнению наказаний большой круг обязанностей по осуществлению контроля за наказаниями, не связанными с лишением свободы.

В дальнейшем институт судебного контроля за исполнением наказаний получил свое развитие во Франции и ряде других европейских государств [6. С. 210].

В настоящее время заключенным во Франции доступны различные виды средств правовой защиты: возможность отмены решения, принятого тюремной администрацией, или его приостановления, защита основных прав и свобод, компенсация ущерба, причиненного незаконным решением или ошибкой со стороны тюрьмы.

Однако реальная эффективность судебных средств правовой защиты представляет собой повседневную проблему для лиц, содержащихся под стражей, а также для субъектов, оказывающих им помощь в защите их прав, будь то адвокаты или правозащитные организации, такие как французская секция Международного наблюдения за тюрьмами (OIP-SF) [5. Р. 148].

Судья по исполнению наказаний (JAP) является специализированным судьей, который отвечает за наблюдение за осужденными внутри и вне тюрьмы. Как было отмечено выше, эта должность была введена в 1958 г. в целях индивидуализации наказания.

К полномочиям судьи по исполнению наказаний относятся:

1. В сфере исполнения наказания в виде лишения свободы вынесение следующих решений:

– о сокращении наказания осужденным, которые предприняли серьезные усилия по социальной реабилитации;

– об условном освобождении от отбывания наказания. Для лиц, совершивших преступления впервые, – по истечении срока, равного оставшемуся сроку наказания, а для лиц, совершивших повторные преступления, – когда отбытый срок наказания как минимум в два раза превышает оставшийся срок.

Наконец, судья может предоставить осужденным разрешение на выезд по серьезным семейным обстоятельствам, а также приостановление приговоров.

Следует отметить, что решения JAP подлежат исполнению в соответствии с положениями, если они не обжалованы прокурором в течение 24 часов.

2. В сфере исполнения наказаний без изоляции осужденного от общества:

– судья, ответственный за исполнение приговоров, несет ответственность за мониторинг исполнения приговоров (отсрочка или освобождение с испытательным сроком, общественные работы во Франции, временное отстранение с обязательством выполнения общественных работ, запрет на проживание, социальное обеспечение);

– осуществляет судебный надзор;

– отвечает за наблюдение за осужденными, представленными к условно-досрочному освобождению;

– может осуществлять замену и изменение приговоров.

При исполнении своих обязанностей судьей, ответственному за исполнение приговоров, помогает специальная служба: Служба пенитенциарной интеграции и пробации (сокращенно SPIP). Эта служба также отвечает за проведение расследований до вынесения приговора и помогает осужденным подготовить досье об изменении приговора, которое они представляют мировому судье. Консультанты по вопросам интеграции и пробации поддерживают осужденных в их усилиях по интеграции и следят за тем, чтобы они выполняли свои обязанности.

Большинство его решений выносится единоличным судьей, но решение о назначении наиболее тяжелых наказаний входит в компетенцию суда по исполнению наказаний, состоящего из трех судей.

В процессе тюремного заключения администрация исправительных учреждений ежедневно принимает в отношении заключенных значительное число решений, непосредственно затрагивающих их правовое положение.

Во Франции за последние годы постепенно расширилась сфера действия и степень контроля административного судьи за законностью решений, принимаемых администрацией тюрьмы в отношении заключенных.

Административный судья долгое время оставался в стороне от вопросов, касающихся тюремной среды. Необходимость его участия была обусловлена, с одной стороны, необходимостью защиты основных прав заключенных, а как было отмечено В.А. Уткиным, «большинство пенитенциарных прав осужденных представляют собой базовые потребности, удовлетворение которых определяет необходимые условия чело-

веческого существования» [7. С. 139], с другой – необходимостью контроля за деятельностью государственной службы пенитенциарной администрации, отвечающей за обеспечение безопасности в местах содержания под стражей [8. Р. 3].

Административный судья рассматривает правовое положение заключенных и выносит решения либо о законности решений администрации пенитенциарных учреждений, либо об ответственности государства в случае причинения вреда.

Административный судья инициировал и сопровождает процесс реформы пенитенциарного законодательства Франции. В частности, 24 ноября 2009 г. был принят Пенитенциарный закон, в котором отмечается необходимость баланса между ограничениями, присущими задержанию, и соблюдением прав заключенных и задержанных.

К функции административных судей в соответствии с действующим французским законодательством относится контроль за законностью решений, принятых тюремной администрацией по различным направлениям деятельности.

При этом французские исследователи подчеркивают то обстоятельство, что решения тюремной администрации, относящиеся к компетенции пенитенциарного судьи, долгое время считались «внутренними мерами», не подлежащими обжалованию. Соответственно, администрация могла принимать такие решения, не подвергаясь проверке законности административным судьей, поскольку запросы, направленные против таких мер, систематически объявлялись неприемлемыми.

Все споры, связанные с публичным лицом (государством, регионами, департаментами, муниципалитетами, государственными учреждениями) или частным лицом, занимающимся государственной службой, подпадают (если иное не предусмотрено законом) под юрисдикцию административных судов Франции, а следовательно, в конечном итоге – Государственного совета.

Государственный совет является верховным судьей французских административных судов и обеспечивает единство административной юриспруденции. Государственный совет, как и кассационный суд в судебной системе, обеспечивает единство судебной практики на национальном уровне. Кроме того, по некоторым спорам Государственный совет обладает юрисдикцией в качестве апелляционного судьи или даже судьи первой и последней инстанции.

Решения Государственного совета по спорам являются независимыми и не подлежат обжалованию (за исключением некоторых исключительных средств правовой защиты, таких как пересмотр или исправление ошибки).

Многие факторы способствовали расширению судебного контроля над пенитенциарной администрацией, и в частности влиянию, оказываемому Европейским судом по правам человека и его решениями по осуждению Франции в отношении пенитенциарных учреждений.

Европейская конвенция по защите прав человека и основных свобод, на основе которой осуществляет свою деятельность Европейский Суд по правам человека, как и иные международные стандарты уголовно-исполнительной деятельности «основаны на нормах

международного гуманитарного права, и очевидно их гарантирующее значение применительно к обращению с осужденными в силу того, что они содержат целый ряд юридических гарантий соблюдения общепризнанных прав человека» [9. С. 90].

Как пояснил в 2008 г. вице-президент Государственного совета Франции, административная юстиция должна развиваться в свете принципов европейской юстиции, касающейся условий жизни, статуса и прав заключенных [8].

Влияние «Страсбургской юстиции» заметно при рассмотрении внутренними судами дел, связанных с защитой жизни заключенных (Clicennois, Champetier, 2013), запрещением и предупреждением бесчеловечного и унижающего достоинство обращения (Ferran, 2011; Ferran, Slama, 2013), охраной здоровья (Cér, 2011), правом на уважение семейной жизни (Larralde, 2012), или в отношении требования законности содержания под стражей [5. Р. 149].

В последние годы именно под влиянием решений Европейского Суда по правам человека в этой области Государственный совет признал, что определенные действия тюремной администрации могут быть обжалованы в суд. Так, например, были обжалованы случаи отказа соблюдать тайну переписки между заключенным и его адвокатом, ситуации, когда администрация тюрьмы отказывалась вернуть суммы, заблокированные на счету задержанного, запрет на получение определенных публикаций а также решения, касающиеся количества или интервалов приема пищи для заключенных.

С 2007 г. были расширены направления деятельности судьи. Судебному рассмотрению стали подлежать решения о переводе задержанных из центральной тюрьмы в следственный изолятор, где условия содержания под стражей являются такими же, об отстранении заключенного от работы, которую он выполнял, от помещения задержанного в условия более строгого режима по соображениям безопасности.

После принятия этих решений Государственный совет постановил, что следующие решения также могут быть обжалованы:

- решения, касающиеся полного личного досмотра задержанного во время судебного разбирательства, ранее это касалось только личных обысков, решение о которых было принято в рамках дисциплинарных мер;

- решения об изоляции заключенного, будь то административная изоляция, экстренная изоляция или временная изоляция. Они могут вмешиваться только тогда, когда никакое другое решение не позволяет обеспечить безопасность пенитенциарного учреждения или отдельных;

- решения, в соответствии с которыми заключенный помещается в «специализированный режим», так называемый режим закрытых дверей;

- решения, которыми начальник тюрьмы устанавливает основные условия для организации посещений заключенных, в частности количество посетителей, допущенных одновременно для встречи с заключенным, поскольку это связано с реализацией права на

посещение и напрямую затрагивает права заключенных на частную и семейную жизнь;

- решения о внесении задержанных в специальный список лиц, в отношении которых усиливаются конкретные меры наблюдения, предосторожности и контроля, что может повлиять на их повседневную жизнь (обыски, проверки корреспонденции, проверки), а также условия их содержания (влияние на выбор места содержания, доступ к различным мероприятиям или процедуры сопровождения в случае ухода из учреждения);

- решения о применении к заключенным дисциплинарных санкций, в том числе предупредительных;

- решение об изъятии компьютерного оборудования заключенного, в то время как простой контроль над этим оборудованием является мерой внутреннего порядка;

- решение о содержании задержанного в одиночном заключении;

- решение о назначении и изменении вида исправительного учреждения;

- любые иные виды решений, если они касаются основных прав или свобод задержанного лица.

Самостоятельным направлением деятельности пенитенциарных судей во Франции является контроль нормативных актов.

Административный судья полностью контролирует законность нормативных актов, регулирующих содержание под стражей и лишение свободы. Это касается положений правил внутреннего распорядка пенитенциарных учреждений.

Кроме того, осуществляется контроль за законностью индивидуальных решений. Так, Государственный совет постановил, что решения о помещении задержанного в одиночную камеру могут приниматься только в том случае, если они строго необходимы для обеспечения безопасности тюремного учреждения или отдельных лиц. Применение к задержанному режима повторных полных обысков является законным только при соблюдении одновременно двух условий: с одной стороны, использование таких полных обысков должно быть оправдано, в частности, наличием подозрений, основанных на поведении задержанного, его предыдущих действиях или наличием подозрительных контактов, с другой стороны, они должны происходить в строго регламентированных условиях и с учетом ограничений, налагаемых на заключенных.

Государственный совет признал приемлемым обжалование заключенным превышения должностных полномочий при наложении дисциплинарного взыскания.

Однако французские ученые отмечают ограниченность контроля за соразмерностью дисциплинарных взысканий, вынесенных тюремной администрацией, и проступком, совершенным заключенным.

Административный суд осуществляет контроль за юридической квалификацией фактов, рассматривая вопрос о том, действительно ли деяние заключенного является дисциплинарным проступком, предусмотренным соответствующими положениями УПК Франции, и выносит решение об отмене наказания, если он считает, что это не так [10].

Но административные суды, с другой стороны, осуществляют лишь ограниченный контроль за выбором мер взыскания, так как контролируются только такие действия администрации, которые стали следствием грубой ошибки или нарушения.

Таким образом, администрация обладает существенными полномочиями определять, какое из дисциплинарных наказаний может быть вынесено в отношении заключенных, и допускает лишь слабый контроль со стороны судебных органов: отмене подлежат лишь те санкции, которые кажутся судье явно несоразмерными.

20 мая 2011 г. общественный докладчик Маттиас Гайомар (избран 28 января 2020 г. судьей Европейского суда по правам человека от Франции на девятилетний срок) выступал за отказ от ограниченного контроля, подчеркнув, что особая уязвимость заключенных требует полного контроля, включая выбор наказания, и ссылаясь на требования ЕСПЧ о праве на обжалование [11. Р. 471].

Если контролирующий орган ограничился выяснением того, воспользовалась ли администрация своими дискреционными полномочиями таким образом, чтобы это соответствовало объекту и цели закона, то это не может рассматриваться в качестве эффективного судебного контроля. При вынесении решения о дисциплинарном наказании необходимо оценить соразмерность между виной и наказанием.

Многочисленные споры ученых, законодателей и общественности касались также назначения «дифференцированных режимов», которые разрабатывались во французских тюрьмах с 2002 г., чтобы дать администрации возможность перевести заключенного в более или менее защищенное подразделение одного и того же учреждения в зависимости от его поведения.

В частности, суду необходимо было решить вопрос о том, является ли решение о помещении задержанного в режим «закрытых дверей» мерой внутреннего порядка, не подлежащей обжалованию (позиция, которую отстаивает администрация), или же это решение, которое может подлежать контролю со стороны административного судьи.

Государственный совет принял решение в пользу возможности обжалования, отмечая, что помещение в режим «закрытых дверей» существенно меняет условия содержания заключенных. Подчеркивается, что помещенные туда заключенные «находятся под усиленным надзором».

Таким образом, в условиях сокращения внутренних мер заключенные во Франции могут теперь обращаться к административному судье по вопросам законности большинства решений, принятых в отношении них администрацией пенитенциарных учреждений. Они могут ходатайствовать об их отмене в рамках апелляции за превышение полномочий, а также просить того же судью о срочном приостановлении их исполнения в соответствии со ст. L. 521-1 Кодекса административной юстиции или ст. L.521-2 Кодекса административной

юстиции. Статья L. 521-2 Кодекса административной юстиции Франции позволяет судье в экстренных случаях принимать меры, необходимые для защиты основных прав и свобод. В этом случае судья выносит решение в течение сорока восьми часов.

Использование административного судьи в рассмотрении пенитенциарных дел считается предпочтительным, в том числе с учетом сокращенного судебного разбирательства, предусмотренного Кодексом административной юстиции, что обеспечивает быстрое судебное реагирование для истцов.

Возможность обращения к административному судье по надзору за освобождением была прямо указана в вышеупомянутом Пенитенциарном законе (от 4.11.2009 г.), в частности в отношении решений о помещении в дисциплинарную камеру или в изолятор.

Тем не менее даже сочетание апелляции за превышение полномочий и возможности различных процедур административного обжалования не гарантируют лицам, заключенным в соответствии с внутренним законодательством, эффективного средства правовой защиты по смыслу статьи 13 Европейской конвенции по правам человека. В европейской судебной практике особое внимание уделяется тому факту, что средство правовой защиты должно существовать не только теоретически, но и быть также эффективным на практике, поскольку суд может контролировать практическую эффективность средства правовой защиты в свете внутренней судебной практики государства.

Французские исследователи в этой связи делают вывод о том, что «качество судебного контроля, проводимого Государственным советом Франции, может быть серьезно поставлено под сомнение, а значит, что можно считать, что заключенный все еще ищет своего судью» [5. Р. 149].

Однако они же подчеркивают, что если сравнивать его с судебным контролем, осуществляемым в других европейских странах, то Государственный совет Франции является не самым отсталым.

Таким образом, в сфере пенитенциарного законодательства Франции сформирована такая система судебного контроля, которая объединяет обеспечение гарантий полного уважения прав и свобод, предоставленных заключенным, с учетом ограничений, присущих режиму содержания под стражей, а также необходимости поддержания высокого уровня безопасности в пенитенциарных учреждениях. Имеющиеся сегодня во Франции средства судебной защиты прав заключенных заслуживают внимания, считаем возможным внедрение подобных форм в России. Тем не менее, опыт Франции свидетельствует о том, что только закрепление в законодательстве такой системы не может обеспечить полной эффективности правовой защиты заключенных, существенное значение имеет правомерность и обоснованность практической реализации соответствующих норм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Давыдова И.А. Направления судебного контроля за законностью в уголовно-исполнительной системе, регламентированные кодексом административного судопроизводства Российской Федерации // Уголовно-исполнительная система на совре-

- менном этапе и перспективы ее развития : сб. тез. выступлений и докл. участников Междунар. науч.-практ. конф. : в 6 т. Рязань, 18–19 ноября 2020 года. Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2020. С. 160–164.
2. Малышкин А.В. Специализированные суды в контексте дифференциации и интеграции судебных юрисдикций // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 240–246.
 3. Ансель М. Новая социальная защита. Гуманистическое движение в уголовной политике / пер. с фр. Н.С. Лапшиной ; под ред., вступ. ст. А.А. Пионтковского. М. : Прогресс, 1970. 312 с.
 4. Amor P. La sentence et le role du magistrat dans l'exécution des peines // L'organisation judiciaire et les magistrats. Montreal ; Paris, 1972. P. 220.
 5. Ferran N. La personne détenue encore à la recherche de son juge en France // Déviance et Société. 2014. 4 (Vol. 38). P. 147–148.
 6. Грушин Ф.В., Сиряков А.Н. Регламентация исполнения лишения свободы в Испании // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 451. С. 207–212.
 7. Уткин В.А. Пенитенциарные права осужденных // Вестник Кузбасского института. 2020. № 2 (43). С. 134–142.
 8. Sauvé J.-M. Discours à l'Institut d'études judiciaires de Lille // Le contrôle de l'administration pénitentiaire par le juge administrative. 24 février 2009. URL: <https://www.conseil-etat.fr/actualites/discours-et-interventions/le-controle-de-l-administration-penitentiaire-par-le-juge-administratif> (дата обращения: 30.04.2021).
 9. Уткин В.А. Международные стандарты уголовно-исполнительной деятельности и стереотипы их восприятия // Уголовная юстиция. 2016. № 2 (8). С. 89–96.
 10. Duraffourg S. Le juge administratif, gardien prescripteur du monde carcéral // Sandra Duraffourg. Le Petit Juriste. 2017. URL: <https://www.lepetitjuriste.fr> (дата обращения: 30.04.2021).
 11. Guyomar M. Le juge administratif, juge pénitentiaire in Terres du droit // Mélanges en l'honneur d'Yves Jégouzo. Dalloz, 2009. P. 471–472.

Статья принята к публикации 24.05.2021.

Judicial Remedies for Prisoners in France

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 17, pp. 115–119. DOI: 10.17223/23088451/17/23

Irina A. Davydova, Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation). E-mail: 706197825041977@mail.ru

Keywords: judicial control, enforcement judge, administrative court, judicial protection of prisoners' rights, appeals against decisions of prison administration

The article analyses the judicial protection of the rights of prisoners in France. The role and directions of judges' activities on the execution of sentences in penitentiary facilities and in the application of public sanctions have been determined. The scope and degree of the administrative judge's control over the legality of decisions made by the prison administration with respect to prisoners have been established. Attention is drawn to the activities of the Council of State, which is the supreme judicial body of the French administrative courts. Examples of new fields of administrative courts' activities are given. The Council of State, under the influence of decisions of the European Court of Human Rights, recognizes these fields as subject to appeal in the penitentiary sphere. The problems associated with the real effectiveness of judicial remedies in France are identified.

References

1. Davydova, I.A. (2020) [Directions of judicial control over legality in the penal system, regulated by the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema na sovremennom etape i perspektivy ee razvitiya* [Penal system at the present stage and prospects for its development]. Abstracts of the International Conference Reports. Ryazan. 18–19 November 2020. Ryazan: Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia. pp. 160–164. (In Russian).
2. Malyshev, A.V. (2019) Specialized courts in the context of the differentiation and integration of court jurisdictions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 446. pp. 240–246. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/446/31
3. Ancel, M. (1970) *Novaya sotsial'naya zashchita. Gumanisticheskoe dvizhenie v ugolovnoy politike* [New Social Security. Humanist movement in criminal policy]. Translated from French by N.S. Lapshina. Moscow: Progress.
4. Amor, P. (1972) La sentence et le role du magistrat dans l'exécution des peines. In: Ancel, M. et al. *L'organisation judiciaire et les magistrats*. Montreal; Paris: Armand Colin.
5. Ferran, N. (2014) *La personne détenue encore à la recherche de son juge en France*. *Déviance et Société*. 4 (38). pp. 147–148.
6. Grushin, F.V. & Siryakov, A.N. (2020) Regulation of imprisonment in Spain. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 451. pp. 207–212. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/451/28
7. Utkin, V.A. (2020) Penal rights of convicted persons. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 2 (43). pp. 134–142. (In Russian).
8. Sauvé, J.-M. (2009) *Le contrôle de l'administration pénitentiaire par le juge administrative*. 24 février 2009. [Online] Available from: <https://www.conseil-etat.fr/actualites/discours-et-interventions/le-controle-de-l-administration-penitentiaire-par-le-juge-administratif> (Accessed: 30th April 2021).
9. Utkin, V.A. (2016) International standards of penal activities and stereotypes of their perception. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 2 (8). pp. 89–96. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/8/14
10. Duraffourg, S. (2017) *Le juge administratif, gardien prescripteur du monde carcéral*. [Online] Available from: <https://www.lepetitjuriste.fr> (Accessed: 30th April 2021).
11. Guyomar, M. (2009) Le juge administratif, juge pénitentiaire in Terres du droit. In: Mélanges en l'honneur d'Yves Jégouzo: *Terres du droit*. Dalloz. pp. 471–472.

Received: 24 May 2021.

А.Б. Скаков

**О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ПРОЦЕССА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ
И ПРОБАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН**

Анализируются уголовно-правовая и уголовно-исполнительная политики, реализуемые в Казахстане в области исполнения лишения свободы. В связи с наличием ряда существенных недостатков, обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования правовой регламентации процесса исполнения наказаний, альтернативных лишению свободы, по прогрессивной системе. Предлагается организация единого подхода в формировании уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Ключевые слова: уголовная политика, гуманизация, лишение свободы, наказания, альтернативные лишению свободы, прогрессивная система исполнения лишения свободы, условия содержания, поведение осужденных

В процессе реализации Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 г. (утвержден Указом Президента Республики Казахстан от 24.08.2009 г. № 858) выявлен ряд проблем в области законодательства и правоприменительной деятельности государственных органов, требующих скорейшего своего разрешения. Учитывая данные обстоятельства, Республика Казахстан предприняла шаги по совершенствованию законодательства в сфере системы уголовных наказаний, их исполнения, а также наметила мероприятия по реорганизации уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы. В течение 2014 г. были приняты, а с 1 января 2015 г. вступили в законную силу новые Уголовный, Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы, в которых предусмотрено существенное расширение правового положения осужденных, что соответствует общей направленности деятельности государства в области уголовной политики в сторону ее гуманизации.

При подготовке указанных законов принималась во внимание необходимость дальнейшего совершенствования системы видов уголовных наказаний в целях повышения их эффективности в процессе профилактики преступлений. Кроме того, законодателем решалась прикладная задача сочетания уголовно-исполнительного воздействия с уголовно-правовым воздействием, под которым профессор В.И. Селиверстов понимает «воздействие на осужденного карательных правоограничений, составляющих содержание наказания и, как правило, закрепленных в нормах уголовного законодательства» [1. С. 191–192].

В настоящее время, по прошествии более 5 лет действия Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов, можно наблюдать как положительные, так и отрицательные результаты их реализации.

К числу недостатков, на наш взгляд, следует отнести следующие:

1. Для эффективного исполнения лишения свободы по прогрессивной системе до настоящего времени, к сожалению, не определены и не созданы правовые и материальные условия. Здесь следует отметить, что отсутствует соответствующая современным научным достижениям система критериев оценки поведения

осужденных, что существенно влияет на обоснованное применение тех или иных институтов прогрессивной системы исполнения лишения свободы. Определять степень исправления осужденных только по количеству вынесенных им поощрений, на наш взгляд, не в полной мере отвечает требованиям применения институтов прогрессивной системы (институт изменения условий содержания в пределах одного исправительного учреждения; институт изменения условий содержания путем перевода в исправительное учреждение другого вида; институт замены наказания и институт условно-досрочного освобождения). В правоприменительной практике учреждений и органов уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы наблюдается профанация важнейшего процесса исправления лиц, лишенных свободы, их социальной адаптации и реабилитации, что приводит к ее сбою. Так, например, улучшить свои условия содержания могут приспособленцы и лицемеры, о чем предупреждал профессор А.Е. Наташев.

2. Усложнена процедура применения институтов прогрессивной системы. Как правило, практически все элементы указанной системы (за исключением института изменения условий содержания в пределах одного исправительного учреждения – сноски автора) может назначать только суд. Учитывая загруженность судов, думается, не стоит ждать от них эффективного применения прогрессивной системы.

Кроме того, отсутствие в Уголовно-исполнительном кодексе законодательно утвержденного понятия «прогрессивная система» также препятствует единообразному его толкованию.

3. В уголовно-исполнительном (пенитенциарном) законодательстве наблюдаются коллизии и пробелы в правовой регламентации процесса исполнения наказаний в виде лишения свободы и других ее видов, в частности, применение мер поощрения и взыскания в отношении различных категорий лиц, осужденных к разным ее видам. Так, например, в законодательстве не регламентируется процесс снятия взыскания у лиц, осужденных к общественным и исправительным работам.

4. До настоящего времени не созданы необходимые материальные условия для надлежащего исполнения,

лишения свободы, ареста, исправительных работ и ограничения свободы. В частности, при исправительных учреждениях средней, максимальной и чрезвычайной безопасности (колоний общего, строгого и особого режима соответственно) не созданы льготные условия содержания, которые должны располагаться за их пределами. Только в этих условиях, когда вставшие на путь исправления осужденные полностью выводятся из-под негативного влияния криминальной субкультуры, можно будет говорить о высокой эффективности институтов прогрессивной системы и об успешной социальной адаптации и реабилитации лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства.

Кроме указанных, существует ряд других проблем, выявленных в ходе применения уголовного и уголовно-исполнительного (пенитенциарного) законодательства, которые нами не выделены отдельно в связи требованиями, предъявляемыми к статьям.

Говоря о положительных результатах действия нового уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, следует отметить высокий потенциал институтов прогрессивной системы. Уже сейчас наблюдается значительное снижение численности осужденных к лишению свободы, содержащихся в исправительных учреждениях. По данному критерию Казахстан с 3-го места перешел на 97-е в мире по численности осужденных на единицу населения.

В местах лишения свободы наблюдается оздоровление социальной обстановки среди осужденных, постепенно нейтрализуется негативное влияние криминальных авторитетов на них. Повышается эффективность процесса социальной адаптации и реабилитации лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства. Особенно он активизировался после принятия Закона Республики Казахстан «О пробации», который, так же как и Уголовно-исполнительный кодекс, к сожалению, не лишен недостатков. Так, например, согласно ч. 1 ст. 13 названного Закона «досудебная пробация применяется на добровольной основе в отношении подозреваемых, обвиняемых», что, на наш взгляд, не достаточно обосновано. Вызывает сомнение положение нормы о добровольности применения досудебной пробации, предусматривающей строгий пробационный контроль в отношении испытуемого. Другой значимой проблемой, которая в дальнейшем, несомненно, понизит эффективность досудебной пробации, является отсутствие в перечне субъектов вышеназванного контроля самостоятельного процессуального лица – свидетеля, ведущего асоциальный образ жизни (наркомания, алкоголизм, токсикомания, проституция, бродяжничество и т.д.). По нашему глубокому убеждению, все лица вышеуказанной категории, оказавшиеся в сфере уголовного судопроизводства, должны в обязательном порядке подвергаться пробации. Спорным является положение ч. 5 ст. 13 исследуемого Закона, предусматривающее прекращение досудебной пробации в случае прекращения уголовного дела производством. Думается, не является препятствием для продолжения досудебной пробации прекращение уголовного дела в отношении лица, ведущего антиобщественный образ жизни. Этим

самым мы обеспечим высокий уровень профилактики преступности.

Говоря о приговорной пробации, следует констатировать, что она, по нашему мнению, также не лишена недостатков. Так, согласно ч. 1 ст. 15 исследуемого Закона данному виду пробации подлежат только две категории лиц: осужденный к ограничению свободы и осужденный условно. Почему законодатель не включил в данный перечень лиц, осужденных к другим видам уголовного наказания (штраф, общественные работы, обязательные работы, арест), неясно.

Не все однозначно и в содержании ст. 16 Закона, регламентирующей пенитенциарную пробацию. Так, в ч. 2 указанной статьи говорится о том, что «ресоциализация осужденного осуществляется с момента его прибытия в учреждение уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы в соответствии с требованиями уголовно-исполнительного законодательства Республики Казахстан». В то же время ч. 3 данной статьи содержит положение, согласно которому «в отношении осужденного, отбывающего наказание в виде лишения свободы, которому до отбытия срока наказания остался один год, ресоциализация осуществляется службой пробации совместно с администрацией учреждения уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы в форме оказания социально-правовой помощи». Возникает уместный вопрос: кто осуществляет пенитенциарную пробацию осужденного с момента его прибытия в исправительное учреждение до периода, когда остался один год до отбытия им срока наказания? Из содержания ч. 3 ст. 16 Закона ясно, что это не служба пробации. В то же время пробационная деятельность выходит за пределы функциональных обязанностей администрации исправительного учреждения. В случае возложения исполнения пробации на администрацию возникают вопросы организационного (выезд сотрудников за пределы исправительных учреждений) и административного (расширение штатов) характера.

Исполнение постпенитенциарной пробации также не лишено недостатков. В перечне наказаний, содержащемся в ст. 17 исследуемого Закона, после исполнения которых возможно применение постпенитенциарной пробации, отсутствуют общественные работы, исправительные работы, арест. Неурегулированность данного вопроса может негативно отразиться на пробационном процессе, проводимом с лицами, оказавшимися в сфере уголовного судопроизводства.

Отмечая в целом положительные тенденции в процессе исполнения наказания в виде лишения свободы, следует все же обратить внимание на вышеуказанные недостатки, устранение которых, безусловно, положительно отразится на исправлении осужденных, на их социальной адаптации и реабилитации. Именно желание повысить эффективность институтов прогрессивной системы, а также совершенствовать пробацию осужденных позволяет нам вынести на рассмотрение научного сообщества некоторые рекомендации и предложения.

Как ранее отмечалось, значительная часть элементов прогрессивной системы уже реализована как в ка-

захстанском, так и российском законодательстве и правоприменительной практике. Из традиционно выделяемых форм прогрессивной системы в уголовно-исполнительном законодательстве предусмотрено постепенное изменение условий содержания осужденных как внутри одного исправительного учреждения, так и путем перевода в исправительное учреждение другого вида. В уголовном законодательстве закреплена возможность замены наказания более мягким или более строгим его видом, а также условно-досрочное освобождение осужденных.

В наиболее общем виде прогрессивную систему можно определить как организацию исполнения наказания, при которой в зависимости от поведения осужденного условия отбывания им наказания изменяются в сторону улучшения или ухудшения.

Следует отметить, что в действующих в настоящее время казахстанском и российском уголовно-исполнительных кодексах термин «прогрессивная система» не используется.

Вместе с тем в настоящее время термин «прогрессивная система» гораздо чаще встречается в специальной литературе, нежели в правовых актах. Естественно, разные авторы вкладывают в него различный смысл. Отсутствует и общепринятая ее дефиниция.

В этой связи, в данной статье излагается авторское понимание прогрессивной системы. Как нам представляется, прогрессивную систему можно охарактеризовать как единый институт, состоящий из нескольких самостоятельных норм, включающих нормы различных отраслей права.

Действительно, такие элементы прогрессивной системы, как изменение условий содержания осужденных в пределах одного исправительного учреждения и перевод в исправительное учреждение другого вида, обладают специфическими особенностями, не говоря уже о замене наказания в процессе отбывания и условно-досрочном освобождении, что позволяет рассматривать их как отдельные самостоятельные институты. Согласно теории к признакам правового института относят: наличие совокупности норм, имеющей собственную структуру; своеобразие юридической конструкции данной совокупности норм, ее внешнее обособление и обеспечение самостоятельного регулятивного воздействия на определенный участок общественных отношений; отраслевую чистоту норм [2]. Самостоятельный характер институтов, являющихся структурными элементами прогрессивной системы, казалось бы, должен служить препятствием для объединения их в единую систему, тем более что первые два имеют уголовно-исполнительную природу, а два последних – уголовно-правовую.

Между тем правовые институты могут образовываться не только в рамках одной отрасли. Тесная взаимосвязь уголовного и уголовно-исполнительного (пенитенциарного) права, с помощью которого обеспечивается реализация значительной части предписаний уголовного законодательства и достижение стоящих перед ним задач, позволяет говорить о формировании межотраслевых институтов. В данном случае единые

цель, правовые последствия, основания применения входящих в прогрессивную систему элементов позволяют говорить о ней как о едином институте, имеющем межотраслевой характер.

Другим важным вопросом, который следует рассмотреть, является значение эффективной реализации институтов прогрессивной системы для предупреждения преступности как в условиях изоляции от общества, так и после освобождения от наказания.

Большинство ученых-пенитенциаристов, изучавших значение институтов прогрессивной системы в профилактике правонарушений среди осужденных, отмечают их высокий потенциал в предупреждении преступности. Действительно, широкомасштабное применение структурных элементов прогрессивной системы путем изменения условий содержания в зависимости от поведения осужденных существенно улучшает дисциплинарную практику исполнения лишения свободы. Сделанный нами вывод подтвердился в конце 1980-х гг. всесоюзным экспериментом, проведенном на базе исправительных колоний Чимкентской области Казахской ССР.

Здесь следует отметить, что в Российской Федерации была предпринята попытка замены прогрессивной системы как способа исполнения лишения свободы методом «социального лифта», под которым понимается механизм изменения социального статуса индивида в структуре общества. Однако, в силу того что применение «социального лифта» не было научно обосновано и адаптировано к специфическим условиям деятельности уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы, ее реализация потерпела неудачу. По моему мнению, использование метода «социального лифта» изначально было обречено на неудачу в силу того, что хотя внешне он похож на прогрессивную систему, все же он не обладал всеми необходимыми свойствами и средствами, например, мерами уголовно-правового и уголовно-исполнительного воздействия на лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства, характерными и необходимыми для карательно-воспитательного процесса, проводимого с осужденными.

Таким образом, учитывая изложенное, нами предлагается следующее определение прогрессивной системы: прогрессивная система является комплексным межотраслевым институтом уголовного и уголовно-исполнительного права, включающим несколько самостоятельных институтов, в процессе применения которых правовое положение осужденного меняется в зависимости от степени его исправления в сторону либо расширения, либо ограничения объема его прав.

Другим ключевым моментом уже в применении институтов прогрессивной системы является определение степени исправления осужденного. Надо сказать, что эта проблема является весьма сложной, многоаспектной и сама по себе вполне может стать предметом самостоятельного изучения [3. С. 36–46].

Прежде всего, речь пойдет об изменившемся подходе законодателя к формулировкам, определяющим степень исправления осужденных. Дело в том, и это вполне естественно, что авторы, ориентировавшиеся на ранее действовавшее законодательство, исходили имен-

но из старых формулировок и пытались наполнить их содержанием, например, показать, что означает формулировка «доказал свое исправление», как, собственно, оно доказывается (тем более что в законодательстве было на это прямое указание – примерным поведением и честным отношением к труду).

Так или иначе, можно констатировать, что практически общепризнанной стала следующая классификация осужденных. Положительно характеризовавшиеся подразделялись на вставших на путь исправления, твердо вставших на путь исправления и доказавших свое исправление, отрицательно характеризовавшиеся – на не вставших на путь исправления и злостных нарушителей режима [4. С. 59].

Здесь возникает одно обстоятельство. Как уже говорилось, вышеприведенная наиболее полная классификация осужденных по степени исправления создавалась с учетом норм ранее действовавшего законодательства. Трех классификационных групп (вставшие на путь исправления, твердо вставшие на путь исправления, доказавшие свое исправление) вполне хватало для того, чтобы «соответствовать» определенным институтам прогрессивной системы. Большого, собственно говоря, и не требовалось.

Сейчас, похоже, необходима более «дробная» классификация. Иными словами, теперь требуется разграничивать по степени исправления большее число категорий осужденных.

Попробуем обосновать это утверждение. Раньше речь шла именно о трех возможных правовых последствиях достижения той или иной степени исправления: перевод на улучшенные условия содержания в рамках одного ИУ – для вставших на путь исправления; перевод в ИУ другого вида – для твердо вставших на путь исправления; условно-досрочное освобождение либо замена наказания более мягким (степень исправления для применения этих институтов устанавливалась одинаковая, что, заметим, подвергалось справедливой критике специалистами [5. С. 23]) – для доказавших свое исправление.

Очевидно, следует исходить из того, что определенной степени улучшения правового положения осужденного должна соответствовать конкретная степень исправления. В противном случае возникает неразрешимая коллизия между стимулирующими положительное поведение нормами. В новом законодательстве Казахстана (УИК РК принят 5 июня 2014 г.) предусмотрено уже шесть степеней улучшения правового положения осужденных: 1) перевод на обычные, 2) облегченные; 3) льготные условия отбывания наказания в рамках одного исправительного учреждения; 4) перевод в учреждение иного вида; 5) замена наказания более мягким; 6) условно-досрочное освобождение.

Не исключено, что именно со сложностью выделения такого большого количества степеней исправления и связано отсутствие сколько-нибудь системного подхода законодателя к формулированию оснований применения различных институтов прогрессивной системы. На наш взгляд, в новом законодательстве

этот подход даже менее систематичен, чем в ранее действовавшем.

Приведем, на наш взгляд, довольно яркий пример. Перевод на льготные условия содержания возможен для доказавших свое исправление осужденных; условно-досрочно могут быть освобождены, как уже отмечалось, лица, не нуждающиеся в полном отбывании наказания. Внешне формулировки вроде бы разные, а по сути, на наш взгляд, абсолютно идентичные. В самом деле, если осужденный исправился, то зачем дальше заставлять его отбывать наказание?

Из приведенного примера видно, что законодатель пытается разграничить степени исправления, применяя внешне различные, но по существу одинаковые формулировки. Вот здесь-то и возникает упомянутая нами выше коллизия. Осужденные, достигшие одинаковой по существу степени исправления, могут в равной мере претендовать как на льготные условия отбывания наказания в том исправительном учреждении, в котором они ранее находились, так и на условно-досрочное освобождение. Это вряд ли справедливо, поскольку условно-досрочное освобождение явно более «льготная» мера.

Так или иначе, было бы более целесообразным отразить в законе уже существующую классификацию осужденных по степени исправления. Правда, для этого потребуется, как видно из вышеизложенного, более дробная градация. При этом следует учитывать, что классификация осужденных по степени исправления не самоцель. Она направлена, прежде всего, на решение сугубо практических задач, а именно – определение возможности применения институтов прогрессивной системы. Нецелесообразно определять степень исправления исходя только из умозрительных соображений, а затем ждать, пока законодатель прислушается к этим соображениям. Недопустимо также ставить «классификационные группы в зависимость от объема изменения условий отбывания наказания. Было бы более правильным вначале определить эти группы исходя из основного критерия их формирования – степени исправления, а затем уже устанавливать необходимые для каждой группы условия отбывания наказания» [6. С. 37].

Именно вышеуказанные обстоятельства, на наш взгляд, побудили законодателя прибегнуть к цифровому обозначению степеней положительно характеризующихся осужденных. Однако законодателем были определены только три положительные степени поведения осужденных, соответствующих условиям содержания в пределах одного учреждения (обычные условия, облегченные условия и льготные условия). Другие институты прогрессивной системы, применение которых возможно при достижении определенной положительной степени поведения осужденных, не нашли своего воплощения в новом законодательстве Казахстана.

Такое деление может дать практическую пользу в том случае, если данная классификация будет закреплена в инструкции по воспитательной работе, а степень исправления будет отражаться в характеристиках осужденных. Разумеется, характеристики осужденным даются периодически либо по мере необходимости

(например, в случае представления к условно-досрочному освобождению, помилованию и т.п.). Поэтому в них можно будет в случае нужды вносить необходимые коррективы. Но несомненно, что они окажут помощь во многих случаях оценки степени исправления осужденных.

Следует отметить, что для реализации данного предложения необходимо попытаться связать классификационные группы с уже действующим законодательством. Более того, такой шаг просто необходимо попытаться сделать, поскольку без него сильно затрудняется применение уже действующих институтов прогрессивной системы. Так, в настоящее время у органов правосудия возникают сложности в оценке поведения осужденных при условно-досрочном освобождении. У судей возникает обоснованный, на наш взгляд, вопрос: как оценивать поведение осужденного, не имеющего в течение длительного времени как взысканий, так и поощрений? Этот вопрос связан с установлением законодателем правила о возможности применения институтов прогрессивной системы только при наличии определенного количества поощрений. На наш взгляд, отсутствие в течение длительного времени взысканий у осужденного следует рассматривать его поведение как положительное. Именно данного результата государство стремится достигнуть при реализации уголовно-исполнительной политики. Здесь уместно указать позицию профессора В.А. Уткина, который отмечал, что «исправление как цель наказания предполагает два взаимосвязанных аспекта: а) формирование у осужденного субъективной готовности сознательного добровольного соблюдения норм уголовного закона; б) формирование в его личности объективных качеств, свойств, способствующих ответственному законопослушному (уголовно-законопослушному) поведению» [7. С. 41].

Авторы, не связывающие определение степени исправления положительно характеризующихся осужденных с реализацией входящих в прогрессивную систему элементов, ограничиваются меньшим числом классификационных групп, следуя закрепленным в законе предпосылкам. В частности, предлагается в основу деления осужденных положить такой традиционный критерий, как степень отражения позитивных сдвигов в направленности их личности, и различать следующие группы: «осужденные, становящиеся на путь исправления», «положительно характеризующиеся осужденные» и «не нуждающиеся для своего исправления в полном отбывании назначенного судом наказания» [4. С. 16–17]. Полагаем, воспроизведение содержащихся в Уголовно-исполнительном кодексе формулировок не способно внести ясность в систему градации осужденных, связать ее с существующими стимулирующими мерами и обеспечить индивидуализированный подход к каждому осужденному. Поэтому сформулированный нами вариант деления осужденных на группы представляется более предпочтительным.

Разумеется, мы отдаем себе отчет в том, что при предложенной нами более подробной классификации

возникают дополнительные сложности в плане определения критериев отнесения осужденных к той или иной группе. Попросту говоря, задача состоит в том, как определить, если так можно выразиться, степень «интенсивности» положительного поведения. Нетрудно заметить, что как в ранее действовавшем, так и в ныне действующем законодательствах, какие-либо объективные критерии при формулировании оснований применения институтов прогрессивной системы не используются. Исключение, пожалуй, составляет лишь одно из условий перевода на облегченные условия содержания в пределах одного исправительного учреждения. В этом случае говорится об отсутствии взыскания за нарушение установленного порядка отбывания наказания. Такую формулировку можно, на наш взгляд, признать достаточно удачной. Здесь, по крайней мере, есть какая-то ясность. Было нарушение и, соответственно, взыскание за него – перевод невозможен, и наоборот. Наличие же взыскания – показатель объективно зафиксированный. Это препятствует в определенной мере произвольной оценке поведения осужденного. Но, повторим, это единственное исключение из общего правила. В целом же при определении степени исправления приходится по-прежнему руководствоваться оценочными понятиями.

Так или иначе, определение критериев степени исправления осужденных – задача весьма непростая. Впрочем, она всегда была непростой. В литературе даже высказывалось предположение, что в перспективе она будет решаться с помощью более точных, возможно, математических методов [8. С. 87–88]. Но математические методы слишком формальны. Кроме того, на наш взгляд, пока далеко не полностью используются даже привычные юридические критерии. Так, не в полной мере учитывается отношение осужденного к применяемым к нему мерам воздействия (в первую очередь, отношение к труду). В этой связи профессор А.Я. Гришко говорит: «При переводе осужденного на льготные условия отбывания наказания, при условно-досрочном освобождении от дальнейшего отбывания наказания... учитывать решение вопроса трудоустройства, личное участие осужденного в этом решении, его отношение к труду» [9. С. 64].

Кроме того, в качестве примера можно привести закрепление в законодательстве понятий «злостный нарушитель установленного порядка отбывания наказания», «лицо, систематически нарушающее установленный порядок отбывания наказания» и «нарушитель установленного порядка отбывания наказания». В данном случае законодатель предпринял попытку выделить объективные критерии степени исправления.

Возникает вопрос: почему бы не попытаться применить подобный подход и к определению степени исправления положительно характеризующихся осужденных? На наш взгляд, было бы вполне разумно соотносить ту или иную степень исправления с соответствующим «набором» поощрений. Вероятно, здесь не должно, а возможно, и не может быть, столь жесткой формализации, как при признании злостным наруши-

телем режима. Однако сама по себе постановка вопроса представляется вполне правомерной.

Учитывая положительный опыт применения институтов прогрессивной системы при исполнении лишения свободы, следует, на наш взгляд, всесторонне изучить вопрос исполнения наказаний, альтернативных ей, по данному процессу. В частности, при исполнении штрафа должны быть созданы три условия содержания для осужденного к данному наказанию: строгие условия содержания, обычные условия содержания и облегченные условия содержания. При вступлении приговора в законную силу осужденный помещается в обычные условия содержания, а именно: проживает дома без права покидать административную территорию пробационного контроля без санкции службы пробации с запрещением посещать питейные и увеселительные заведения и т.д. Осужденный может выходить из дома, но не далее 1 км, если в городе и не далее 500 м, если в сельской местности. При положительном поведении осужденный переводится в облегченные условия содержания, что предполагает автоматическое снятие всех ограничений. Перевод осужденного в названные условия предполагает также наступление у последнего права на досрочное снятия пробационного контроля, но не ранее 3 месяцев нахождения на данном этапе. В случае нарушения условий пробационного контроля осужденный оказывается в строгих условиях содержания, предусматривающих запрет свободного передвижения, за исключением посещения рабочего места и учебного заведения. В обычных условиях осужденный содержится 6 месяцев. В случае положительного поведения он может быть переведен на облегченные условия содержания, но не ранее 3 месяцев с начала отбывания наказания в обычных условиях. Перемещение осужденных из одних условий в другие не должно быть скачкообразным. Вопрос о переводе решает наблюдательная комиссия, созданная при службе пробации. Срок пробационного контроля – 1 год, который может быть продлен еще на 1 год при злостном невыполнении требований службы пробации.

Думается, при исполнении штрафа по прогрессивной системе будет решена главная ее проблема, на которую указывает В.А. Уткин, – относительно низкая исполнительность [10. С. 21].

Здесь уместно отметить мнение автора о том, что как исполнение всех видов уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера, так и правовая регламентация процесса социальной адаптации и реабилитации лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства, должны входить в предмет уголовно-исполнительного (пенитенциарного) права. Иными словами исполнение наказаний и иных мер уголовно-правового характера и процесс пробации должны регулироваться уголовно-исполнительным законодательством. С данной позицией согласны не все ученые [11. С. 28–29]. Так, В.А. Уткин считает, что «общественные отношения, связанные с постпенитенциарной адаптацией (ресоциализацией) освобожденных

от наказания, не являются уголовно-исполнительными и представляют собой предмет формирующегося в России социального законодательства» [12. С. 12].

Возвращаясь к исполнению уголовных наказаний по прогрессивной системе, следует отметить, что применение ее правовых институтов возможно и для других наказаний, альтернативных лишению свободы.

Резюмируя все изложенное, нам хотелось бы в заключение сделать краткие выводы.

1. Представляется, что правильно было бы сформулировать следующее определение прогрессивной системы: прогрессивная система является комплексным межотраслевым институтом уголовного и уголовно-исполнительного права, включающим несколько самостоятельных институтов, в процессе применения которых правовое положение осужденного меняется в зависимости от степени его исправления в сторону, либо расширения, либо ограничения объема его прав.

2. Другой важный вывод состоит в том, что в действующем законодательстве с установлением общего правила о различных условиях отбывания наказания в пределах одного исправительного учреждения прогрессивная система приобрела вполне законченный вид и может считаться основой всего карательно-воспитательного воздействия на осужденных.

3. В настоящее время существует настоятельная потребность в более дробной классификации положительно характеризующихся осужденных. При этом каждой положительной степени поведения осужденных должны соответствовать определенные условия содержания и институт прогрессивной системы, а именно: при достижении первой положительной степени осужденный содержится в обычных условиях исправительного учреждения (институт изменения условий содержания в пределах одного исправительного учреждения); при второй положительной степени – переводится на облегченные условия содержания; при третьей положительной степени – переводится на льготные условия содержания; при достижении четвертой положительной степени – переводится в учреждение другого вида; при пятой положительной степени применяется институт замены наказания; при шестой положительной степени возможно условно-досрочное освобождение осужденного.

4. Необходимо суд освободить от функции изменения процесса исполнения наказания, возложив ее на наблюдательные комиссии, созданные при исправительном учреждении. Суд будет только назначать вид наказания, а исполнение ее решения должно быть возложено на Комитет уголовно-исполнительной системы (ФСИН России) и наблюдательную комиссию. В этом случае комиссия коллегиально решает вопрос о применении всех институтов прогрессивной системы, вплоть до института условно-досрочного освобождения.

5. Назначение и исполнение пробации также решается наблюдательной комиссией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Селиверстов В.И. Проблемы дифференциации уголовно-правового воздействия на осужденных, отбывающих лишение свободы // Отбывание лишения свободы осужденными за экономические и (или) должностные преступления: итоги теоретического исследования. М. : Юриспруденция, 2019. 464 с.
2. Ванесов Г.А. Прогрессивная система отбывания лишения свободы / под ред. Н.А. Стручкова. М., 1970. 87 с.
3. Астемиров З.А. О сущности и критериях исправления осужденных // Вопросы исправления и перевоспитания заключенных. Ростов н/Д, 1966. С. 20–26.
4. Ткачевский Ю.М. Освобождение от отбывания наказаний по действующему советскому уголовному праву : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1965. 36 с.
5. Чукмаитов Д.С. Теоретические основы системы исполнения наказаний по законодательству Республики Казахстан. Алматы : Баспа, 1999. 342 с.
6. Михлин А.С. Дискуссионные вопросы замены неотбытой части наказания более мягким // Проблемы освобождения осужденных от отбывания наказания : сб. науч. тр. № 67 / под ред. Н.А. Стручкова. М., 1983. С. 30–35.
7. Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний : курс лекций. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. 240 с.
8. Бажанов О.И. Прогрессивная система исполнения наказания. Минск : Наука и техника, 1981. 167 с.
9. Гришко А.Я., Оводкова Л.С. Деятельность прокуратуры и Уполномоченного по правам человека по обеспечению прав и законных интересов лиц в местах принудительного содержания. Рязань : Академия ФСИН России, 2015. 132 с.
10. Уткин В.А. Альтернативные санкции в России: состояние, проблемы и перспективы. М. : Penal Reform International, 2013. 67 с.
11. Российское уголовно-исполнительное право : в 2 т. Т. 1: Общая часть : учебник / Ю.А. Кашуба, В.Б. Малинин, В.Н. Орлов и др. ; под ред. В.Е. Эминова, В.Н. Орлова. М. : МПЮА имени О.Е. Кутафина, 2010. С. 28–29.
12. Уткин В.А. Курс лекций по уголовно-исполнительному праву. Общая часть. Томск, 1995. 62 с.

Статья принята к публикации 24.05.2021.

On the Prospects for the Development of the Execution of Criminal Sentences and Probation in the Republic of Kazakhstan

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 17, pp. 127–134. DOI: 10.17223/23088451/17/24

Aydarkan B. Skakov, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: aidarkan@mail.ru

Keywords: criminal policy, humanization, deprivation of liberty, punishments alternative to imprisonment, progressive system of execution of imprisonment, confinement conditions, behavior of convicts

The progressive system is a complex interdisciplinary institution of criminal and penal law, which includes several independent institutions. In applying them, the legal status of the convict changes depending on the degree of their correction: the scope of their rights is either expanded or limited. In the current legislation, with the establishment of a general rule on various conditions for serving a sentence within one correctional facility, the progressive system has acquired a complete form and can be considered the basis of all punitive and educational influence on convicts. Currently, there is an urgent need for a more detailed classification of positively characterised convicts. Each positive degree of convicts' behaviour must correspond to certain confinement conditions and to a certain institution of the progressive system, namely: upon reaching Positive Degree 1, the convict is kept in the usual conditions of a correctional facility (an institution for changing confinement conditions within one correctional facility); upon reaching Positive Degree 2, the convict is given light confinement conditions; upon reaching Positive Degree 3, the convict is given preferential confinement conditions; upon reaching Positive Degree 4, the convict is transferred to a facility of a different type; upon reaching Positive Degree 5, the institution of change of punishment is applied; upon reaching Positive Degree 6, parole of the convicted person is possible. It is necessary to release the court from the function of changing the process of executing the sentence and give this function to the supervisory commissions created at the correctional facility. The court will only appoint the type of punishment, and the execution of its decision should be entrusted to the Committee of the Penitentiary System and the Supervisory Commission. In this case, the commission collectively decides on the application of all the institutions of the progressive system, up to the institution of parole. The appointment and execution of probation is also decided on by the supervisory commission.

References

1. Seliverstov, V.I. (2019) Problemy differentsiatsii ugolovno-pravovogo vozdeystviya na osuzhdennykh, otbyvayushchikh lishenie svobody [Problems of differentiation of criminal law impact on convicts serving imprisonment]. In: Seliverstov, V.I. et al. *Otbyvanie lisheniya svobody osuzhdennymi za ekonomicheskie i (ili) dolzhnostnye prestupleniya: itogi teoreticheskogo issledovaniya* [Serving imprisonment by convicts for economic crimes and (or) malfeasance: results of a theoretical study]. Moscow: ID "Yurisprudentsiya".
2. Vanesov, G.A. (1970) *Progressivnaya sistema otbyvaniya lisheniya svobody* [Progressive system of serving imprisonment]. Moscow: VNII MOOP SSSR.
3. Astemirov, Z.A. (1966) O sushchnosti i kriteriyakh ispravleniya osuzhdennykh [On the essence and criteria for the correction of convicts]. In: *Voprosy ispravleniya i perevosпитaniya zaklyuchennykh* [Issues of correction and re-education of prisoners]. Rostov-on-Don. pp. 20–26.
4. Tkachevskiy, Yu.M. (1965) *Osvobozhdenie ot otbyvaniya nakazaniy po deystvuyushchemu sovetскому уголовному праву* [Exemption from serving sentences under the current Soviet criminal law]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
5. Chukmaitov, D.S. (1999) *Teoreticheskie osnovy sistemy ispolneniya nakazaniy po zakonodatel'stvu Respubliki Kazakhstan* [Theoretical foundations of the penal system under the legislation of the Republic of Kazakhstan]. Almaty: Baspa.

6. Mikhlin, A.S. (1983) Diskussionnye voprosy zameny neotbytoy chasti nakazaniya bolee myagkim [Discussion questions of replacing the unserved part of the punishment with a softer one]. In: Struchkov, N.A. (ed.) *Problemy osvobozhdeniya osuzhdennykh ot otbyvaniya nakazaniya* [Problems of releasing convicts from serving their sentences]. Vol. 67. Moscow: Academy of the USSR Ministry of Internal Affairs. pp. 30–35.
7. Utkin, V.A. (2018) *Problemy teorii ugovolnykh nakazaniy: kurs lektsiy* [Problems of the theory of criminal punishments: a course of lectures]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Bazhanov, O.I. (1981) *Progressivnaya sistema ispolneniya nakazaniya* [Progressive system of punishment execution]. Minsk: Nauka i tekhnika.
9. Grishko, A.Ya. & Ovodkova, L.S. (2015) *Deyatel'nost' prokuratury i Upolnomochennogo po pravam cheloveka po obespecheniyu prav i zakonnykh interesov lits v mestakh prinuditel'nogo soderzhaniya* [Activities of the Prosecutor's Office and the Human Rights Ombudsman to ensure the rights and legitimate interests of persons in detention facilities]. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.
10. Utkin, V.A. (2013) *Alternativnye sanktsii v Rossii: sostoyanie, problemy i perspektivy* [Alternative sanctions in Russia: state, problems and prospects]. Moscow: Penal Reform International.
11. Eminov, V.E. & Orlov, V.N. (eds) (2010) *Rossiyskoe ugovolno-ispolnitel'noe pravo. V 2-kh t.* [Russian penal law. In 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Kutafin Moscow State Law Academy. pp. 28–29.
12. Utkin, V.A. (1995) *Kurs lektsiy po ugovolno-ispolnitel'nomu pravu. Obshchaya chast'* [A course of lectures on penal law. General part]. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 24 May 2021.

УДК 343.122

DOI: 10.17223/23088451/17/25

И.Г. Смирнова, Е.В. Алексеева

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ПОТЕРПЕВШЕГО В ХОДЕ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УПК РФ И УПК КНР

Анализируются такие особенности правового регулирования уголовного судопроизводства на стадии возбуждения уголовного дела по УПК РФ и УПК КНР, как обязательность соблюдения правил подследственности в Китае на этапе подачи заявления о преступлении; обязательное дактилоскопирование лица при подаче заявления о преступлении в орган общественной безопасности, реализуемое в Китае; существование нескольких видов предварительных проверок (перечень мероприятий, осуществляемых в рамках данных проверок в Китае, является открытым); интенсивное развитие IT-технологий и внедрение их в жизнь общества.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, права потерпевшего, проверка сообщения о преступлении, сравнительно-правовой анализ

Не вызывает сомнения тот факт, что обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства должно осуществляться в течение всего производства по уголовному делу. Выполнение этой задачи на первоначальном этапе уголовного процесса, как правило, зависит от строгого соблюдения уполномоченными органами и должностными лицами требований закона, регламентирующих порядок приема, регистрации, проверки и разрешения поступающих сообщений о преступлениях.

Как в РФ, так и в КНР рассмотрение сообщения о преступлении и его разрешение осуществляются в рамках стадии возбуждения уголовного дела. Отечественный законодатель определил основные положения данной стадии в разделе VII УПК РФ, китайский законодатель посвятил стадии возбуждения уголовного дела раздел 2 «Возбуждение уголовного дела, предварительное следствие и предъявление обвинения» главы I «Возбуждение уголовного дела» УПК КНР.

Согласно ст. 144 УПК РФ рассмотрение сообщения о преступлении представляет собой принятие, регистрацию и обязательную проверку сообщения о любом преступлении. После выполнения указанных действий в рамках разрешения сообщения о преступлении выносятся какое-либо решение, предусмотренное ст. 145 УПК РФ.

Отечественное понимание элементов стадии возбуждения уголовного дела аналогично китайскому. Стадия возбуждения уголовного дела в Китае включает:

1. Принятие органами общественной безопасности, народной прокуратурой и народным судом заявлений, жалоб, сообщений о преступлении, явок с повинной и их регистрацию.

2. Проверку принятой информации.

3. Решение вопроса о возбуждении уголовного дела или отказе в возбуждении уголовного дела.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 140 УПК РФ заявление о преступлении является законным поводом для возбуждения уголовного дела. Подобного рода заявления исходят от физических и юридических лиц, пострадавших от преступлений. Так же как в России, в Китае преду-

смотрен такой повод для возбуждения уголовного дела, как заявление. В Большом китайско-русском словаре под заявлением (报案 bà'ǎn) понимается сообщение властям, органам общественной безопасности, народной прокуратуре или народному суду.

Согласно ст. 85 УПК КНР заявление может подаваться как в письменном, так и в устном виде. Письменный документ после прочтения заявителю и признания им безошибочной записи сказанного должен быть этим лицом заверен. Необходимо отметить, что УПК КНР предусматривает возможность заверения процессуальных протоколов заявителями не только с помощью подписи, но и с использованием фамильной печати.

В рамках приема заявлений о преступлении в России и Китае имеется отличие, заключающееся в том, что в России прием заявлений осуществляется всеми органами дознания и предварительного следствия, независимо от того, к какому органу следствия может быть отнесено уголовное дело. В Китае обратная ситуация, когда соблюдение подследственности на начальном этапе является важнейшим процессуальным требованием, позволяющим на самом начальном этапе процессуальной деятельности обеспечить учет специализации соответствующего органа предварительного расследования [1. С. 89].

В КНР к государственным органам и должностным лицам, принимающим уголовно-процессуальные решения на стадии возбуждения уголовного дела, относятся:

1. Органы общественной безопасности (公安 gōng'ān).
2. Верховная народная прокуратура (人民檢察院 rénmin jǐǎnchá yuàn).
3. Народный суд (人民法院 rénmin fǎyuàn).

Данные органы осуществляют прием, проверку сообщений о преступлении, принимают решения о возбуждении уголовного дела и (или) отказе от такового.

Не вызывает сомнений тот факт, что возможность дистанционного обращения с заявлением о преступлении – это удобство и экономия времени. В конце августа 2019 г. на сайте ЕСИА «Госуслуги» появился прототип «Суперсервиса», непосредственно связанного с обращением граждан в соответствующие государ-

ственные органы за защитой своих прав, – это «Правосудие онлайн» и «Подача заявлений в правоохранительные органы». На сегодняшний день указанный тип электронных услуг используется недостаточно активно, поскольку граждане не в полной мере осведомлены о возможном использовании этих сервисов. Более того, многие не пользуются предоставленной возможностью ввиду недостатка знаний в сфере современных информационных технологий.

На сегодняшний день в России внедряются следующие дистанционные системы подачи заявлений в правоохранительные органы: портал Государственных услуг [2], официальные сайты министерств и ведомств [3], мобильное приложение МВД России для смартфонов и планшетов, работающих на оперативных системах Android и iOS [4].

В этой связи примечателен опыт Китая, где в момент подачи заявления о совершении преступления сотрудник органа общественной безопасности при желании потерпевшего регистрирует последнего на онлайн-платформе (服务网络 fúwùwǎngluò), предоставляя идентификационный номер (识别号 shíbié hào). Используя данный номер, заявитель получает возможность самостоятельно отслеживать ход проведения проверки и принятых решений в режиме онлайн на платформе на сайте отдела безопасности. Данный способ подачи не исключает дистанционной возможности, когда заявитель сам регистрируется на онлайн-платформе и в последующем имеет возможность отслеживать ход дела, не выходя из дома. Указанная система внедрена во многих провинциях Китая, в частности из отчета Управления общественной безопасности города Цзюцзян провинции Цзянси за 2019 г. установлено, что онлайн-платформой в 2018 г. воспользовались 83 398 жителей провинции, а в 2019 г. этот показатель увеличился практически в 5 раз, и на конец года он составил 352 771 обращение [5].

Отметим, что в Китае медиакommunikационные технологии также применяются в целях реализации ряда правоприменительных функций органами общественной безопасности и народной прокуратурой [1. С. 65]. Так, в Разъяснении Министерства общественной безопасности КНР «Об изменении совершенствования процедуры возбуждения уголовного дела» подчеркивается необходимость использования должностными лицами интернет-платформы Wechat в рамках проведения разъяснительной работы с гражданами и превентивных мероприятий. С 1 января 2018 г. Верховная народная прокуратура запустила мобильную платформу для прокуроров для обработки и обмена несекретной информацией. Она представляет собой совокупность мобильных приложений для обработки документов, проведения опросов, направления руководителям подготовленных документов, рапортов и проведения видеоконференц-связи с коллегами.

Необходимо отметить, что в настоящее время Китай успешно реализует государственный план «Сделано в Китае 2025» (Made in China 2025) [6], в рамках которого государство должно стать мировым лидером в сфере развития и применения искусственного интеллекта.

Свои разработки в области искусственного интеллекта Китай успешно применяет в различных сферах жизни общества. В частности, в городе Фучжоу провинции Фуцзянь впервые открылся полицейский участок без персонала [7]. Это первый в Китае автоматизированный участок, работающий 24 часа в сутки и управляемый искусственным интеллектом. Офис на базе искусственного интеллекта сосредоточен на вопросах, связанных с транспортом. В нем установлена технология распознавания лиц, искусственного интеллекта и другие высокотехнологичные элементы.

В 2019 г. китайская компания LL Vision разработала смарт-очки для полицейских [8]. Очки оборудованы камерой и связаны с базой данных правоохранительных органов. Для того чтобы проверить заинтересовавшую личность, полицейскому следует отойти не больше 5 метров и с ракурса, при котором видно не меньше 70% лица, система автоматически начнет искать совпадения в базе данных, сам поиск составляет 2–3 минуты. Если совпадение найдено, система сообщит имя и домашний адрес человека.

На сегодняшний день Китай является признанным лидером по распространению систем распознавания лиц. Число камер распознавания лиц, используемых в Китае, выросло с 176 млн в 2017 г. до 626 млн в 2020 г. [9].

Несомненно, внедряемая система помогает в борьбе с преступностью. Вместе с тем некоторые правозащитники высказывают опасения по поводу того, что низкий уровень контроля внедрения данной технологии без достаточной обязательной защиты людей и их данных может привести к консолидации ценных биометрических данных в руках частных лиц, непрозрачному и дискриминационному обращению с личной информацией [10]. В этой связи очень важно проанализировать все возможные сценарии вмешательства высоких технологий в развитие общества, чтобы использовать их во благо, а не во вред.

Возвращаясь к сравнительному анализу этапа подачи заявления о преступлении в России и Китае, необходимо отметить, что, помимо прочего, в Китае существует еще одна особенность, заключающаяся в том, что согласно ст. 166–167 Приказа министерства общественной безопасности № 127 при приеме сообщения о преступлении обязательному дактилоскопированию подлежат следующие лица: заявитель, информатор, лицо, явившееся с повинной. Такое решение китайский законодатель обосновывает тем, что изъятие следов пальцев рук способствует созданию единой базы данных для сотрудников уголовного розыска, а также обеспечивает защиту от фальсификации доказательств. Процедура обязательного дактилоскопирования (自动指纹识别系统 zìdòng zhǐwén shíbié shíbié xitǒng) достаточно неоднозначна, поскольку многие специалисты считают, что принудительное дактилоскопирование является нарушением конституционных прав заявителей и потерпевших [11].

Отечественный уголовно-процессуальный закон предусматривает возможность осуществления производства по уголовным делам в порядке публичного, частного публичного и частного обвинения. По делам частного

обвинения и частно-публичного обвинения жалоба (заявление) пострадавшего (или законного представителя – для дел частного обвинения) является единственным поводом для возбуждения уголовного дела (за исключением случаев, указанных в п. 4 ст. 20 УПК РФ).

В отличие от публичного и частно-публичного обвинения заявление по делу частного обвинения подается мировому судье, в соответствии с правилами территориальной подсудности с копиями по числу лиц, в отношении которых возбуждается уголовное дело. Заявление должно соответствовать требованиям, установленным ч. 5 ст. 318 УПК РФ. Установив, что заявление по форме и содержанию соответствует требованиям, мировой судья принимает заявление к своему производству, и потерпевший приобретает статус частного обвинителя (ч. 7 ст. 318 УПК РФ).

Так же как и в России, в Китае потерпевший может получить статус частного обвинителя. Для этого ему необходимо выдвинуть частное обвинение, обратившись в Народный суд (ст. 88 УПК КНР). УПК КНР не устанавливает требования по оформлению данного обвинения.

Отечественный уголовно-процессуальный закон не предусматривает порядка и оснований отказа в принятии заявления о преступлении. В соответствии с ч. 5 ст. 144 УПК РФ отказ в приеме сообщения о преступлении может быть обжалован прокурору или в суд в порядке, установленном в ст. 124 и 125 УПК РФ.

В КНР Китая не предусмотрен отказ в приеме сообщения о преступлении. Речь идет об итоговом процессуальном документе, о результатах проверки сообщения о преступлении.

Как в России, так и в Китае вторым этапом стадии возбуждения уголовного дела является проверка сообщения о преступлении.

В юридической литературе этап проверки сообщения о преступлении включает два элемента: первый – мыслительная деятельность, представляющая собой изучение и анализ самого сообщения о преступлении, второй – получение дополнительных материалов, подтверждающих или опровергающих сообщение о преступлении [12. С. 40].

Согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе: получать объяснения; получать образцы для сравнительного исследования; истребовать и изымать документы и предметы; назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок; производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование; требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов; привлекать к участию в этих действиях специалистов; давать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Чаще всего на этапе проверки сообщения о преступлении заявитель является единственным располагающим информацией о данном преступлении, поэто-

му вполне понятно, что он также является главным участником основных проверочных мероприятий.

В КНР существует несколько видов проверки сообщения о преступлении: предварительная проверка (检查 jiǎnchá) и проверка (审查 shěenchá). Целью «первой» проверки является определение наличия или отсутствия в деянии признаков преступления. В рамках «второй» проверки проводятся следующие процессуальные действия: допрос (询问 xúnwèn), экспертиза (鉴定 jiànding), освидетельствование (勘验 kànyàn) запрос и наведение справок (查询 cháxún), истребование доказательственных материалов (取证材料 qǔ zhèngjù cáiliào). Отметим, в Китае данный перечень мероприятий является открытым.

В 2015 г. Министерством общественной безопасности был закреплен срок проведения проверки сообщения о преступлении, данный срок составляет 3 суток с возможностью продления до 7 суток, а в исключительных случаях – до 30 суток [13].

В России согласно ст. 144, 145 УПК РФ общий срок проверки составляет 3 суток, однако данный срок может быть продлен до 10 дней, а в отдельных случаях, включая документальные проверки – 30 дней.

Гражданин, вовлеченный в уголовное судопроизводство, должен знать, что уголовное судопроизводство осуществляется в разумный срок.

В РФ в результате проверки сообщения о преступлении может быть вынесено следующее решение:

1. О возбуждении уголовного дела.
2. Об отказе в возбуждении уголовного дела.
3. О передаче сообщения по подследственности, а по уголовным делам частного обвинения – в суд (ч. 1 ст. 145).

В соответствии с ч. 2 ст. 145 УПК РФ о принятом решении сообщается заявителю. При этом заявителю разъясняются его право обжаловать данное решение и порядок обжалования. Копия вынесенного постановления в течение 24 часов с момента вынесения направляется прокурору.

Отечественный законодатель установил, что при отказе в возбуждении уголовного дела лицо, обратившееся с заявлением, получает на руки копию соответствующего постановления (ч. 4 ст. 148 УПК РФ). Однако, как сообщает председатель фонда поддержки пострадавших от преступлений Ольга Костина, «все чаще заявители о преступлениях не получают от правоохранительных органов уведомлений об отказе в возбуждении уголовных дел, хотя согласно УПК РФ такие уведомления должны направляться не позже 24 ч с момента принятия процессуального решения. Известно немало случаев, когда заявители заверяют, что идет проверка по его “делу”, но “дела” уже нет. Порой он узнает об этом спустя полгода, а то и больше» [14. С. 14]. Исследуя данную проблему, мы обратились к статистическим данным. В период января–ноября 2019 г. прокурорами в рамках надзора за исполнением законов на досудебных стадиях уголовного судопроизводства было выявлено 4 646 267 нарушений закона, отменено 1 858 914 постановлений об отказе в возбуждении уго-

ловного дела [15]. Во-первых, данные показатели свидетельствуют об огромном количестве допускаемых нарушений, во-вторых, о наличии проблем в сфере правоприменительной практики, а также о необходимости контроля персональной ответственности должностных лиц.

В соответствии с ч. 5 ст. 148 УПК РФ отказ в возбуждении уголовного дела может быть обжалован прокурору, руководителю следственного органа или в суд. Вместе с тем сроков для обжалования постановления об отказе в возбуждении уголовного дела законом не предусмотрено.

Согласно ст. 86 УПК КНР в результате проверки сообщения о преступлении может быть вынесено следующее решение:

- 1) о возбуждении уголовного дела;
- 2) отказ ввиду отсутствия события преступления;
- 3) отказ ввиду малозначительности деяния.

Процедура отказа в возбуждении уголовного дела в Китае представляет собой процессуальное действие по вынесению постановления, которое утверждается ответственным лицом органа общественной безопасности уровня провинции. Данное мероприятие именуется 不予立案 (bùyǔlì'án) (ст. 184 Приказа Министерства общественной безопасности КНР № 127).

В КНР вышеуказанные основания отказа в возбуждении уголовного дела на практике нередко становятся средством злоупотребления полномочиями со стороны органов общественной безопасности. Так, возбуждение уголовного дела по ст. 264 УК КНР «Кража» предусмотрено в случае причинения ущерба, начиная с 2 тыс. юаней. На практике же данная сумма начинается с 3 тыс. юаней [16]. Ма Цзюньцзы и Дун Банцзюнь, связывают проблему незаконного отказа в возбуждении уголовного дела с нехваткой полицейских (1,6 млн полицейских на 1,4 млрд чел.), что приводит к недостаточно качественной проверке поступивших сообщений [17].

Статья 86 УПК КНР устанавливает возможность заявителя в случае несогласия с отказом в возбуждении уголовного дела обратиться за пересмотром. Так же как и отечественный законодатель, китайский законодатель не устанавливает срока на обжалование постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

Сравнительно-правовой анализ различных аспектов обеспечения прав и законных интересов потерпевшего

в ходе проверки сообщения о преступлении позволил обосновать следующие выводы и предложения:

1. В рамках приема заявлений о преступлении в России и Китае имеется несколько отличий. В России прием заявлений осуществляется всеми органами дознания и предварительного следствия, невзирая на то, к какому органу следствия может быть отнесено уголовное дело. В Китае обратная ситуация, когда соблюдение подследственности на начальном этапе является важнейшим процессуальным требованием.

2. Еще одно существенное отличие выражается в обязательном дактилоскопировании лица при подаче заявления о преступлении в орган общественной безопасности КНР.

3. Очевидно, Китай является официальным мировым лидером в развитии технологий. Страна твердо делает акцент на развитии IT-технологий и внедрении их в жизнь общества, в том числе и для борьбы с преступностью и обеспечением правопорядка в обществе. На сегодняшний день в Китае открыт первый автоматизированный полицейский участок, работающий 24 ч в сутки и управляемый искусственным интеллектом, по всей стране успешно функционирует онлайн-платформа, разработанная органами общественной безопасности для дистанционной подачи заявления о преступлении. Разработана онлайн-платформа для органов общественной безопасности и народной прокуратуры в целях обработки и обмена несекретной информации и повышения оперативности реагирования на нарушение законности.

В России возможность дистанционной подачи заявления только внедряется, многие граждане не знают о данной возможности или не используют ее в силу слабой информационной компетентности. В этой связи изучение опыта Китая по применению интернет-технологий в учетно-регистрационной, уголовно-процессуальной и административно-управленческой деятельности представляется необходимым для отечественного законодателя.

4. Китайский законодатель, в отличие от отечественного, предполагает не один, а несколько видов предварительных проверок. Перечень мероприятий, осуществляемых в рамках данных проверок в Китае, является открытым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Захарова В.К. Досудебное производство в уголовном процессе Российской Федерации и Китайской Народной Республики : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 196 с.
2. Об организации предоставления государственных услуг и муниципальных услуг : ФЗ от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ : (ред. от 27 декабря 2019 г.) // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.
3. Об утверждении новой редакции Программы МВД России «Создание единой информационно-телекоммуникационной системы органов внутренних дел» : Приказ МВД России от 20 мая 2008 г. № 435 (Документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Мобильное приложение МВД России. URL: <https://мвд.рф/apps> (дата обращения: 21.01.2020).
5. 九江市公安局2019年政府信息公开工作年度报告. Отчет Управления общественной безопасности города Цзюцзян провинции Цзянси за 2019 год. URL: https://jsgaj.jiujiang.gov.cn/zwgk/zfxxgknb/202002/t20200217_3190251.html (дата обращения: 12.02.2020).
6. What is made in China 2025 and why has it made the world so nervous? URL: <https://www.china-briefing.com/news/made-in-china-2025-explained/> (дата обращения: 12.02.2020).

7. 在福州自动化派出所 第一个自动化派出所 在福州. URL: <https://chinadaily.com.cn> (дата обращения: 12.02.2020).
8. *Chinese police are using smart glasses to identify potential suspects*. URL: <https://techcrunch.com/2018/02/08/chinese-police-are-getting-smart-glasses/> (дата обращения: 13.02.2020).
9. *A world with a billion cameras watching you is just around the corner*. URL: https://www.wsj.com/articles/a-billion-surveillance-cameras-forecast-to-be-watching-within-two-years-11575565402?mod=hp_listb_pos1 (дата обращения: 13.02.2020).
10. 别把人脸识别技术搞成现代“刺黥” 人脸识别技术在 中国 面临 安全 挑战. URL: https://guancha.gmw.cn/2019-10/30/content_33278600.htm (дата обращения: 13.02.2020).
11. 捺指纹做法 突遭 异议. 强制指纹识别 是否 侵犯 公民 权利. URL: http://zljcg.gitom.com/adetail_220310.htm?aid=241738 (дата обращения: 18.07.2019).
12. Шаров Д.В. Обеспечение прав и законных интересов заявителя в ходе рассмотрения сообщения о преступлении // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 7. С. 194–198.
13. 公安部印发《公安部关于改革完善受案立案制度的意见》(公通字32号) // 公安部关于改革完善受案立案制度的意见. URL: http://www.chinapeace.gov.cn/201512/29/content_11309393_3.htm (дата обращения: 13.11.2019).
14. Фалалеев М. Ждите ответа // Российская газета. 2018. № 42 (7505). С. 14.
15. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь–ноябрь 2019 года. URL: <http://genproc.gov.ru/stat/data/1548464/> (дата обращения: 15.01.2020).
16. 韦潇潇. 公安机关刑事立案问题之浅议. 海南大学. 法学院. 王 绍尧. 刑事立案问题之浅议. URL: <http://www.zaidian.com/show/yG8v7Qz4QepLCO65.html> (дата обращения: 18.11.2019).
17. 邦俊, 马君子. 公安机关刑事立案问题及对策研究. 中南民族大学学报. 2016. 36(5). 第 97 页. 董 宝军, 马 晋宇. 刑事立案问题及对策研究. URL: http://www.pkulaw.cn/fulltext_form.aspx?Gid=1510165985 (дата обращения: 23.03.2018).

Статья принята к публикации 24.05.2021.

Ensuring the Rights and Legal Interests of the Victim when Checking the Crime Report: A Comparative Legal Analysis of the Criminal Procedure Codes of the Russian Federation and the People's Republic of China

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 17, pp. 135–140. DOI: 10.17223/23088451/17/25

Irina G. Smirnova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Russian State University of Justice, East Siberian Branch (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: smirnova-ig@mail.ru

Ekaterina V. Alekseeva, Department for the Development of Local Self-Government of the Governor of Zabaikalsky Krai (Chita, Russian Federation). E-mail: smirnova-ig@bgu.ru

Keywords: initiation of criminal case, rights of victim, checking of crime report, comparative legal analysis

The article presents a comparative legal analysis of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the People's Republic of China, which regulate the rights and powers of the victim within the framework of the stage of initiating a criminal case. The authors highlight several significant differences in the legal regulation of this issue. The differences are: the obligation to comply with the rules of jurisdiction in China at the stage of filing a statement of a crime, which is not required under the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation; compulsory fingerprinting of a person when filing a crime report with a public security agency implemented in China; the existence of several types of preliminary checks (the list of activities carried out as part of these checks in China is open); intensive development of IT technologies and their introduction into the life of society, including for the fight against crime and ensuring law and order in society, in China.

References

1. Zakharova, V.K. (2017) *Dosudebnoe proizvodstvo v ugolovnom protsesse Rossiyskoy Federatsii i Kitayskoy Narodnoy Respubliki* [Pre-trial proceedings in the criminal procedure of the Russian Federation and the People's Republic of China]. Law Cand. Diss. Moscow.
2. Russian Federation. (2010) Ob organizatsii predostavleniya gosudarstvennykh uslug i munitsipal'nykh uslug: FZ ot 27 iyulya 2010 g. № 210-FZ: (red. ot 27 dekabrya 2019 g.) [On the organization of the provision of public services and municipal services: Federal Law of July 27, 2010, No. 210-FZ (as amended on December 27, 2019)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 31. Art. 4179.
3. Ministry of Internal Affairs of Russia. (2008) *On the approval of the new version of the Program of the Ministry of Internal Affairs of Russia "Creation of a unified information and telecommunication system of internal affairs bodies": Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of May 20, 2008 No. 435*. The document has not been published [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=437037>. (In Russian).
4. *Mobile application of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. [Online] Available from: <https://mvd.rf/apps> (Accessed: 21st January 2020).
5. Jisgaj.jiujiang.gov.cn. (2020) *Report of the Public Security Bureau of Jiujiang City, Jiangxi Province for 2019*. [Online] Available from: https://jisgaj.jiujiang.gov.cn/zxgk/zfxgknb/202002/t20200217_3190251.html (Accessed: 12th February 2020). (In Chinese).
6. Cyrill, M. (2018) *What is made in China 2025 and why has it made the world so nervous?* [Online] Available from: <https://www.china-briefing.com/news/made-in-china-2025-explained/> (Accessed: 12th February 2020).

7. China Daily. (n.d.) *The first automated police office in Fuzhou*. [Online] Available from: <https://chinadaily.com.cn> (Accessed: 12th February 2020). (In Chinese).
8. Russel, J. (2018) *Chinese police are using smart glasses to identify potential suspects*. [Online] Available from: <https://techcrunch.com/2018/02/08/chinese-police-are-getting-smart-glasses/> (Accessed: 13th February 2020).
9. Lin, L. & Purnell, N. (2019) *A world with a billion cameras watching you is just around the corner*. [Online] Available from: https://www.wsj.com/articles/a-billion-surveillance-cameras-forecast-to-be-watching-within-two-years-11575565402?mod=hp_listb_pos1 (Accessed: 13th February 2020).
10. Guancha.gmw.cn (2019) *Face recognition in China puts data protection at risk*. [Online] Available from: https://guancha.gmw.cn/2019-10/30/content_33278600.htm (Accessed: 13th February 2020). (In Chinese).
11. Zljcg.gitom.com. (n.d.) *Mandatory fingerprinting is nothing more than a violation of the constitutional rights of informers and victims*. [Online] Available from: http://zljcg.gitom.com/adetail_220310.htm?aid=241738 (Accessed: 18th July 2019). (In Chinese).
12. Sharov, D.V. (2015) Обеспечение прав и законных интересов заявителя в ходе рассмотрения сообщения о преступлении [Ensuring the rights and legitimate interests of the informer during the consideration of a crime report]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 7. pp. 194–198.
13. Chinapeace.gov.cn. (2015) *Order of the Ministry of Public Security of the People's Republic of China No. 32 "Opinions on the improvement and transformation of the procedure for initiating a criminal case"*. [Online] Available from: http://www.chinapeace.gov.cn/201512/29/content_11309393_3.htm (Accessed: 13th November 2019). (In Chinese).
14. Falaleev, M. (2018) Zhdi te otveta [Wait for an answer]. *Rossiyskaya gazeta*. 42 (7505). p. 14.
15. Genproc.gov.ru. (2019) *Statistical data on the main indicators of the activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation for January–November 2019*. [Online] Available from: <http://genproc.gov.ru/stat/data/1548464/> (Accessed: 15th January 2020). (In Russian).
16. Zaidian.com. (n.d.) A brief analysis of the problematic issues of initiating a criminal case. *Journal of Hainan University. Law School*. [Online] Available from: <http://www.zaidian.com/show/yG8v7Qz4QepLCO65.html> (Accessed: 18th November 2019). (In Chinese).
17. Bang Jun & Ma Junzi. (2016) Criminal Case Filing by Public Security Organs: Problems and Solutions. *Scientific Notes of the University of National Minorities of the Central and Southern Regions of China*. 36(5). [Online] Available from: http://www.pkulaw.cn/fulltext_form.aspx?Gid=1510165985 (Accessed: 23rd March 2018). (In Chinese).

Received: 24 May 2021.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АВДЕЕВА Екатерина Валерьевна – председатель Комитета развития правовых услуг и экспертизы законопроектов Общероссийской общественной организации «Деловая Россия», адвокат, старший партнер адвокатского бюро «МАГРАС» (Москва). E-mail: advokataev@mail.ru

АГАБЕКЯН Алла Липаритовна – аспирант кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск). E-mail: AllaAgabekyan@yandex.ru

АКСЕНОВА Лейла Юсуповна – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Омской академии МВД России (Омск). E-mail: aksenova.leila@mail.ru

АЛЕКСЕЕВА Екатерина Владимировна – консультант отдела правовой работы с органами местного самоуправления и ведения регистра муниципальных нормативных правовых актов управления по развитию местного самоуправления Губернатора Забайкальского края (Чита). E-mail: smirnova-ig@bgu.ru

АНЕШЕВА Амина Тулегеновна – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Омской академии МВД России (Омск). E-mail: b.ami08@mail.ru

АНИСИМОВ Андрей Геннадьевич – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Иркутского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) (Иркутск). E-mail: 7821@mail.ru

ВИТОВСКАЯ Евгения Сергеевна – преподаватель кафедры уголовного права Федерального казенного образовательного учреждения ФСИН России (Новокузнецк). E-mail: Jane-vit@mail.ru

ВОРОНИН Олег Викторович – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск). E-mail: crim.just@mail.ru

ГРИЩЕНКО Алена Владимировна – магистрант Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск). E-mail: alyona180497@yandex.ru

ГУЛИЕВА Натаван Байрам кызы – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического института Кемеровского государственного университета (Кемерово). E-mail: natavan-1212@mail.ru

ГУСЕВ Алексей Юрьевич – доцент, кандидат юридических наук, доцент Департамента теории права и межотраслевых юридических дисциплин НИУ «Высшая школа экономики», доцент кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, судья Ростовского районного суда Ярославской области (Ярославль). E-mail: judgegusev@mail.ru

ДАВЫДОВА Ирина Александровна – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права юридического факультета Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Рязань). E-mail: 706197825041977@mail.ru

ДЖИНДЖОЛИЯ Рауль Сергеевич – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Института права, экономики и финансов Кабардино-Балкарского государственного университета, профессор кафедры государственного и административного права МИРЭА – Российский технологический университет, сопредседатель и эксперт Комитета развития правовых услуг и экспертизы законопроектов Общероссийской общественной организации «Деловая Россия», член Общероссийской общественной организации «Российское профессорское собрание» (Москва). E-mail: draul1@yandex.ru

ДРАПЕЗО Роман Григорьевич – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического института Кемеровского государственного университета (Кемерово). E-mail: uri_nit@kemsu.ru

ДУДАРЕВ Виталий Анатольевич – ассистент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Брянск). E-mail: dudarev-vitalii@mail.ru

ЖЕЛЕВА Ольга Викторовна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск). E-mail: zheleva.olga@gmail.com

ЗЕЛЕНСКАЯ Татьяна Валерьевна – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Байкальского государственного университета (Иркутск). E-mail: stehha@mail.ru

КАЗАРИНА Марина Игоревна – старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Байкальского государственного университета (Иркутск). E-mail: mmmmmint@yandex.ru

КАМИНСКИЙ Эдуард Станиславович – председатель судебного состава, судья Верховного Суда Республики Татарстан (Казань). E-mail: 2887500@mail.ru

КАРЕТНИКОВ Константин Викторович – преподаватель кафедры организации режима, охраны и конвоирования ФКОУ ВО «Кузбасский институт ФСИН России» (Новокузнецк). E-mail: kostya_385@mail.ru

КУКСА Павел Александрович – аспирант кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Брянск). E-mail: kuksa_pavel_law@mail.ru

МАРИНИЧЕВА Анна Юрьевна – менеджер Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск). E-mail: crim.just@mail.ru

ОЛИМПИЕВ Анатолий Юрьевич – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Института социальных наук (Москва). E-mail: a.olimpiev@yandex.ru

ПРОЗУМЕНТОВ Лев Михайлович – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск). E-mail: krim_tsu@mail.ru

СКАКОВ Айдаркан Байдекович – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии Академии ФСИН России (Москва). E-mail: aidarkan@mail.ru

СМИРНОВА Ирина Георгиевна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск); профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Российского государственного университета правосудия (Восточно-Сибирский филиал) (Иркутск). E-mail: smirnova-ig@mail.ru

СТРЕЛЬНИКОВА Ирина Александровна – доцент, кандидат юридических наук, научный сотрудник факультета мировой экономики и мировой политики департамента зарубежного регионоведения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва). E-mail: irina.a.strelnikova@mail.ru

ТКАЧЕВ Игорь Олегович – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург). E-mail: tkachyov@mail.ru

ФИЛИППОВА Ольга Валерьевна – доцент, кандидат юридических наук, заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления (Улан-Удэ). E-mail: ovalfilippova@yandex.ru

ХАНИНЕВА Ольга Владимировна – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации (Краснодар). E-mail: hanineva83@mail.ru

ЦЫРЕТОВ Алексей Иванович – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России (Иркутск). E-mail: Alex.tsi@mail.ru

ШАИНА Мария Александровна – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Кемеровского государственного университета (Кемерово). E-mail: mshaina@yandex.ru

ЯСЕЛЬСКАЯ Вероника Владимировна – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск). E-mail: yaselskaya@mail.ru